

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 3 (17) 2011

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричёк Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, профессор; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, М.А. Ануфриева
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.
Тел. (3452) 59-85-16.
Тел./факс (3452) 30-68-69.
Эл. почта naukatui@mail.ru
Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 20.09.2011. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 16,28. Уч.-изд. л. 14,19.
Тираж 1000 экз. Заказ № 191. Цена свободная.

© ФГКОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2011

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

<i>Сулимов В.С.</i> Роль выморочного имущества при строительстве здания Тобольской мужской гимназии в конце XIX века.....	4
<i>Лоба В.Е.</i> Преступления против порядка прохождения военной службы в Уложении 1649 г.	8
<i>Кузакбирдиев С.С., Кузнецова М.А., Филина М.Н.</i> Факторы, влияющие на иерархию норм права.....	14

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

<i>Шаганян А.М.</i> К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	20
<i>Попов С.Н.</i> Конституционное право на жилище и роль субъектов Российской Федерации в его реализации	26
<i>Меркулова А.П.</i> Место и роль Федеральной миграционной службы Российской Федерации в механизме реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом.....	30

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

<i>Комиссарова Е.Г.</i> Целевой капитал в составе имущества некоммерческих организаций: от теории к практике.....	35
<i>Микшис Д.В.</i> Способы самозащиты гражданских прав.....	40
<i>Пермяков А.В.</i> К вопросу о состояниях в праве.....	49

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

<i>Юзиханова Э.Г., Лысенко С.А.</i> Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против собственности в нефтегазовом комплексе	61
<i>Зворыгина С.А.</i> Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки субъектов дорожно-транспортных преступлений.....	66
<i>Акутаева И.Р.</i> Специально-криминологические меры профилактики краж чужого имущества	77

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

<i>Черкасов Р.В.</i> Закономерности преступной экономической деятельности.....	83
--	----

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

Бочинин С.А. Основания классификации следственных действий в уголовном судопроизводстве России.....96

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Амеличкин А.В. Защита прав и законных интересов человека и гражданина в административной деятельности органов внутренних дел.....105

Юклова Т.Г. К вопросу о совершенствовании конституционно-правового механизма гендерного равенства.....110

Раздел 8. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности

Романова Н.Г. Проблемы нормативно-правового регулирования охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на водном транспорте.....116

Калюжный Ю.Н. Основные направления совершенствования несения службы нарядами дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России.....127

Summary.....132

К сведению авторов.....136

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

РОЛЬ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЗДАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В.С. Сулимов

(доцент кафедры права и методики преподавания обществознания
Тобольской государственной социально-педагогической академии
им. Д.И. Менделеева, кандидат исторических наук, доцент; vsulimov@km.ru)

Статья посвящена вопросам использования выморочного имущества в строительстве зданий учебных заведений Министерства народного просвещения в конце XIX века. В работе на примере Тобольской мужской гимназии рассматривается применение норм наследственного права в дореволюционной России.

Ключевые слова: выморочное имущество, умерший владелец, неявка наследников, учебное заведение, мужская гимназия, получение наследства, чиновники учебного ведомства.

Согласно современному российскому законодательству выморочным считается имущество, оставшееся после умершего лица и на которое никто не заявляет или не может заявить притязаний ни по завещанию, ни по праву наследования по закону. Имущество лиц, умерших и не оставивших завещания, становится выморочным в зависимости от того, в какой мере ограничен законодательством круг родственников, имеющих право наследования по закону.

В России в конце XIX – начале XX вв. существовали ограничения на право наследования имущества умершего родственниками по боковой линии. Предположение о том, что умерший мог иметь желание оставить свое имущество дальнему родственнику, часто впервые узнающему о самом существовании умершего только по случаю открывшегося наследства, являлось нереалистичным. С другой стороны, в исследуемый период имущество приобреталось индивидуальными усилиями, а не коллективным трудом родственников, поэтому семейное имущество почти исчезло из гражданского оборота.

В России выморочное имущество имело общепольное назначение, и ограничение круга родственников, имеющих право наследования имущества умершего, соответствовало интересам общества. Однако в дореволюционном российском законодательстве круг наследников не ограничивался по степени родства.

В соответствии со ст. 1162 Свода законов Российской империи (далее – СЗРИ) имущество признавалось выморочным, когда после умершего владельца не оставалось наследников, или, при наличии наследников, никто из них не явился в течение десяти лет со времени последнего объявления в печати о явке для получения наследства, или никто из явившихся в этот срок не доказал своего права [1, с. 101].

В случае неявки наследников в течение шести месяцев, согласно ст. 1164 СЗРИ, имение умершего поступало в опекуновское управление. Данная мера являлась предварительной для сохранения имущества, которое еще не стало выморочным, но впоследствии могло быть признано таковым, и не препятствовала возвращению имения наследникам, если они предъявят свои права до истечения установленного срока [1, с. 101].

Если дома и другие отдельные строения, поступившие в опекуновское управление и под присмотр казны или иного ведомства, оказывались ветхими и не могли приносить дохода, достаточного для покрытия необходимых издержек на их исправление и поддержание, то после предварительного разрешения начальства ведомства, под присмотром которого они состояли, и с утверждения губернского начальства они без промедления подвергались продаже с публичных торгов. Вырученные через продажу деньги до окончания десятилетнего сро-

ка, предоставленного на явку наследников, отсылались для приращения процентами в Государственный банк. По истечении означенного срока, если наследники не явились или явились, но прав своих не доказали, следовало обращать данные капиталы с процентами в казну или в то ведомство, коему они должны принадлежать по выморочному праву. В случае явки наследников деньги выдавали им, когда их право на наследство будет признано судом [1, с. 101].

Оставшись «бесхозным», выморочное имущество поступало в собственность государства или становилось достоянием общественного союза или благотворительного учреждения: общины, города, церкви, сословия, больницы, вспомогательной кассы.

Выморочное недвижимое имущество в пределах городских земель поступало в собственность городов, однако право городов уступало праву учебных заведений Министерства народного просвещения (далее – МНП) и ведомства императрицы Марии, так как этим учреждениям принадлежало право на выморочное имущество, недвижимое и движимое, оставшееся после лиц, служивших в них. Такое же право предоставлялось законом в пользу Академии художеств. Таким образом, выморочное имущество, оставшееся после смерти чиновников учебного ведомства, обращалось в пользу тех учебных заведений, при которых умершие находились [1, с. 102].

Так, воспользоваться выморочным капиталом после продажи имущества умершего учителя Матросова в интересах Тобольской гимназии предложил попечителю Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринскому губернатор В.А. Тройницкий. Деньги планировалось потратить на строительство нового здания гимназии.

Необходимость постройки нового здания Тобольской мужской гимназии назрела давно. Старое помещение, возведенное во второй половине XVIII в., начиная с середины XIX в. становилось все более тесным. Этот вопрос пыталась решить администрация гимназии. 4 ноября 1867 г. было подано ходатайство о необходимости строительства пристройки к главному корпусу гимназии. Однако данное ходатайство

осталось без последствий. Через 10 лет, в 1876 г., директором гимназии было повторно подано ходатайство о необходимости строительства нового здания гимназии. В результате этого с разрешения генерал-губернатора Западной Сибири гимназия получила 4 530 рублей на ремонт здания и строительство деревянной пристройки. Этими мерами временно были удовлетворены лишь самые насущные потребности гимназии [2, л. 6 об.].

В апреле 1881 г. по распоряжению Тобольского губернатора строительная комиссия, при участии гимназического начальства, произвела осмотр зданий школы с целью определения, насколько они отвечали требованиям безопасности и гигиены. Оказалось, что все части главного здания гимназии, включая стены, поврежденные в разных местах, пришли в «совершенно ветхое состояние» [2, л. 7]. На потолке штукатурка едва держалась, помещения нижнего этажа были низкими. В классах было сыро, темно и холодно: в зимнее время ученики сидели на занятиях в шубах. Размер классов не соответствовал установленным нормам, вследствие этого в помещениях было душно.

В таком же состоянии находились остальные здания, где размещались пансион, квартиры инспектора, воспитателей, службы. По мнению комиссии, все эти недостатки невозможно было устранить посредством ремонта. Только постройка нового корпуса могла дать гимназии соответствующие ее потребностям помещения [2, л. 7-7 об.].

Неудовлетворительное состояние гимназии, отраженное Тобольским губернатором в отчете за 1883 г. Александру III, привлекло внимание монарха. На отчете была сделана отметка его рукой: «К министру народного просвещения». После этого МНП связалось с генерал-губернатором Западной Сибири, и был поднят вопрос о составлении плана и сметы нового здания для гимназии [2, л. 7 об.].

Между тем состояние зданий ухудшалось. В декабре 1884 г. губернская строительная комиссия составила очередной акт освидетельствования деревянного здания, где помещался приготовительный класс.

Оказалось, что стены во многих местах вышли из отвесного положения, потолки провисли и угрожали падением, вследствие чего пребывание в этом здании признавалось небезопасным. Для временной поддержки потолков установили подпорки. В таком виде здание могло простоять не более двух лет [2, л. 8].

В отчете губернатора царю за 1884 г. было снова отражено, что здание гимназии по тесноте, ветхости, недостатку света и воздуха признано не только неудобным, но даже небезопасным для дальнейшего оставления в нем учебного заведения. В связи с этим постройка или приобретение нового здания для размещения гимназии представлялось делом «существенной и неотлагательной необходимости» [2, л. 8-8 об.].

В 1887 г. в столице решался вопрос о строительстве нового здания Тобольской мужской гимназии. Государственный совет, рассмотрев представление МНП о расходе на возведение здания для гимназии, отклонил ходатайство об ассигновании из казны 88 435 руб. 33 коп. на ее строительство. Вследствие этого МНП рекомендовало попечителю учебного округа искать средства для строительства нового здания из местных источников. Однако, принимая во внимание значительность предстоящих расходов, министр народного просвещения Делянов полагал возможным отпустить в течение двух сметных периодов из строительного капитала МНП до 60 000 руб. Оставшуюся сумму следовало отнести на специальные средства или на местные источники, если при пересмотре сметы не окажется возможным уменьшить расход на постройку [2, л. 49-49 об.].

Губернатор В.А. Тройницкий в сентябре 1887 г. ознакомился с планом здания и сметой, высказав свои соображения попечителю Западно-Сибирского учебного округа. Губернатор полагал необходимым незамедлительно запросить у МНП 60 000 рублей, выделяемых на постройку здания. Конечно, уже было очевидно, что данной суммы для постройки всего здания недостаточно. Однако через два года можно было запросить еще 10-15 тысяч, надеясь, что если даже состав министерства изменится, то оно не откажет в завершении крупного

дела [2, л. 61]. В сложившейся ситуации губернатор начал искать возможности для сокращения затрат на строительство. Местным архитектором в ходе проверки сметы были найдены ошибки, учитывая это, сумма сметы уменьшилась на 2 000 рублей. При постройке можно было сэкономить на покупке строительных материалов и на кладке кирпича. Предполагалось сэкономить на оплате труда плотников, столяров, закупке стекла и краски, а также затратить меньше средств при устройстве строительных лесов и на оптовых работах. Таким образом, губернатор планировал сэкономить около 14 тысяч рублей. С учетом данной суммы можно было начинать строительство [2, л. 62-63 об.].

Тройницкий предлагал еще более удешевить постройку: не штукатурить здание снаружи, что делалось весьма часто и это существенно снижало расходы. Кроме того, предполагалось обратиться в Министерство государственных имуществ с прошением о бесплатном отпуске леса с вывозом и рубкой местными силами, так как практика этого уже существовала, когда казна без затруднений давала лес на церкви или, например, на строительство Тобольского губернского музея лес также был получен бесплатно. Губернатор планировал отправиться в Петербург и мог лично походатайствовать перед министром государственных имуществ о бесплатном отпуске леса. Данная мера способствовала экономии в сумме 4-5 тысяч рублей [2, л. 63 об. - 64].

К тому же губернатор полагал, что здание проектировалось на «слишком широкую ногу»: треть его занимали лестницы и коридоры. Кроме того, устраивалась домовая церковь. По мнению Тройницкого, лестницы можно было значительно сузить, и тогда здание уже не имело бы внутри столь «грандиозного» вида. При этом оно становилось достаточно удобным и требовало меньше затрат на отопление [2, л. 64 об. - 65].

Тройницкий считал устройство домово́й церкви на втором этаже удобным для учеников и преподавателей, однако в связи со скудностью средств церковь была роскошью. На каждое богослужение пансионеры и ученики, живущие дома, обяза-

тельно, в любую погоду должны были идти в приходскую церковь, расположенную рядом с гимназией. Это правило оставалось и при строительстве собственной церкви. Приход местной Богоявленской церкви, что находилась около гимназии, был не велик, и тесноты в ней не наблюдалось. При исключении церкви из проекта свободное пространство можно было занять актовым залом и таким образом уменьшить постройку [2, л. 65-65 об.].

В результате губернатор внес предложение о возможности выделения архитектору Аплечееву 100 рублей для составления более скромного проекта здания, со сметой 60 тысяч рублей. Уменьшение размеров здания позволяло расположить его на месте, где находился пансион [2, л. 66].

Попечитель учебного округа передал предложения Тройницкого министру народного просвещения. Однако не признал возможным отказаться от домово́й церкви при постройке здания, учитывая не только ближайшие потребности учебного заведения, но и те, которые могли появиться в будущем. В дальнейшем могли возникнуть сложности посещения учениками приходской церкви. И если при постройке здания помещение для церкви осталось бы даже неотделанным, то для окончательной отделки здания можно было привлечь благотворителей. Таким образом, на это строительство от казны не требовалось особых затрат. Кроме того, не согласился попечитель с мнением губернатора и о постройке здания гимназии на другом месте. При строительстве планировалось соединить коридором старый корпус с новым, хотя окна переднего фасада при этом выходили на север, а окна большей части классов – на юг. Для постройки здания на новом месте следовало сломать помещение пансиона, вполне пригодное для использования. При этом предлагаемый Тройницким участок земли имел в длину 22 сажени, а проектируемое здание – 30 сажен. Для расширения участка следовало купить соседнее место [2, л. 57-59 об.].

В результате попечитель учебного округа ходатайствовал перед министром об отпуске с 1 января 1888 г. на постройку здания гимназии суммы в 60 000 руб., об

учреждении в Тобольске строительного комитета для возведения здания и об отпуске комитету до 3 000 бревен строевого леса из казенных дач с вырубкой и вывозом его за счет строительной суммы [2, л. 59 об. - 60]. Данное ходатайство было удовлетворено.

В мае 1888 г. Тройницкий сообщил попечителю учебного округа о том, что Тобольской гимназии «выпал жребий» получить наследство в виде выморочного капитала учителя Матросова, составившего с процентами около 15 000 рублей. Губернатор писал: «Делу постройке, по-видимому, сам бог помогает». Он надеялся, что с этими деньгами, возможно, удастся выстроить здание, не запрашивая дополнительного кредита от МНП. К тому же царь разрешил получить бесплатно 3 000 бревен из казенных дач. Далее губернатор обращался с вопросом к попечителю округа о том, можно ли считать выморочный капитал прибавкой к строительной сумме и распорядиться им, или на это необходимо испросить разрешение [2, л. 92-92 об.].

Кроме того, Тройницкий просил дать возможность строить новое здание на месте пансиона. Если раньше нужно было тесниться, чтобы не покупать соседнего места, то теперь, имея «случайные» деньги, можно было приобрести данный участок, а вместе с ним готовый сад и хороший деревянный дом, дающий возможность разместить в нем две большие квартиры для служащих [2, л. 93]. После различных согласований здание гимназии было построено ближе к горе, у Прямского взвоза.

Таким образом, выморочный капитал, полученный от продажи имущества учителя, позволил изменить местоположение нового здания Тобольской гимназии, не вносить изменений в проект и осуществить строительство в довольно короткий срок (с 1889 по 1892 гг.), не прибегая к дополнительной помощи государства.

1. Свод законов Российской империи. Т. X. Отд-е 6-е. СПб., 1905.

2. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 17.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В УЛОЖЕНИИ 1649 г.

В.Е. Лоба

(начальник управления научно-исследовательской деятельности
Армавирской государственной педагогической академии,
кандидат юридических наук; vsevolodka@inbox.ru)

Статья посвящена анализу положений главы VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Уложения 1649 г., касающихся вопросов регулирования порядка прохождения военной службы того периода времени, а также описания наиболее опасных деяний, посягающих с точки зрения военно-уголовной доктрины на установленный порядок ее прохождения.

Ключевые слова: преступления, военная служба, Уложение 1649 г.

К числу первых в истории Российского государства законодательных актов, в которых была сделана попытка обобщить нормы, регулирующие военную службу, относят в том числе и Уложение 1649 г. Несмотря на то что в данном памятнике права о военнослужащих речь идет в следующих главах: VII «О службе всяких ратных людей Московского государства», VIII «О искуплении пленных», XXIII «О стрелцах» и XXIV «Указ о атаманех и о казаках», объектом нашего интереса мы избрали положения, содержащиеся в главе VII «О службе всяких ратных людей Московского государства». Данный выбор обусловлен тем, что государство XVII столетия в своем развитии еще не достигло того уровня, когда могло создать армию как самостоятельную часть государственной службы, функционально предназначенной для обеспечения военной безопасности государства. Войско к моменту издания Уложения состояло из служилых людей «по отечеству» и служилых людей «по прибору». К первой группе относились: служилые люди думные – бояре, окольные, думные дворяне; служилые люди московские – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; служилые люди городовые – дворяне и дети боярские выборные («выбор»), дворовые («по дворовому списку») и городовые (городовой осадной службы). При этом дворянское ополчение, являясь ядром армии того времени, состояло из людей, получавших за свою службу наделы земли – поместья и поместный оклад за службу

по чинам, которые тем не менее в период нахождения вне этой службы не подлежали юрисдикции военного права.

Вторую группу составляли стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики, воротники, даточные люди, воины полков так называемого «нового строя», которые за службу получали «корма» – денежное или натуральное содержание и отдельные льготы. При этом вторая по численности и значению часть вооруженных сил (стрельцы) также вне периода военных действий не подлежала юрисдикции общевоинских статей, а судилась в Стрелецком приказе. «Таким образом, армия превращалась в единое целое, подверженное сфере действия военного права лишь в военное время, в походах или в бою, когда они подчинялись во всех своих частях единому командованию независимо от служебного и социального положения ратных людей, входящих в состав этой армии. Именно к этому состоянию и относится гл. VII Соборного уложения» [1, с. 163]. Как только оканчивалась война или боевые действия, все военнослужащие (ратные люди) отпускались по домам.

На страницах юридической литературы преступные деяния, предусмотренные гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства», относят к преступлениям против государства в виде военных преступлений [2, с. 212; 3, с. 417; 4, с. 126], порядка управления [5, с. 342; 6, с. 217; 7, с. 559], внешней безопасности [8, с. 49-50] как состояния защищенности

общества от внешних угроз, а также к служебным (должностным) преступлениям [9, с. 66; 10, с. 179].

Между тем, рассматривая ссылку как одну из форм воинского наказания по Уложению 1649 г. и ряду указов той эпохи, в своем диссертационном исследовании Н.И. Фалеев указывает, что назначалась она за уклонение от военной службы в виде побега или неявки [11, с. 361], т.е. речь в данном случае идет, говоря современным языком, о дезертирстве, объектом которого является порядок прохождения военной службы. Данная точка зрения близка и нам, поскольку глава «О службе всяких ратных людей Московского государства», по сути дела, не только регламентировала прохождение военной службы и устанавливала порядок действий войск, но и предусматривала ответственность военнослужащих в военное время или боевой обстановке либо по окончании боевых действий. При этом начало военной службы связывалось с началом войны («с которым государством у Московского государства война зачнется») либо боевых действий («в которое время изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу»), а момент окончания – со следованием с военной службы домой: «А будет кто ратные люди, едучи... з государевы службы по домом...» [12, с. 93, 97]. Территориальные пределы войны или боевых действий были обусловлены территорией как России, так и другого государства. Вот почему необходимо считать, что уголовно-правовой охране, согласно гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Уложения 1649 г., подлежал существовавший на тот момент порядок прохождения военной службы. По своему содержанию эта глава должна была бы образовать особый Воинский Устав [8, с. 42-43].

В зависимости от описания конкретных составов преступлений выделим следующие деяния, посягающие на установленный порядок прохождения военной службы.

1. Военная измена в виде перехода на сторону врага и выдачи сведений военного характера: «А будет кто, будучи на го-

судареве службе в полках, учнет изменю ис полков переезжати в неприятельския полки, и в неприятельских полках сказывати про вести и про государевых ратных людей, и в том на него кто известит и сыщется про то допряма, и такова переезжца казнити смертию, повесити против неприятельских полков, а поместья его и вотчины и животы взяти на государя» (ст. 20) [12, с. 95]. Специфика обстановки представляла наибольшую общественную опасность, поэтому Уложение закрепило наказание в виде смертной казни через повешение на виду у неприятельских полков с конфискацией вотчины и поместья со всем движимым и недвижимым имуществом. Приговоренные к смертной казни получали духовное напутствие, для чего им давали 6 недель для покаяния. Лишь после этого они допускались к причастию. Казнь назначалась на 3-й день после причастья. Приговоренному к казни приговор читался публично. К месту казни он шел с зажженной восковой свечой [3, с. 413].

2. Самовольное оставление места службы: военнослужащим, распределенным по полкам, запрещалось покидать службу, не дождавшись отпуска. За первый побег с государевой службы они наказывались кнутом; за второй, сверх наказания кнутом, применялось имущественное наказание в виде изъятия пятидесяти четвертей размера поместья и поместного денежного оклада со ста четвертей по рублю; за третий побег – лишение всех поместий, которые давались за добросовестную службу, а также наказание кнутом.

Побег со службы иноземца, кормового человека, стрельца, казака или даточного человека наказывался более строго. Так, виновные подвергались жестокому наказанию кнутом и высылались к службе с приставами. Одновременно с их жалования производился вычет по расчету. Что касается даточных беглых людей, то за побег взыскивалось с того, кто его определил на службу, из расчета 20 рублей за каждого человека [12, с. 93-94].

Ответственность военнослужащего, совершившего бегство с поля боя («служилой человек, будучи на государеве службе,

з бою збежит к себе домов»), видимо, по причине трусости и малодушия, также предусмотрена Уложением. В подобном случае наказание заключалось в виде отбирания половины поместья, а также половины поместных и денежных окладов в соединении с наказанием кнутом («бити кнутом нещадно») [12, с. 95]. Наказание кнутом проводилось тремя способами: 1) обыкновенный, когда тело наказываемого находилось в висячем положении, 2) наказание кнутом в проводку и 3) наказание кнутом на козле. Число ударов кнутом не определялось в законе. На первый взгляд кажется, что их определял судья или исполнитель. Между тем, по мнению Н.Д. Сергеевского, «можно думать, что и в судебных приговорах число ударов определялось весьма редко; по крайней мере следов этого мы нигде не находили» [13, с. 160]. Битье кнутом разделялось на простое (с пощадою) и нещадное (без пощады, без всякого милосердия) [14, с. 218-231]. Если число ударов превышало 50, битье считалось нещадным. От каждого удара оставалась рана толщиной в палец; после нескольких ударов окровавленное тело напоминало животное, с которого содрана кожа. Битье нещадное являлось, по сути, замаскированной смертной казнью [15, с. 354].

3. Уклонение от прохождения военной службы, состоящее в умышленном введении виновным в заблуждение лиц, осуществляющих призыв на службу, относительно якобы имеющих возрастных изменений, телесных увечий и болезней: «А будет которые служилые люди учнут бити челом государю, чтобы им на государеве службе не быти, и скажутся стары и увечны, или болны, а по осмотру на государеве службе им быти мощно и таких на государеву службу высылати самих» [12, с. 95].

Интересно при этом, что наказание было лишь в виде принудительного доствавления к месту его службы.

4. Отпускать ратных людей со службы разрешалось боярам и воеводам в самых крайних случаях, а именно: при домашнем разорении, при побеге крестьян или по иным каким самым нужным делам,

но при известии о неприятеле отпуск ни под каким предлогом не дозволялся [16, с. 37-38]. Если же бояре и воеводы за взятку («за посул») отпускали домой ратных людей без царского указа, они подвергались такому жестокому наказанию, какое укажет царь [12, с. 94]. Законодатель этим суровым наказанием как бы подчеркивал, что преступление, совершенное лицом, которое в силу своего служебного положения само призвано обеспечивать воинский правопорядок, свидетельствует о повышенной опасности совершенного деяния и личности виновного.

Логическим продолжением вышеизложенного является норма, согласно которой после объявления вины перед строем подлежали жестокому битью батогами и заключению в тюрьму сотенные головы, которые, не имея права предоставлять ратным людям даже кратковременные отпуска без санкции воеводы, незаконно (за взятки) отпускали последних [12, с. 94]. Преступника клали на землю ничком, обнажив ему спину до рубахи; два человека держали его один за ноги, другой за голову, а третий (иногда и несколько человек вместе) бил его по спине прутьями до тех пор, пока не останавливал его судья [17, с. 79].

По Уложению тюремное наказание назначалось на определенный срок – от 3 дней до 4 лет, на неопределенный срок – «до Государева указа», а также пожизненно [15, с. 368]. В данном случае срок тюремного заключения не был определен. По мнению Н.Д. Сергеевского, содержащееся в Уложении выражение «вкинути в тюрьму» означает пожизненное тюремное заключение [13, с. 155, 165, 167-168]. Ему возражал В. Ливновский, полагавший, что «в Уложении не встречается заключение на всю жизнь» [16, с. 105]. С последним солидарен и А.М. Богдановский: «Уложение пожизненного тюремного заключения не знает» [17, с. 83]. Таким образом, нельзя исчерпывающе ответить, на какой срок подвергались тюремному заключению сотенные, которые за вознаграждение разрешали отпуска без законных на то оснований.

5. Ответственность за хищение военного имущества. Так, за кражу ружья* военным служащим у военнослужащего предусматривалось «битье кнутом нещадно», при этом украденная вещь возвращалась хозяину, а за кражу лошади военнослужащим из воинской части последнему отсекалась рука [12, с. 97]. Руку отсекали без всяких правил – «не задумываясь, как удобнее подвернется» [18, с. 29].

6. Многочисленные исторические и литературные источники свидетельствуют, что различного рода преступные посягательства на мирное население в этот период времени совершались в огромных масштабах. Вследствие этого с целью пресечения этих преступлений Уложением за убийство («смертное убийство») и изнасилование («женъскому полу насильство»), совершенное ратным человеком (военнослужащим) при следовании на службу или со службы, предусматривалась смертная казнь (без определения вида) [12, с. 93, 97]. В то же время за грабеж, воровство, поправу хлебов и другие имущественные преступления вид и мера наказания за совершенное деяние устанавливались по усмотрению командования [12, с. 93, 97]. «Очевидно, что древний снисходительный взгляд на явное отнятие имущества еще не исчез вполне» [5, с. 352]. Кроме того, было предусмотрено двойное возмещение причиненного вреда.

В соответствии с Уложением [12, с. 97], «если служилый приехал к кому-нибудь домой (“на стан”) “по недружбе нарядным делом для задору” и между ними произошла ссора и драка, в ходе которой приехавший убил либо ранил или ограбил, то за убийство наказывали смертью. А если ударил, но не ранил, или словам кого обесчестил или грабежом что-либо взял, то подвергался наказанию смотря по вине, а обиженный мог доправить бесчестье и грабеж вдвое» [16, с. 39]. Под этим совершенно неопределенным наказанием, видимо, понимается наказание кнутом и

следующими за ним более легкими карами [3, с. 438].

К этим преступлениям можно отнести деяния, предусматривающие ответственность за различные посягательства на имущество жителей, причинение им убытков при покупке припасов, поправу посевов или употребление хлебов в корм лошадям: «...учнут у кого имати хлебныя запасы и конския кормы насильством, или учнут кого грабити, или дворы и огороды, где они стоят, учнут пустоштити, или иныя какие убытки кому делати...»; «...и лошадыми хлеб потравят и вытолочат, или какой хлеб пожав свезут к себе на станы лошадям на корм...» [12, с. 96]. Конкретные санкции зависели от усмотрения командования («да им же за то чинити наказание по рассмотрению»), тем не менее виновные должны были возместить причиненный ущерб в двукратном размере («те убытки правити вдвое», «велеть до правити денги вдвое безо всякия пощады»).

7. В главе VII Уложения затрагиваются не только военно-правовые отношения, но и иные общественные отношения, нуждающиеся в дополнительной правовой охране в условиях действия режима военного времени или боевой обстановки. Так, в отношении военнослужащих, совершивших преступление, Уложение ввело ответственность за ложное обвинение бояр и воевод в оказании содействия в уклонении от военной службы за взятку либо в совершении «служилыми людьми» убийства, изнасилования, грабежа и т.д.** [19, с. 18]. Виновные лица подвергались жестокому наказанию «что государь укажет» и «учинити то же наказание, в каком было наказании быти тому, кого он таким делом поклеплет» [12, с. 94, 97].

Кроме того, законодателем предусматривалась ответственность гражданского населения за продажу кормов военнослужащим по спекулятивным ценам: «А будет которые люди учнут ратным людям продавати людския и конския кормы дорогою ценою, и тем людям по суду и по сыс-

* На наш взгляд, термин «ружье» следует толковать в более широком смысле слова, а именно как оружие в целом.

** Современные авторы относят их к преступлениям против правосудия.

ку, по тому же наказанию чинити, а лишнее взятое отдавати» [12, с. 93].

Общего термина для обозначения преступления в Уложении нет. Если обратиться к тексту памятника, то в зависимости от того, какое именно преступление совершено, законодатель обозначает его такими терминами, как «бесчинство», «злое дело», «лихое дело», «воровство». В то же время из содержания статей следует, что под преступлением понималось забвение божьей заповеди и нарушение царского приказа, закона [20, с. 194].

Понятие наказания законодательно также не было закреплено, но анализ статей позволяет утверждать, что основной целью наказания являлось устрашение преступника и всех граждан от совершения преступных деяний тяжестью и жестокостью наказаний, а также обеспечение защиты общества от преступника на будущее [13, с. 12, 14] или, используя современную терминологию, общее и частное предупреждение (общая и частная превенция), а лишь затем – возмездие и получение от преступника имущественных выгод.

Система наказаний для «всяких ратных людей Московского государства» в зависимости от критерия их сравнительной тяжести выглядела следующим образом: смертная казнь (простая или квалифицированная); телесные наказания (членовредительные – отсечение руки и болезненные – битье кнутом или батогами); лишение свободы в виде заключения в тюрьму; денежные наказания и конфискация имущества; принудительное доставление виновного лица к месту его службы.

В некоторых случаях вид наказания определен, но не указана его мера: «вкинути в тюрьму», «казнити смертию». Имелись и неопределенные наказания: «чинити жестоко наказание, что Государь укажет», «наказание чинити смотря по вине», «учинити то же наказание, в каком было наказании быти тому, кого он таким делом поклеплет», «чинити наказание по рассмотрению», что как благоприятствовало индивидуализации наказания, так и создавало простор для судейского произвола.

Таким образом, Уложение 1649 г. явилось фундаментом зарождения основ военно-уголовного законодательства с выделением его в отдельную систему.

1. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / ред. кол. В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков, В.М. Панях. Л., 1987.

2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная / с примеч., прил. и доп. по истории русского права и законодательству положительному Магистра угол. пр. Н. Неклюдова. СПб., 1865. Т. 1: Часть общая.

3. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Четвертое изд., доп. и поправ. СПб., 1910.

4. Числов П.И. Курс истории русского права Приват-Доцента Императорского Московского Университета и Императорского Лицея в память Цесаревича Николая П.И. Числова. М., 1914.

5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. седьмое. Киев, 1915.

6. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.

7. Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов н/Д, 2003.

8. Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного Царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833.

9. Исаев И.А. История государства и права России: учеб. пособие. М., 2006.

10. Чебышев-Дмитриев А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862.

11. Фалеев Н.И. Цели воинского наказания: дис. ... экстра-ординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902.

12. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов.

13. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века / исследование

Н.Д. Сергеевского, экстра-орд. проф. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1887 [на обл. 1888].

14. Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1904.

15. Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д, 1918.

16. Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / сочинение Профессора Ришельевского Лицея Владимира Линовского. Одесса, 1847.

17. Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / рассуждения А. Богдановского. М., 1857.

18. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Репринт. изд. Харьков, 1994.

19. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005.

20. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции Н.С. Таганцева, д-ра уголовного права, сенатора, заслуженного профессора Императорского Училища Правоведения, почетного члена: университетов С.-Петербургского и Св. Владимира, Московского и С.-Петербургского Юридических Обществ. (Удостоены премии графа Сперанского Московским юридическим факультетом). Изд. второе, пересмотр. и доп. Часть Общая. Т. I. СПб., 1902.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЕРАРХИЮ НОРМ ПРАВА

С.С. Кузакбирдиев

(ученый секретарь Ученого совета Тюменского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-98)

М.А. Кузнецова

(Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права; mari-k@mail.ru)

М.Н. Филина

(Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права; filina-mariya@bk.ru)

Статья посвящена выявлению и анализу факторов, влияющих на построение иерархической структуры норм права. Рассматриваются проблемы расположения правовых норм в данной системе, формулируются предложения по совершенствованию законодательства с целью избежания коллизий и построения четкой иерархии.

Ключевые слова: иерархия норм права, коллизия, факторы, обуславливающие иерархию норм права, юридическая сила нормативных правовых актов.

Многочисленность законов в государстве есть то же самое, что большое число врачей: признак болезни и бессилия.

Вольтер

В настоящее время российская правовая система находится в состоянии реформирования, которое преследует цель создания правового государства и демократического общества. Стремление к более точному, исчерпывающе полному и предельно ясному правовому регулированию посредством использования в качестве его главного инструмента именно нормативных правовых актов привело к значительному увеличению количества законов и подзаконных актов. Создан огромный объем нормативно-правового материала различного уровня, заметно усложнилась структура законодательства, возникли новые комплексы нормативно-правовых актов [1, с. 5]. Данный массив подвергается постоянным дополнениям и изменениям, что нередко приводит к возникновению противоречий между отдельными нормами права.

Такое явление в теории права получило название «коллизия правовых норм». Коллизии в российском праве – это противоречия между положениями двух или нескольких норм права. Смысл разрешения таких столкновений в праве сводится к выбору одной из нескольких норм, положения которых противоречат друг другу. Устранение подобных противоречий в праве

обусловлено рядом факторов (специфических критериев, детерминант), которые влияют на построение иерархии норм права. Иерархия правовых норм – это сложная категория, которая в юридической литературе не находит однозначной трактовки.

С точки зрения А.Ф. Шебанова, иерархия представляет собой один из основных принципов формы права [2, с. 68]. С.Л. Зивс полагает, что принцип иерархического подчинения выступает основополагающим принципом построения системы права [3, с. 38]. С позиции марксизма иерархия актов определяется как принцип их построения, принцип правотворчества, «как принцип четкого определения правотворческих полномочий и строгой иерархии нормативных актов на основе верховенства закона» [4, с. 373]. И.С. Самощенко рассматривает иерархию как одну из наиболее общих и принципиальных закономерностей построения системы нормативных актов [5, с. 4-7]. По мнению Д.А. Керимова, иерархия – это основной способ объективного объединения по содержательным признакам нормативных актов «в структурно упорядоченное единое целое» [6, с. 273-280].

Обобщая вышеизложенные позиции, считаем приемлемым следующее опреде-

ление: иерархия норм права – это обусловленное специфическими факторами построение норм, содержащихся в правовых актах разной юридической силы, при котором они находятся в соподчиненности и согласованности.

Право в целом представляет собой иерархическую систему, однако в ряде случаев между нормами, ее образующими, возникают коллизии. Первым видом выступает коллизия между нормами права, содержащимися в НПА различного уровня. Существует принцип, выраженный в целой системе коллизионных норм, смысл которого сводится к установлению, что акт определенного вида не может противоречить акту более высокой юридической силы.

Наибольшую дискуссию вызывает вопрос о месте и роли норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации, а именно о том, какие нормы имеют приоритет. Существуют две диаметрально противоположные точки зрения: по мнению одних ученых, нормы международных договоров имеют преимущество перед нормами Конституции РФ. В частности, такая позиция отражена в работах И.И. Лукашука [7, с. 44], Л.Х. Мингазова [8, с. 37] и др. Иначе данный аспект представлен в большинстве научных трудов, посвященных данной проблеме, например, в исследованиях П.А. Лаптева [9, с. 2-6], Б.Б. Балданова [10, с. 2-4] и др. Суть их подхода заключается в том, что Конституция РФ обладает большей юридической силой по отношению к международным договорам России.

Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, в случае возникновения коллизии между законом и международным договором должны применяться только ратифицированные международные договоры, а нератифицированные договоры таким приоритетом не обладают [11, п. 10].

При этом следует отметить, что Конституция РФ является особым источником российского права, ее нормы обладают высшей юридической силой. Взаимосвязанные положения ч. 1 и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ дают возможность утверждать, что в случае возникновения коллизий между

конституционными нормами и нормами международных договоров приоритет должен быть отдан нормам Основного Закона России. Такой вывод сделан исходя из следующего: 1) именно Конституция РФ является тем высшим нормативным актом, который наделяет международные договоры Российской Федерации юридическим свойством действовать в правовой системе России и в случае возникновения коллизий с законом иметь приоритет в применении [9, с. 3]; 2) ратификация международных договоров осуществляется в форме принятия федерального закона, который находится ниже по иерархии и нормы которого не должны противоречить нормам Конституции; 3) в силу ст. 125 Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры подлежат проверке на соответствие ее нормам в Конституционном Суде РФ [10, с. 4].

Абсолютный приоритет конституционных норм признается и в случае возникновения коллизий между положениями Конституции и иных правовых актов. Вместе с тем нормы, содержащиеся в самой Конституции РФ, находятся в иерархической соподчиненности и согласованности. Так, более высокой юридической силой обладают нормы первой главы. Положения остальных глав Основного Закона, как это указано в ст. 16, не должны ей противоречить.

Следующими в иерархии норм права являются нормы федеральных конституционных законов, занимающие промежуточное положение между нормами ратифицированных международных договоров Российской Федерации и федеральных законов Российской Федерации.

Выстраивая далее иерархическую структуру норм права, следует обратиться к актам не только законодательных органов власти, но и исполнительных. В современной юридической литературе отмечается, что существует множество разновидностей подзаконных нормативных актов, нормы которых имеют различную юридическую силу. Как справедливо отмечает В.А. Толстик [12, с. 93], они образуют довольно сложную иерархическую систему, в кото-

рой акт каждого нижестоящего государственного органа должен соответствовать закону и нормативным актам всех вышестоящих государственных органов. Данный принцип закреплен в Основном Законе РФ. Так, согласно ст. 90 Конституции РФ Президент РФ издает указы и распоряжения. Указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам.

Однако в науке наблюдается полемика относительно того, как разрешаются коллизии между нормами указов и нормами распоряжений. Некоторые ученые, например, В.О. Лучин и А.В. Мазуров, придерживаются мнения о том, что в случае возможного возникновения коллизий между указами и распоряжениями необходимо признать приоритет положений указов [13, с. 21]. Данная позиция основывается на том, что указы, в отличие от распоряжений, имеют нормативный характер. Вместе с тем необходимо учитывать, что круг вопросов, по которым принимаются указы, не совпадает со сферами, регулируемым распоряжениями. Поэтому представляется практически недопустимой ситуация, при которой положения указа и распоряжения будут противоречить друг другу. В настоящее время не существует акта, который бы разграничивал случаи принятия указов и распоряжений. Во избежание потенциальной возможности коллизии между ними считаем целесообразным нормативное закрепление перечня вопросов, по которым должны издаваться указы и, соответственно, распоряжения.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении актов Правительства РФ. В соответствии со ст. 115 Конституции РФ на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, указов Президента РФ Правительство РФ издает постановления и распоряжения и обеспечивает их исполнение. Согласно ч. 3 ст. 115 Конституции РФ постановления и распоряжения Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ могут быть отменены Президентом РФ.

В части иерархической соподчиненности нормативных актов очень важным

является вопрос о соотношении предписаний нормативных актов общефедерального и регионального законодательства. В Основном Законе Российской Федерации закреплено, что республика имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального назначения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство. При этом федеративное устройство России базируется на принципах государственной целостности и единства государственной власти, а также разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации.

Путем анализа главы 3 Конституции РФ, посвященной федеративному устройству, можно выделить три сферы нормативного регулирования. Во-первых, предмет исключительного ведения Российской Федерации. Субъекты федерации не могут издавать нормативные акты относительно вопросов, входящих в эту сферу нормативного регулирования. Согласно п. 1 ст. 76 Конституции РФ по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации. Следовательно, даже в случае принятия нормативного акта по вопросу, входящему в компетенцию Российской Федерации, нормы такого акта не будут иметь юридической силы.

Во-вторых, предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Согласно п. 2 ст. 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ. Перечень вопросов, относящихся к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, определяет ст. 72 Конституции РФ. Таким образом, по данным вопросам нормативные документы могут издавать как властные органы Российской Федерации, так и властные органы ее субъектов. В случае возникновения коллизии между нормами актов Российской Федера-

ции и актов субъектов РФ приоритет имеют положения федеральных нормативных правовых актов.

В-третьих, предмет ведения исключительно субъектов РФ. Эта сфера включает все вопросы, не относящиеся ни к исключительному ведению Российской Федерации, ни к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Согласно ч. 4 ст. 76 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных правовых актов.

Таким образом, разграничивая сферы нормотворчества Российской Федерации и ее субъектов, Конституция строго устанавливает правила применения предписаний и нормативных актов Российской Федерации и субъектов РФ в случаях противоречия между ними.

Согласно ч. 5 ст. 76 Конституции РФ законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй данной статьи, то есть по вопросам ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон. Согласно ч. 6 ст. 76 Конституции РФ в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта РФ, изданным в соответствии с ч. 4 данной статьи, то есть по вопросу исключительного ведения субъекта Российской Федерации, действует нормативный правовой акт субъекта РФ. В соответствии со ст.ст. 90 и 115 Конституции эти правила распространяются также и на соотношение предписаний нормативных документов субъектов Российской Федерации и указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и нормативных актов министерств и ведомств.

С учетом предписаний этих норм можно сформулировать следующие два правила трактовки противоречий между предписаниями нормативных актов органов власти Российской Федерации и субъектов РФ: 1) если друг другу противоречат предписания нормативных документов органов власти Российской Федерации и субъектов РФ по вопросу, относящемуся к исключительному ведению Российской Федерации или совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, применяется норма документа органа власти Российской Федерации; 2) если друг другу противоречат предписания нормативных документов органов власти Российской Федерации и субъектов РФ по вопросу, относящемуся к ведению субъектов РФ, применяется норма документа органа власти субъекта РФ.

Серьезной проблемой современного российского законодательства является неопределенность статуса норм кодифицированных законов и их соотношение с нормами других федеральных законов. По юридической силе кодексы в Российской Федерации являются обычными законами и не имеют приоритета перед другими актами, равными по юридической силе. Безусловно, кодифицированные акты имеют свои преимущества, главное из которых – это стабильность, устойчивость закрепляемых в них положений. Кроме того, специфическая форма кодифицированных нормативных правовых актов позволяет им выступать системообразующим началом для правовой регламентации определенных областей общественной жизни [1, с. 8]. Возможно, в связи с этим в современном законодательстве наметилась тенденция к отходу от традиционного способа разрешения коллизий законов (когда вновь принятый акт отменяет действие ранее существовавшего и противоречащего новому) и закрепление приоритета за кодексом, что видится не вполне обоснованным. Исходя из вышеизложенного, представляется, что приоритет норм кодифицированных актов по отношению к нормам других федеральных законов возможен только при наличии следующих условий:

1. Приоритет норм кодифицированного акта должен быть прямо закреплен в самом кодексе применительно ко всем федеральным законам, а не только принятым ранее. Такой иерархический приоритет установлен, например, в ГК РФ, УК РФ и т.д. При этом Конституция РФ не предусматривает возможности установления иерархии в рамках одного из видов законов, но основной полагать, что приоритет не может быть закреплен в тексте самого акта, нет.

2. Приоритет норм кодифицированного акта может использоваться только при невозможности применения принципа приоритета специальной нормы перед общей. В противном случае рушится вся система законодательства, развивающаяся за счет выделения в отдельные нормативные акты специальных норм.

3. Норма некодифицированного федерального закона должна регулировать отношения, входящие в предмет регулирования кодифицированного акта.

Обозначенные проблемы построения вертикальной иерархии норм права показывают, что юридическая сила каждого нормативного правового акта (закона) является фактором, который определяет место его норм в иерархической системе правовых норм.

Представляется возможным построение и горизонтальной иерархии норм права, которая имеет двоякое проявление. Первое из них сводится к требованию: новый закон обладает приоритетом по отношению к ранее изданному. Речь идет об известном со времен римского права принципе: «*lex posterior derogat priori*» – «последующий акт вытесняет предшествующий». Вытекающее из него требование закреплено в ГК РФ (имеется в виду общая норма – ст. 4 и специальная, отнесенная к договорам, – ст. 422), а также в федеральных законах от 21 октября 1994 г. № 55-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации».

Второе проявление горизонтальной иерархии норм связано с другим принци-

пом: *lex specialis derogat generali* – «специальный закон вытесняет общий». Указанный принцип не закреплен в законодательстве, однако он является безусловно признанным. Отказ от этого принципа привел бы к тому, что правовая система государства полностью сводилась бы к нормам общим и только к таким специальным, которые эти общие нормы могут лишь детализировать. Тем самым законодатель лишился бы возможности достаточно полно отражать в принятых нормах специфику отдельных разновидностей регулируемых отношений.

Таким образом, можно выделить несколько основных факторов, оказывающих влияние на построение иерархической системы норм права:

1) юридическая сила закона, которая зависит: от компетенции органа, его принявшего; статуса закона, например, Конституция РФ, федеральный конституционный закон или федеральный закон; актификации международного договора; кодифицированности закона;

2) время принятия закона, в котором содержатся нормы;

3) четкость и определенность регламентации соответствующих отношений.

Неизменное первенство среди выделенных факторов принадлежит компетенции органа, принявшего нормативный акт. Такой подход является преобладающим в современной науке. Это объясняется тем, что нормы права принимаются государственными органами, которые также находятся в состоянии иерархической соподчиненности.

Отметим, что в юридической литературе можно встретить более широкий перечень факторов. Так, В.А. Толстик [12, с. 58-59] выделяет следующие факторы и дает каждому из них исчерпывающее обоснование:

1. Степень непосредственности выражения воли народа.

2. Степень общности (абстрактности) норм права.

3. Значимость (важность) регулируемых общественных отношений.

4. Кодифицированный характер акта.

5. Делегирование нормотворческих полномочий.

6. Надведомственный характер компетенции (для актов, принимаемых федеральными органами исполнительной власти и соответствующими органами субъектов Российской Федерации).

7. Совместное нормотворчество.

В условиях заметного увеличения объема законодательства и продолжающейся активной законотворческой работы рассмотренные выше правила разрешения правовых коллизий не всегда эффективно срабатывают. Без должного внимания остаются выделенные нами факторы, которые оказывают первостепенное значение при выборе подлежащей применению нормы и построении их иерархии. Сложившаяся ситуация порождает несовершенство как уже действующих, так и принимаемых норм, а следовательно, и правовую неопределенность.

В связи с этим можно предложить несколько вариантов решения данных проблем. Во-первых, считаем целесообразным принятие федерального закона «О нормативных правовых актах», содержащего, в частности, правила разрешения противоречий норм права, выбора правовых норм, подлежащих применению в конкретных правоотношениях. Это существенным образом облегчило бы процесс правоприменения и, таким образом, поспособствовало эффективности правового регулирования.

Во-вторых, следует помнить, что нормы права возникают на важнейшей, первоначальной стадии механизма правового регулирования – стадии нормативной регламентации общественных отношений. Поэтому считаем необходимым установить такую процедуру принятия НПА, которая исключала бы возникновение коллизий. Например, введение обязательной экспертизы всех проектов правовых актов с целью выявления противоречий между нормами вносимого проекта и уже существующими нормами, закрепленными как на одной иерархической ступени, так и на различных.

Представляется, что заинтересованными субъектами с учетом выделенных факторов, намеченных путей преодоления

коллизий и проблем может быть оказано значительное влияние на сегодняшнюю правовую действительность.

1. Чухвичев Д.В. Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8.

2. Шебанов А.Ф. Форма советского права. М., 1979.

3. Зивс С.Л. Источники права. М., 1981.

4. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: в 4 т. М., 1973. Т. 4: Социалистическое право.

5. Самощенко И.С. Иерархия и основы подразделения нормативных актов социалистического государства // Уч. зап. ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 15.

6. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.

7. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997.

8. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990.

9. Лаптев П.А. Международный договор Российской Федерации и Конституция Российской Федерации: проблема иерархии // Российская юстиция. 2009. № 2.

10. Балданов Б.Б. Место международно-правовых договоров в системе источников российского права // История государства и права. 2010. № 11.

11. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 // Рос. газ. 1995. 28 дек.

12. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: монография. Н. Новгород, 2002.

13. Лучин В.О., Мазуров А.В. Указы Президента РФ: основные социальные и правовые характеристики. М., 2000.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

А.М. Шаганян

(преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России; 8 (3852) 77-93-79)

Статья посвящена научному осмыслению принципов ограничения прав и свобод через призму общепризнанных принципов права, а также проблеме отсутствия единого законодательного закрепления понятия «принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина».

Ключевые слова: право, принцип, принцип права, принципы ограничения прав и свобод.

В научной литературе существуют разнообразные классификации принципов права, в частности предусматривающие их деление на международные и внутригосударственные. При этом международные и внутригосударственные принципы ограничения прав и свобод личности в большинстве своем совпадают. Обоснованием данного явления служит то, что национальное законодательство современных демократических государств опирается в первую очередь на нормы международных правовых документов. Следовательно, принципы ограничения прав и свобод, содержащиеся в международных правовых актах, в большинстве случаев находят свое отражение во внутригосударственных нормативных правовых актах.

Учитывая вышеизложенное, считаем возможным предложить рассмотрение принципов ограничения прав и свобод человека и гражданина через призму общепризнанности.

В конституционном праве и судебной практике различных государств под «общепризнанными принципами и нормами международного права» понимаются принципы и нормы общего международного права, т.е. правила поведения, признанные универсальными всеми или большинством государств для решения постоянно растущего числа проблем, затрагивающих интересы человечества в целом и требующих для своего решения участия максимально широкого круга государств, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Об-

щепризнанные принципы международного права закреплены в различных источниках, хотя при этом обладают признаком взаимосвязанности. Так, в Декларации о принципах международного права 1970 г. говорится, что «при толковании и применении... принципы являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов» [1].

По мнению С.Г. Каргополова и И.Ю. Юшкевича, «...принципы права выражают его идеальное состояние, то есть то, какими должны быть действия и отношения людей... не требуют какого-либо обязательного закрепления в нормах права, но если это имеет место, мы видим удачное сочетание идеи и практики» [2].

Л.С. Явич считает, что некоторые принципы могут формироваться, совершенствоваться и действовать, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве, хотя, конечно, оптимальный вариант заключается в наиболее полном закреплении основных начал в конституционном законодательстве [3].

Существующие взгляды ученых на определение термина «принципы права» дают основания сделать следующий вывод: принципы права должны соответствовать сложившимся в обществе отношениям между личностью и государством и быть закреплены в нормативных правовых актах, поскольку именно законодательное закрепление принципов права призвано обеспечить их неукоснительное соблюде-

ние, нормальное и единообразное формирование всей правовой системы в целом и в области ограничения прав и свобод человека и гражданина в частности.

Учитывая вышеизложенное предлагаем понимать принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина как основополагающие идеи, положения, фундаментальные начала, истины, порождающие ограничение прав и свобод человека и гражданина на основе справедливости и свободы. По сути, именно применение принципов ограничения прав и свобод человека и гражданина позволяет, на наш взгляд, установить пределы ограничения прав, очертить границы дозволенного государству умаления прав и свобод.

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина должны соответствовать требованиям справедливости, адекватности, пропорциональности, соразмерности и необходимости для защиты конституционно значимых ценностей, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционного права с тем, чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации [4].

В научной литературе представлены следующие принципы ограничения прав и свобод личности. Так, Л.Я. Морозова, анализируя социальную и правовую природу ограничений политических прав и свобод, выделяет принципы:

- целесообразности;
- законности;
- минимальной достаточности;
- единства;
- дифференцированности [5, с. 57].

Рассматривая конституционные основы ограничений прав и свобод, А.А. Подмарев к числу принципов ограничений прав и свобод личности относит следующие:

- признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважение достоинства личности;
- соответствие ограничений конституционным целям;

- соразмерность ограничений конституционным целям;
- равенство ограничений прав и свобод;
- запрет на ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;
- требование определенной правовой формы закрепления ограничений;
- соответствие ограничений прав и свобод международным стандартам [6, с. 74].

Из всего многообразия принципов ограничения прав и свобод особо выделяется ряд основных, тесно взаимосвязанных, взаимопроницающих и взаимно обуславливающих, соблюдение которых в первую очередь обеспечит оптимальное согласование интересов субъектов правового ограничения. К числу вышеуказанных принципов отнесем следующие:

- всеобщего уважения прав и свобод человека и гражданина;
- законности и допустимости ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом;
- формального равенства;
- справедливости;
- соразмерности;
- целесообразности.

Причем из перечисленных основных принципов исходным принципом ограничения прав и свобод человека и гражданина является принцип всеобщего уважения прав и свобод человека и гражданина. Неслучайно данный принцип нашел свое конституционное закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации, где сказано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Речь идет о такой системе социальных действий, при которой права человека и гражданина являются первичными, естественными, в то время как возможность отправления функций государственной власти – вторичной, производной. Устав Организации Объединенных Наций стал первым в истории международных отношений договором, который закрепил обязанность государств соблюдать и уважать основные права и свободы человека. Важнейшее значение име-

ет ст. 55 Устава, согласно которой «ООН содействует: повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития... всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех...» [7].

Принцип законности и допустимости ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Так, все без исключения международно-правовые акты единственным основанием ограничений прав называют закон. Принцип законности ограничения прав и свобод предполагает, во-первых, строгое соблюдение всех необходимых правовых процедур при введении ограничений. Во-вторых, содержанием данного принципа являются требования, имеющиеся в международных и российских внутригосударственных нормативных правовых актах и документах о том, что ограничения должны быть «предусмотрены законом» или введены «федеральным законом».

Впервые принцип законности закрепила Всеобщая декларация прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом...» (п. 2 ст. 29) [8]. Однако требование введения ограничений прав и свобод исключительно законом далеко не всегда выполняется. Так, например, чрезвычайное положение на всей территории страны или в ее отдельных местностях вводится указом Президента Российской Федерации с незамедлительным сообщением об этом обеим палатам Федерального Собрания [9]. Разумеется, можно утверждать, что понятие «введение ограничений только на основе федерального закона» в Конституции Российской Федерации употреблено в широком смысле и включает в себя, в частности, любые нормативные акты государственных органов власти. Однако регулирование такого важнейшего института, как права человека и гражданина, предполагает абсолютно точные формулировки. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что конституционные права и

свободы человека могут быть ограничены только федеральным законом.

Фундаментальным, всеобщим, применимым, в частности, к ограничениям прав и свобод личности является принцип формального равенства, который выражает сущность права как особого социального явления [10, с. 17]. Так, в ст. 19 Конституции Российской Федерации закреплено, что все равны перед законом и судом. При этом государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [11, с. 8].

Однако сложно согласуется с данным принципом включение в ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации («Обстоятельства, отягчающие наказание») такого обстоятельства, как совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Если данная мера призвана обеспечить дополнительные гарантии личности от произвола лиц, облеченных властью, то вполне резонно возникает вопрос: почему к числу обстоятельств, отягчающих деяние, не отнесена принадлежность лиц к иным правоохранительным структурам (прокуратура, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, суды и др.)? Подобное правовое регулирование ведет к дискриминации правопользователей, что означает нарушение конституционного принципа равноправия. Поэтому когда мы говорим о том, что федеральным законом можно ограничить права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, надо понимать, что такие ограничения не могут выходить за рамки пределов осуществления прав и свобод, очерченных в Основном Законе Российской Федерации.

Принцип целесообразности находит свое отражение во многих документах международного и внутригосударственного характера, закрепляющих, что ограничения прав вводятся с определенными целями, которые должны иметь законный характер. Так, согласно Всеобщей декла-

рации прав человека, «...при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [8].

В теории права отмечается, что «принцип целесообразности в правоприменительной деятельности означает учет конкретных условий применения того или иного нормативного правового акта, принятие во внимание специфики сложившейся ситуации в момент вынесения решения, выбор наиболее оптимального варианта реализации правовых требований в тех или иных конкретных обстоятельствах» [12, с. 281]. Таким образом, применительно к институту ограничений прав и свобод человека и гражданина принцип целесообразности предполагает внутреннюю оправданность, соответствие поставленной цели, разумность применяемых ограничительных мер.

Содержанием принципа целесообразности ограничений прав и свобод личности является, во-первых, применение ограничений только для целей, установленных Конституцией Российской Федерации. Во-вторых, то, что перечень целей ограничений прав носит закрытый характер, а сами цели не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации [13].

Кроме того, одним из важнейших принципов ограничения прав является принцип справедливости, который заключается в соблюдении субъектом, устанавливающим ограничения, представлений о справедливости, сложившихся в данное историческое время в данном обществе [14, с. 23]. Чаще всего справедливость в праве рассматривают как принцип, т.е. как базовое мировоззренческое юридическое предписание применения норм права.

С учетом изложенного считаем возможным определить принцип справедли-

вости как применение закона профессионалами с учетом комплекса взаимосвязанных жизненных установок, ценностей, идей, признаваемых и одобряемых обществом.

Применительно к исследуемой проблеме справедливость прежде всего не должна противоречить законности, поскольку действует юридическое правило: что незаконно, то несправедливо. Одной из наиболее важных черт принципа справедливости ограничения прав является также недопущение чрезмерности ограничения прав и свобод.

Общепризнанным является положение о том, что ограничения прав и свобод человека и гражданина должны быть адекватны обстоятельствам, обеспечившим необходимость возникновения и применения ограничительных мер. Речь идет о не менее важном по отношению к уже рассмотренным принципам – принципе соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод человека и гражданина. Следует согласиться с мнением М.В. Баглая, который обращает внимание на то, что примененная в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации формулировка о возможности ограничения прав и свобод человека «в той мере, в которой это необходимо... порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкого толкования этого условия» [15, с. 167]. В.Б. Рушайло определяет содержание принципа соразмерности как адекватность степени и объема ограничений прав и свобод граждан в чрезвычайной ситуации, применение ограничений прав и свобод как чрезвычайной меры только в случаях, когда арсенал мер государственного принуждения, применяемых в обычных условиях, исчерпан [16, с. 114]. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации придерживается правовой позиции, согласно которой принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, при условии их адекватности социально оправданным целям. При этом

государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры [17].

Кроме того, существенными составляющими принципа соразмерности являются: минимальность ограничительных мер и сохранение сущности ограничиваемого права, поскольку именно их соблюдение является гарантом реализации конституционного принципа о высшей ценности прав человека.

Таким образом, все рассмотренные принципы органично дополняют друг друга, образуя непротиворечивое единство правомерных ограничений прав и свобод. Пренебрежение принципами ограничения прав оборачивается нарушением прав личности, которая и так в силу каких-либо обстоятельств ограничена в своих правах.

Исследовав позиции ученых по вопросу о ведущих принципах ограничения прав и свобод, нормативную базу, содержащую принципы ограничения прав и свобод, можно сделать следующие выводы:

1. Назрела необходимость ввести в законодательный оборот понятие «принципы ограничений прав и свобод человека и гражданина», четко обозначить его сущностные, иерархические, функциональные характеристики, идеологическую роль в системе правового регулирования института ограничений прав и свобод человека и гражданина. Принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина не сформулированы в виде конкретных категорий, а предполагаются из смысла п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Это обстоятельство существенно затрудняет их применение, т.к. при доктринальном толковании весьма сложно достичь единогласия по формулированию соответствующих принципов.

2. Представляется необходимым выделение социальной приоритетности принципов ограничения прав и свобод человека и гражданина, соответствующих действительности, с последующим внутригосударственным или международным правовым закреплением, поскольку, пока они законодательно не закреплены, принципы

не могут быть использованы для принятия конкретных юридических решений.

Кроме того, по общему правилу принципы права призваны служить ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности всех без исключения государственных органов. Причем именно неукоснительное соблюдение принципов права обеспечивает нормальное и единообразное формирование всей правовой системы в целом и в области ограничения прав и свобод человека и гражданина в частности.

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24 окт. 1970 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.4i5.ru/cu467.htm> (дата обращения: 2 марта 2009 г.).

2. Каргополов С.Г., Юшкарев И.Ю. О проблеме принципов и признаков общей теории права // История государства и права. 2004. № 6.

3. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978. С. 149-150.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова: пост. Конституционного Суда РФ от 30 окт. 2003 г. № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.

5. Морозова Л.Я. Современная российская государственность (Проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.

6. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

7. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. URL:

<http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения: 17 мая 2010 г.).

8. Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm> (дата обращения: 12 мая 2010 г.).

9. О чрезвычайном положении: федер. конст. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Российская газета. 2001. 2 июля.

10. Нерсеянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра, М, 2001.

11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; ред. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

12. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2: Теория права.

13. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова: пост. Конституционного Суда РФ от 20 дек. 1995 г. № 17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 1052.

14. Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

15. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998.

16. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации. М., 2004.

17. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина: пост. Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. № 14-п // Сб. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 26. Ст. 3185.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ И РОЛЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

С.Н. Попов

(аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета; popovs72@gmail.com)

Формирование действенного механизма реализации конституционного права на жилище в современных экономических условиях является одной из первоочередных задач социально ориентированного государства. В статье обосновываются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства субъектов Российской Федерации в анализируемой сфере.

Ключевые слова: право на жилище, региональные социально-экономические программы, ипотечное жилищное кредитование, строительные сберегательные кассы.

Комплексный характер конституционного права на жилище, взаимосвязь с другими конституционными правами, а также существенное влияние его реализации на степень обеспеченности в Российской Федерации достойного уровня жизни побуждают к изучению региональной практики реализации конституционного права на жилище в субъектах Российской Федерации и внесению предложений по законодательному закреплению полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в обозначенной сфере.

Каждый, как установлено в Конституции Российской Федерации, имеет право на жилище, никто не может быть произвольно лишен жилища (ч. 1 ст. 40). В то же время жилищная проблема сегодня стоит перед 60 % российских семей. Каждая четвертая семья имеет жилье, находящееся в плохом или очень плохом состоянии. Общая потребность населения России в жилье составляет 1 млн 570 тыс. кв. м, для удовлетворения этой потребности необходимо увеличить жилищный фонд на 46 % [1].

Согласно Конституции Российской Федерации малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов, в соответствии с установленными законом нормами (ч. 3 ст. 40). Вместе с тем одной из острейших социальных проблем

в субъектах Российской Федерации продолжает оставаться обеспечение жильем таких категорий граждан, как ветераны, инвалиды, дети-сироты, малообеспеченные работники бюджетной сферы и т.д. Среднее время ожидания предоставления указанным лицам жилых помещений составляет 15-20 лет.

Конституция Российской Федерации относит к исключительному ведению Российской Федерации регулирование прав и свобод человека и гражданина, а в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится защита установленных прав и свобод человека и гражданина.

На практике при распределении полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, в частности по вопросам предоставления жилья отдельным категориям граждан, происходит передача расходных финансовых обязательств субъектам Российской Федерации в порядке софинансирования. При такой практике деньги из федерального бюджета получают только те регионы, которые могут выполнить обязательства по софинансированию.

Региональные социально-экономические программы входят составной частью в федеральные программы, и средства на их реализацию предусматриваются в бюджетах всех уровней. При этом одним из условий эффективной реализации региональной программы является ее включение в аналогичную федеральную про-

грамму [2, с. 89]. Участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в федеральных программах (в сфере жилищных отношений) является обязательным, так как в соответствии с п. «к» ст. 72 Конституции Российской Федерации жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

В субъектах Российской Федерации на основании федеральной целевой программы «Жилище» принимаются собственные социально-экономические программы, направленные на улучшение жилищных условий жителей региона.

В зависимости от категорий граждан, чьи жилищные проблемы должны быть решены, эти программы можно классифицировать на два вида:

1. Программы, предусматривающие решение жилищной проблемы всех категорий граждан, проживающих на территории определенного региона, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в порядке, установленном законом [3].

2. Программы, предусматривающие решение проблемы обеспечения жилыми помещениями отдельных категорий граждан:

а) обеспечение жильем молодых семей [4];

б) обеспечение жильем государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации, работников государственных бюджетных учреждений субъекта Российской Федерации [5];

в) обеспечение жильем граждан из числа коренных малочисленных народов Севера [6];

г) обеспечение жильем семей граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [7] и др.

В зависимости от механизма обеспечения граждан жилыми помещениями региональные программы по обеспечению граждан жильем можно классифицировать следующим образом:

1) программы, предусматривающие строительство жилых помещений [8];

2) программы, предусматривающие предоставление кредитов на приобретение

или строительство жилья (ипотечные программы) [9];

3) программы, предусматривающие предоставление субсидий (социальных выплат) на приобретение жилья [3];

4) программы, сочетающие различные механизмы решения жилищных проблем.

Так, в Тюменской области действует программа по предоставлению молодым семьям социальных выплат (субсидий) и социального займа на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома, а также при рождении (усыновлении) одного ребенка предоставляется дополнительная социальная выплата за счет средств областного бюджета или местного бюджета в размере не менее 5 % расчетной (средней) стоимости жилья [10; 11].

Практически во всех программах приоритетным способом решения жилищных проблем является ипотечное жилищное кредитование (предоставление льготных кредитов, субсидирование первоначального взноса и т.д.).

Однако сегодня ипотечное жилищное кредитование доступно лишь незначительной части населения России. Так, людей, имеющих более 30 % финансовых средств от стоимости жилья и, следовательно, право на ипотечный кредит, в стране в 2008 году было 5-7 % [12, с. 208], а в 2010 – 20 % [13, с. 72].

С учетом этого все большую актуальность приобретает вопрос о развитии альтернативных механизмов обеспечения жильем малообеспеченных работающих граждан. Одной из таких альтернатив, по нашему мнению, является развитие жилищного кредитования на основе строительных сберегательных касс. К настоящему времени такой опыт накоплен в странах Европы.

Так, в Германии за время существования системы стройсбережений были мобилизованы и предоставлены в форме кредитов около 800 млрд евро. Каждый третий житель Германии и 45 % всех семей имеют договор строительного вклада. Через систему стройсбережений было профинансировано 45 % приобретаемого жилья или 13 млн квартир [14].

Жилищный кредит может получить только вкладчик стройсберкассы по истечении определенного времени (обычно пять-шесть лет), в течение которого он ежемесячно делал вклады на установленную в контракте сумму. Процентные ставки (как на вклад, так и на кредит) фиксированы на все время действия контракта. Погашение жилищного займа осуществляется в течение срока, определенного в контракте о стройсбережениях. Максимальный срок погашения займа – 12 лет. Процентные ставки обычно составляют 5-6 % годовых (в среднем на 4 % ниже рыночных) [15, с. 31-40].

В Словакии к настоящему времени вкладчиками системы стройсбережения стали более 1 млн граждан, или 20 % жителей. Каждый год заключается около 150 тыс. новых договоров стройсбережений. В Чехии насчитывается около 4,5 млн клиентов системы стройсбережений, или 43 % населения, а уровень жилищных кредитов в ВВП страны к 2002 г. составил 20 % [16].

Источником ресурсов для целевых жилищных займов в стройсберкассе являются вклады граждан, проценты за пользование жилищным займом, а также государственная премия за счет бюджетных средств. Прямая бюджетная поддержка в виде выплаты премий используется в качестве дополнительного стимула, например, для отдельных социальных категорий граждан (врачей, учителей и других малообеспеченных работников бюджетной сферы) или отдельных регионов. Данная программа может стать востребованной и в регионах Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание на такой вид государственной поддержки, как уплата премии, пропорциональной размеру накопленной суммы, которая осуществляется за счет бюджетных средств. Прямая бюджетная поддержка в виде выплаты премий допустима в качестве дополнительного стимула, например, для отдельных социальных категорий граждан (врачей, учителей и других малообеспеченных работников бюджетной сферы) или отдельных субъектов Российской Федерации (при наличии поддержки из средств регионального бюджета).

Сегодня такой вид поддержки предусмотрен, например, в Тюменской области в рамках Закона Тюменской области от 28 апреля 2011 года № 20 «О внесении изменений в Закон Тюменской области «О предоставлении субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья в Тюменской области за счет средств областного бюджета» [17]. Однако данные меры в большей степени направлены на поддержку отдельных категорий работников бюджетной сферы Тюменской области и не касаются работников, получающих заработную плату из федерального бюджета.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что принятие федерального закона о сберегательных кассах, рассчитанного на всех малообеспеченных работающих граждан, в большей степени соответствует содержанию части 3 статьи 40 Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем до принятия указанного федерального закона субъекты Российской Федерации вправе использовать опыт Тюменской области по законодательному регулированию предоставления субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья за счет средств областного бюджета.

1. О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011-2015 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 № 1050 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 5. Ст. 739.

2. Вильчинская О. Роль муниципальных образований в социально-экономическом развитии государства и регионов // Муниципальная власть. 2006. № 2. С. 87-89.

3. О предоставлении субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья в Тюменской области за счет средств областного бюджета: закон Тюменской области от 03.08.1999 № 128: ред. от 08.07.2011 № 39 // Тюменские известия. 1999. № 138.

4. Об утверждении Порядка предоставления социальных выплат на приобретение (строительство) жилья молодым семьям в Ямало-Ненецком автономном округе: постановление Правительства ЯНАО

от 27.12.2010 № 535-П: ред. от 27.04.2011 № 230-П // Красный Север (спецвыпуск). 2010. № 168/5.

5. О предоставлении государственным гражданским служащим Челябинской области единовременной субсидии на приобретение жилого помещения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Челябинской области от 17.09.2009 № 227-П: ред. от 29.06.2011 № 208-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О Порядке реализации и финансирования подпрограммы «Обеспечение жилыми помещениями граждан из числа коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: постановление Правительства ХМАО – Югры от 02.05.2006 № 95-п: ред. от 09.04.2010 № 99-п // Собр. законодательства ХМАО – Югры. 2006. № 5. Ст. 433.

7. Об утверждении Порядка регистрации и учета граждан, выехавших из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей не ранее 1 января 1992 года, постоянно проживающих в Свердловской области и имеющих право на получение за счет средств федерального бюджета социальных выплат для приобретения жилья: постановление Правительства Свердловской области от 02.10.2007 № 986-ПП: ред. от 15.10.2009 № 1235-ПП // Собр. законодательства Свердловской области. 2008. № 10-2 (2007). Ст. 1720.

8. Об утверждении окружной целевой программы «Поддержка и стимулирование жилищного строительства в Ямало-Ненецком автономном округе на 2010-2012 годы: постановление Администрации ЯНАО от 24.09.2009 № 507-А // Красный Север. Спецвыпуск. 2009. № 111/2.

9. Об утверждении областной целевой программы «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011-2015 годы: постановление Правительства Свердловской области от 11.10.2010 № 1487-ПП: ред. от 27.05.2011 № 634-ПП // Областная газета. 2010. № 422-423/св.

10. Об утверждении Положения о порядке предоставления социальных выплат молодым семьям на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома: постановление Правительства Тюменской области от 23.03.2011 № 78-п: ред. от 03.05.2011 № 154-п // Тюменская область сегодня. 2011. № 51.

11. Об утверждении Положения о порядке предоставления займов молодым семьям на строительство (приобретение) жилья: постановление Правительства Тюменской области от 08.08.2006 № 190-п: ред. от 28.12.2010 № 390-п // Тюменская область сегодня. 2006. № 150.

12. Калякина Е.А. Реализация современной государственной жилищной политики: региональный аспект // Регионология. 2008. № 3. С. 204-209.

13. Хуснетдинова Л.М. Ипотека жилых помещений // Жилищное право. 2010. № 5. С. 71-87.

14. О строительных сберегательных кассах [Электронный ресурс]: проект федер. закона от 09.10.2002 № 246390-3 (Пояснительная записка к проекту Федер. закона «О строительных сберегательных кассах»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Грудцына Л.Ю. Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в России // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 31-40.

16. Смирнов Е.Е. Какой быть системе жилищного кредитования (интервью с О.Г. Дмитриевой, депутатом Государственной Думы) [Электронный ресурс] // Управление в кредитной организации. 2007. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

17. О внесении изменений в Закон Тюменской области «О предоставлении субсидий и займов гражданам на строительство или приобретение жилья в Тюменской области за счет средств областного бюджета: закон Тюменской области от 08.07.2011 № 39 // Тюменская область сегодня. 2011. № 123.

МЕСТО И РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

А.П. Меркулова

(адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России, г. Москва; sasha.m-87@mail.ru)

В статье рассматривается положение Федеральной миграционной службы Российской Федерации в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти. Автор анализирует место и роль данного органа в механизме реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом через призму нормативных правовых актов, регламентирующих правоотношения в данной сфере. На основании исследования делается вывод о том, что фактическая компетенция Федеральной миграционной службы Российской Федерации выходит за рамки контрольно-надзорных функций, определяемых в качестве ключевых для федеральных служб.

Ключевые слова: Федеральная миграционная служба Российской Федерации, система, структура и место ФМС России, государственная политика в отношении соотечественников за рубежом.

Федеральная миграционная служба Российской Федерации (далее – ФМС России) как субъект правоотношений была учреждена Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [1].

В соответствии с данным указом предусмотрена дифференциация федеральных органов исполнительной власти, основанная на разграничении министерств, агентств и служб, что является сравнительно новым феноменом российского конституционализма. Конституция Российской Федерации непосредственно не устанавливает виды федеральных органов исполнительной власти. Она не запрещает и полного отсутствия видовой дифференциации этих органов (обязательными в силу норм Конституции Российской Федерации являются только министерства). При подобных обстоятельствах чрезвычайно важным является научное и законодательное определение признаков, на основании которых разграничиваются понятия «министерство» [2, с. 40], «агентство» [3, с. 31] и «служба» [4, с. 37]. В противном случае система федеральных органов исполнительной власти окажется произвольной, необоснованной и вследствие этого недо-

статочно эффективной с конституционно-правовой точки зрения.

Понятия «министерство», «агентство» и «служба» являются многозначными и используются в различных смысловых значениях. Термин «министерство» происходит от латинского слова «ministro», что означает «служить, управлять». Министерства как центральные органы управления специальной компетенции, ведающие отдельной отраслью государственной администрации, были учреждены Манифестом Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. [5, с. 62]. Термин «агентство» происходит от французского слова «agence». Чаще всего он характеризует подведомственные структуры, которые выполняют отдельные поручения и осуществляют представительские функции. Вместе с тем понятие «агентство» нередко используют и для наименования государственных учреждений [6, с. 11]. Наконец, термин «служба» характеризует одновременно и вид публичной деятельности (государственная гражданская служба, военная служба, правоохранительная служба, муниципальная служба) [7, с. 17], и вид федеральных органов исполнительной власти специальной компетенции [8, с. 10].

Вследствие видовой дифференциации федеральных министерств, агентств и служб возникает важная конституционная проблема разграничения компетенции между ними и организации их межведомственного взаимодействия. Агентства и службы могут позиционироваться как самостоятельные государственные органы, не находящиеся в административном подчинении министерств. Возможен и иной подход, предполагающий внутреннюю административную иерархию в среде федеральных исполнительных органов специальной компетенции*. В частности, ФМС России (в соответствии с Положением о ней) подведомственна Министерству внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). Это вполне логично, потому как основные вопросы организации и деятельности службы относятся к сферам, близким именно этому министерству. Однако функция реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом подведомственна не МВД России, а Министерству регионального развития Российской Федерации [12]. При этом нормы Конституции Российской Федерации однозначно говорят об административном подчинении федеральных министерств, агентств и служб Правительству Российской Федерации и допустимости координации их деятельности Президентом Российской Федерации.

В ст. 12 Федерального закона от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [13] ФМС России как субъект правоотношений не упоминается. Буквально анализируемая статья предписывает, что «государственное управление и контроль в области отношений с соотечественниками осуществляются: на федеральном уровне – Правительством Российской Федерации и специально уполномоченным на то федеральным органом исполнительной власти; в субъектах Российской Федерации – ор-

ганами исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Под «специально уполномоченным на то федеральным органом исполнительной власти» понимается не только ФМС России, но и Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Министерство регионального развития Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти.

Подобный метод правового регулирования общественных отношений заслуживает критической оценки. В Федеральном законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» термин «специально уполномоченный на то федеральный орган исполнительной власти» употребляется в единственном числе. Из этого следует, что функции государственного управления и контроля в отношении соотечественников за рубежом должны быть возложены на какой-то один федеральный орган исполнительной власти специальной компетенции либо четко разграничены между несколькими органами с ясным указанием, какие именно полномочия и функции подведомственны соответствующим государственным органам.

Вместе с тем Положением о Федеральной миграционной службе [14] установлено лишь одно полномочие данного органа исполнительной власти в сфере реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом, а именно «участие в осуществлении государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (подп. 8 п. 6 Положения). Столь общая формулировка является, по сути, пробелом в правовом регулировании и, как следствие, приводит к неоднозначности исполнительно-распорядительной деятельности и правоприменительной практики [15]. Анализируемый нормативный правовой акт не устанавливает, какова степень «участия» ФМС России в осуществлении государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников

* О множественности трактовки термина «субсидиарность» см. [9, с. 51; 10, с. 30; 11, с. 91].

за рубежом, какие конкретно права и обязанности присущи данной службе в указанной сфере. Отсутствует административный регламент по исполнению ФМС России государственной функции контроля и надзора в области государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. Применительно к ряду иных полномочий и функций ФМС России, напротив, наблюдается ясность, четкость и недвусмысленность правового регулирования общественных отношений.

Основным аргументом в пользу возложения функций поддержки зарубежных соотечественников на ФМС России является взаимосвязь данной функции с другими функциями этой службы. Одним из важнейших конституционных принципов в механизме разграничения предметов ведения и полномочий является принцип субсидиарности, согласно которому компетенция должна возлагаться на орган, способный осуществлять ее наиболее эффективным образом [16].

В связи с этим можно выделить следующие полномочия ФМС России, демонстрирующие их логическую взаимосвязь с функцией поддержки зарубежных соотечественников:

1) оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию, проживания и временного пребывания в Российской Федерации;

2) осуществление контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных правил проживания и временного пребывания в Российской Федерации;

3) осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [17];

4) разработка и реализация во взаимодействии с иными государственными органами мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции;

5) исполнение законодательства Российской Федерации по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев [18];

6) участие в установленном порядке в предоставлении политического убежища

иностранцам гражданам и лицам без гражданства [17];

7) осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции, привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию и трудоустройства граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации.

Другим важным преимуществом системы ФМС России по обеспечению функции поддержки соотечественников за рубежом является наличие заграничного аппарата. Не каждый федеральный орган исполнительной власти специальной компетенции имеет заграничный аппарат, в то время как организационная работа с зарубежными соотечественниками в значительной мере должна осуществляться на территории зарубежных стран.

В соответствии с Положением о представительстве и представителе Федеральной миграционной службы за рубежом [18], заграничный аппарат ФМС России составляют ее «представительства и представители».

Пункт 12 Положения о представительстве и представителе Федеральной миграционной службы за рубежом специально предписывает, что одной из *основных задач* представительства ФМС России в зарубежных странах является «участие в рамках своей компетенции в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Таким образом, Положение закрепляет в качестве основной задачи заграничных представительств службы не реализацию государственной политики в отношении зарубежных соотечественников вообще, а уже – «участие в рамках своей компетенции» в реализации программы их добровольного переселения в Россию.

Вместе с тем анализируемое Положение закрепляет ряд методологически близких задач и функций, которые в той или иной мере взаимосвязаны с реализацией государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за ру-

бежом. Часть из них имеет более общий характер (участие в реализации государственной политики Российской Федерации в сфере миграции, представление интересов ФМС России при реализации Российской Федерацией государственной политики в сфере миграции, осуществление мер по реализации международных договоров Российской Федерации в области миграции), другие, напротив, – конкретизирующую или частную природу.

К конкретизирующим задачам и функциям относятся:

1) сбор, изучение и анализ информации о миграционной ситуации в государстве пребывания и проводимой им миграционной политике, а также о законодательстве государства пребывания в сфере миграции;

2) обеспечение взаимодействия и сотрудничества ФМС России с миграционными и иными компетентными органами государства пребывания;

3) разработка предложений по развитию сотрудничества с государством пребывания по вопросам миграции;

4) осуществление приема граждан государства пребывания, граждан других государств, лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории государства пребывания, по вопросам трудовой миграции и переселения в Российскую Федерацию; и др.

Приведенных данных достаточно, чтобы сформулировать вывод о том, что фактически компетенция ФМС России, ее заграничных представительств, представителей и других структурных подразделений *явно выходит за рамки контрольно-надзорных функций*, определяемых в качестве ключевых для федеральных служб (в отличие от федеральных министерств и федеральных агентств). В сфере поддержки зарубежной «диаспоры» ФМС России, во-первых, реализует государственную политику, определяемую федеральным законом и подзаконными нормативными правовыми актами главы государства, во-вторых, осуществляет правоприменительные функции, в-третьих, оказывает ряд государственных услуг.

1. Игнатюк Н.А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2003. 165 с.

2. Тангиев З.А. Федеральное агентство как орган исполнительной власти, оказывающий государственные услуги // Современное право. 2007. № 5. С. 40-43.

3. Игнатюк Н.А., Тихомиров Ю.А. Предложения к типовой схеме положения о федеральном агентстве // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 31-36.

4. Тангиев З.А. Контрольно-надзорные полномочия федеральных служб // Юридические науки. 2006. № 4. С. 37-43.

5. Жукова Е.Н. Особенности административно-правового статуса федеральных агентств // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 62-75.

6. Еремян В.В. Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы как двух видов публичной службы и профессиональной деятельности (к постановке проблемы) // Право и политика. 2006. № 5. С. 11-14.

7. Сивкова И.Н. Федеральные органы исполнительной власти России (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 22 с.

8. Войт М.Н., Воробьева В.В. К вопросу о разграничении функций между федеральной службой и федеральным агентством // Право и практика. 2005. № 2. С. 10-15.

9. Овсепян Ж.И. Пробелы и дефекты как категории конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 51-53.

10. Винтер Г. Субсидиарность и нормотворчество в рамках европейской многоуровневой системы управления // Право и политика. 2005. № 11. С. 30-34.

11. Ковлер А. Сцилла и Харибда Европейского Суда: субсидиарность или правовой активизм? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 6. С. 91-96.

12. Положение о Министерстве регионального развития Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 янв. 2005 г.

№ 40: ред. от 5 июня 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. 31 янв. № 5. Ст. 390; 2008. 16 июня.

13. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ: ред. от 23 июня 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670; 2010. № 30. Ст. 4010.

14. Положение о Федеральной миграционной службе: утв. Указом Президента РФ от 19 июля 2004 г. № 928 «Вопросы Федеральной миграционной службы» (ред. от 3 марта 2008 г.) // Рос. газ. 2004. 21 июля.

15. Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральной миграционной службой государственной услуги по осуществлению миграционного учета в Российской Федерации: приказ Федеральной миграционной службы Рос. Федерации от 6 июля 2009 г. № 159 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 39.

16. Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по исполнению законодательства Российской Федерации о беженцах: приказ Федеральной миграционной службы Рос. Федерации от 5 дек. 2007 г. // Рос. газ. 2008. № 452. 23 апр.

17. Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по исполнению государственной функции по исполнению законодательства Российской Федерации по предоставлению политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства: приказ Федеральной миграционной службы Рос. Федерации от 5 дек. 2007 г. // Рос. газ. 2008. № 451. 19 марта.

18. Об утверждении Положения о представителе и представителе Федеральной миграционной службы за рубежом: приказ Федеральной миграционной службы РФ от 9 февр. 2009 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 22.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

ЦЕЛЕВОЙ КАПИТАЛ В СОСТАВЕ ИМУЩЕСТВА
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Е.Г. Комиссарова

(профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор;
eg-komissarova@yandex.ru)

В статье анализируются нормы Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», рассматривается соотношение его норм с нормами действующего гражданского и другого законодательства.

Ключевые слова: некоммерческие организации, целевой капитал, имущественная обремененность, доверительное управление, благотворительность.

Поиск правовых инструментов, обеспечивающих имущественное благополучие таких непростых участников гражданского оборота, как некоммерческие организации, чья «фигура», по определению В.Ф. Яковлева, продолжает оставаться «загадочной, туманной и многоликой» [1, с. 147], привел к принятию 30 декабря 2006 г. Федерального закона № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее – Закон о целевом капитале) [2]. Появление законодательной конструкции «целевой капитал» преследовало две цели. Одна из них заключается в возрождении, оживлении и процветании в будущем таких форм участия в социальной деятельности, как благотворительность, милосердие и волонтерство. Другая цель носит сугубо прагматический характер и состоит в создании нового механизма формирования ресурсов у некоммерческих организаций, необходимых ей для решения уставных задач.

Одновременно с Законом о целевом капитале был принят Федеральный закон № 276-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона “О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций”» (далее – № 276-ФЗ), в соответствии с которым были внесены изменения в гл. 25 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ). До внесения этих изменений средства, получаемые

от благотворителей, учитывались в налогооблагаемой базе и, соответственно, подлежали налогообложению. В новой редакции НК РФ (п. 2 ст. 251) целевые поступления на содержание некоммерческих организаций и ведение ими уставной деятельности при определении налоговой базы не учитываются. Появление этого закона – спутника под № 276-ФЗ активизировало усилия части представителей экономической и финансовой науки на научно-практический анализ его положений, что явилось толчком к теоретическому и практическому освоению и норм Закона о целевом капитале, принятие которого оказалось малозамеченным и наукой, в том числе юридической. По прошествии четырех лет с момента выхода закона ни сколько-нибудь значимых юридических комментариев юристов, ни теоретического анализа самих норм Закона о целевом капитале не появилось.

Существующий вакуум заполняется сугубо практическими комментариями экономистов, финансистов, экспертов по вопросам формирования целевого капитала как нового объекта финансовой деятельности некоммерческих организаций. При этом большинству суждений сопутствуют объемные отсылки к зарубежному опыту с использованием понятия «эндаумент» (в переводе – целевой дар, пожертвование на содержание кого-либо), что вполне объясняется отсутствием опыта российского. Пока «первопроходцами» в деле реализа-

ции норм Закона о целевом капитале стали весьма немногочисленные образовательные учреждения, обладающие значимыми партнерскими ресурсами. В их числе негосударственное образовательное учреждение Европейский университет в г. Санкт-Петербурге и Московская школа управления «Сколково», МГИМО, Российская экономическая школа, Финансовая академия при Правительстве РФ, учредившие специализированные фонды целевого капитала.

Столь медленное начало в деле реализации норм Закона о целевом капитале предопределено не только фактом заимствования части его норм из стран англо-саксонского (а не романо-германского) права, что несет естественные трудности логического порядка в понимании и реализации его норм, но и тем фактом, что представители юридической науки этот закон пока «не заметили». Редкие публикации по теме Закона о целевом капитале носят в большей степени характер разъяснений и авторского комментария. А ведь возможность решения тех или иных проблем во многом зависит от состояния теории по соответствующему вопросу, которой применительно к целевому капиталу фактически нет. Большая часть теоретических ресурсов по-прежнему направляется на такой смежный вопрос, как обоснованность законодательного разрешения на предпринимательскую деятельность для некоммерческих организаций, доходы от которой также выступают источником формирования средств на текущую уставную деятельность. Известно, что право на такую деятельность предусмотрено для них ст. 50 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и п. 1 ст. 24 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В практике правореализации и правоприменения возникали и продолжают возникать спорные вопросы о реализации этого права, проблема стала предметом неформального обсуждения в науке. Перспективы преодоления «коммерциализации некоммерческих организаций» изложены в Концепции развития гражданского законодательства, принятой 7 октября 2009 г. Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и

совершенствованию гражданского законодательства [3, с. 48-49]. Однако интерес доктрины к вопросу продолжает оставаться острым. Это вполне объяснимо, если иметь в виду то, что речь идет об имущественной основе деятельности некоммерческой организации.

Иной и принципиально новый вариант имущественной обособленности для некоторых из них, который может использоваться наряду с уже известными, предложен в Законе о целевом капитале. С учетом «общего правового корня» проблемы, именуемой «разрешенная предпринимательская деятельность для некоммерческих организаций», и проблемы, относящейся к регулированию отношений в сфере формирования и использования целевого капитала, они могут рассматриваться параллельно как два способа достижения одной цели. Это означает, что любые аргументы в пользу разрешенной предпринимательской деятельности должны соотноситься с еще одним разрешенным имущественным правом для некоммерческой организации – правом на формирование целевого капитала и использование дохода от него.

Несмотря на общую первичную цель реализации права на разрешенную предпринимательскую деятельность и права на формирование целевого капитала в виде имущественного обеспечения уставной деятельности, механизм реализации права в каждом случае значительно различается. Главное и ведущее их различие в том, что доход от разрешенной предпринимательской (дополнительной, вспомогательной, иной) деятельности может использоваться по назначению «здесь и сейчас». В то же время доход от целевого капитала – это, согласно Закону о целевом капитале, стратегический, долгосрочный ресурс финансирования уставной деятельности некоммерческой организации, берущий свое начало от известного, но пока еще не авторитетного в России дела, именуемого благотворительностью.

Сущностная сторона отношений, составляющих предмет регулирования Закона о целевом капитале, состоит в установлении возможности для определенных

видов некоммерческих организаций формирования нового вида капитала, который обеспечивал бы с учетом их специальной (уставной) правоспособности, направленной на бесприбыльную альтруистическую деятельность, один из источников их существования. Субъектами таких отношений выступают указанные в данном законе виды некоммерческих организаций, а также юридические и физические лица, жертвующие денежные средства для целей аккумуляции их в целевой капитал. В отличие от других источников первичного и вторичного инвестирования средств в капитал некоммерческой организации, образующий в итоге соответствующий режим имущественной обособленности некоммерческой организации, этот источник финансирования является стратегическим, именуясь в своей истории «вечным». Примером такого способа финансирования некоммерческих организаций является учреждение Нобелевской премии. Альфред Нобель завещал большую часть своих сбережений специально созданной некоммерческой организации – Фонду Нобеля. Завещанные средства были инвестированы, а за счет дохода от указанных инвестиций по сей день выплачиваются денежные премии нобелевским лауреатам. Подобные примеры были и в дореволюционной России. Например, промышленник А.В. Бурышкин в 1882 г. пожертвовал 450 000 рублей на устройство больницы для хронических больных, из них 240 000 явились неприкасаемым капиталом, проценты с которого шли на содержание больных [4, с. 22].

Понятие «целевой капитал» для российской юриспруденции является новым, как и механизм формирования инвестиционных активов, наполняющих «тело» целевого капитала. Отсюда возникает неоспорность оценки факта принятия Закона о целевом капитале. Как и любой закон, он нуждается для своей реализации в определенных предпосылках, включая стабильную экономическую ситуацию, гарантирующую предсказуемый доход от средств целевого капитала, переданных в доверительное управление. Не менее важно, чтобы у некоммерческих организаций сформировалась

привычка к долгосрочному планированию своей деятельности со способностью просматривать источники собственной имущественной независимости на будущее.

Весьма значимым является и фактор благотворительной активности физических и юридических лиц. Ведь принятие Закона о целевом капитале – это еще и часть российской политики, направленной на развитие благотворительности в стране. Идеи благотворительности не являются новыми для России, но, начиная с X века, им были уготованы как взлеты, так и падения. Эти исторические «перепады» не позволили сформировать системные традиции благотворительности в России и не обеспечили формирование стандарта культуры благотворительности (фандрейзинга). Лакмусом этого нестандарта является смешение терминологического ряда, в той или иной степени относящегося к благотворительной деятельности. Так, неполно и неточно даже на уровне законодательства проведено размежевание таких «бескорыстных» понятий, как патронаж, спонсорство, безвозмездная помощь, благотворительность, пожертвование, грант. В обыденной жизни их нередко отождествляют вплоть до смешения с отсутствующим в российском законодательстве понятием «меценатство», в мировой практике используемым для обозначения одной из значимых форм поддержки некоммерческого сектора культуры и искусства.

Для возрождения и активизации благотворительной деятельности 11 августа 1995 г. был принят Федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [5], согласно которому «граждане и юридические лица вправе беспрепятственно осуществлять благотворительную деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей». Закон ориентирован на прямую, непосредственную благотворительность. Иное дело благотворительность по Закону о целевом капитале, утвердившему другой – опосредованный механизм благотворительной деятельности, предусматривающий собственную модель инвестирования денежных средств в форме целевого капитала, доходы от ис-

пользования которого направляются на некоммерческие цели и освобождаются от налога на прибыль.

Основная идея Закона о целевом капитале заключается в обеспечении комплексного подхода к регулированию процесса формирования и использования некоммерческими организациями имущества, которое может служить источником стабильного дохода. Стремление законодателя к комплексному подходу неизбежно ставит вопрос о соотношении его норм с нормами смежного законодательства. В силу заявленного в статье 1 предмета регулирования закона его составляют отношения, возникающие при сборе денежных средств на формирование целевого капитала некоммерческих организаций, формировании и расформировании целевого капитала некоммерческих организаций, доверительном управлении имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческих организаций, использовании доходов, полученных от доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал некоммерческих организаций, и предназначенных для финансирования уставной деятельности некоммерческих организаций, а также определяет особенности правового положения некоммерческих организаций, формирующих целевой капитал.

Анализ отношений, входящих в предмет, на языке гражданского права позволяет квалифицировать их как отношения имущественные. Все они являются отношениями по поводу материальных благ. Основными участниками этих отношений являются жертвователи – физические или юридические лица и некоммерческие организации определенных организационно-правовых форм (ст. 2 Закона о целевом капитале). Отношения между ними возникают на основе договора пожертвования или на основании завещания (ст. 4 Закона о целевом капитале). Характер субъектов и юридические факты, на основании которых между ними возникают отношения, свидетельствуют об их гражданско-правовой принадлежности. Учитывая это, законодатель регулярно использует бланкет-

ный прием, отсылая в соответствующих нормах закона к ГК РФ.

В зависимости от назначения нормативных актов в гражданском праве, как и в других отраслях, различают акты общего действия и специальные. Общие нормативные акты предназначены для всех субъектов частного права, закрепляют общие правила поведения без учета тех или иных особенностей экономической деятельности. Специальные нормативные акты отражают особенности правового регулирования в отдельных областях. Так, статус юридического лица определен в общих нормах ГК РФ (п. 1 ст. 48), статус некоммерческой организации – в специальных нормах ГК РФ (ст. 50), а статус религиозной организации – в специальном законе, каким является, например, Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [6].

Практическое значение деления нормативных актов на общие и специальные заключается в том, что специальным актам в процессе правоприменения отдается предпочтение перед общими. Нормы общих актов применяются лишь тогда, когда отношение не урегулировано либо не в полной мере урегулировано в специальном нормативном акте. По соотношению с нормами ГК РФ Закон о целевом капитале является специальным. Таково же соотношение и с другими актами кодификации, сфера регулирования которых присутствует в Законе о целевом капитале. В их числе Налоговый кодекс РФ и Бюджетный кодекс РФ. Между общим и специальным законодательством существует неразрывная связь. Специальное законодательство базируется на общем законодательстве, оно зависимо от него, так как использует конструкции и категории общих нормативных актов как данные. Отражая систему объективного права, общее законодательство более стабильно. В то же время специальное законодательство отличается большей подвижностью из-за «отклика» на существующую экономическую ситуацию конкретного периода развития общества.

Понимание того, что Закон о целевом капитале имеет специальное назначение,

позволит снять лишние замечания по поводу несоответствия его норм иному законодательству, которые авторами выдаются за противоречия. Так, С. Гришаев утверждает, что нормы закона, ограничивающие перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций, имеющих право на формирование целевого капитала, противоречат ст. 582 ГК РФ, в силу которой пожертвования могут делаться любым некоммерческим организациям [7, с. 111]. Действительно, в нормах общего закона, каким является ГК РФ, нет ограничений по видам некоммерческих организаций. А специальный закон, каким является Закон о целевом капитале, с учетом предмета его регулирования, ограничивает организационно-правовые формы некоммерческих организаций, что, конечно, в ракурсе соотношения норм общего и специального нормативного акта не может считаться противоречием.

Аналогично можно снять и замечание, относящееся к срокам передачи целевого капитала в доверительное управление на 10 лет. Как считает А. Вавилов, по нормам ГК РФ срок договора доверительного управления не может превышать 5 лет. Иное, по мнению автора, противоречит ГК РФ [8, с. 111]. Представляется, что и здесь противоречий между нормами разных актов нет в силу общего характера одной (ГК РФ) и специального характера другой. Специальная норма не воспроизводит текст общей, но находится с ней в неразрывной связи.

В целом можно сделать вывод, что законодатель, принимая Закон о целевом капитале, стремился к соблюдению баланса общих и специальных норм. Так, нормы закона о договоре пожертвования денежных средств, направляемых на формирование целевого капитала, относятся в законе к числу специальных. Но они неизбежно связаны с нормами общего характера, содержащимися в ГК РФ: о сделках, о договорах, в том числе о договоре дарения. Ка-

ких-либо особых требований к форме договора пожертвования денежных средств на формирование целевого капитала в специальных нормах не установлено. Это означает, что наряду со специальными будут «работать» общие нормы ГК РФ о сделках (в ст. 160 ГК РФ закреплено, что сделки с участием юридических лиц должны иметь письменную форму).

Нет смысла идеализировать принятый закон, вводящий в сферу правового регулирования принципиально новый вид отношений, направленных на формирование целевого капитала. У него всегда будут сторонники и противники. Но всякая его критика должна быть построена на уже существующих теоретических аксиомах. Тогда критика будет обоснованной, привлекая к обсуждению закона все большее число специалистов. Именно сейчас Закон о целевом капитале в этом особенно нуждается.

1. Яковлев В.Ф. Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы // Журнал российского права. 2009. № 1.

2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 38.

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009.

4. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего. Словарь-справочник от А до Я. М.: Дело и Сервис, 2003.

5. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340.

6. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

7. Гришаев С. Доверительное управление целевым капиталом некоммерческих организаций // Хозяйство и право. 2010. № 9.

8. Вавилов А. Закон о целевом капитале: реально ли финансировать школу за счет частных пожертвований // Народное образование. 2007. № 10.

СПОСОБЫ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Д.В. Микшис

(доцент кафедры гражданского права и процесса Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права; кандидат юридических наук; 8 (3452) 33-55-59)

Данная статья представляет собой первую развернутую классификацию способов самозащиты гражданских прав. Автор рассматривает их в совокупности в качестве неюрисдикционной формы защиты прав и систематизирует в четыре основных группы в соответствии с функциями самозащиты, определяемыми динамикой гражданского правонарушения.

Ключевые слова: самозащита, охранительное правоотношение, гражданские права, защита, гражданское правонарушение (деликт).

Одним из положений современной концепции самозащиты гражданских прав является ее универсальный характер. Понятие самозащиты, по мнению ряда исследователей [1; 2; 3; 4], объединяет все известные меры самостоятельной защиты и восстановления субъективных гражданских прав, включая «фактические» действия в состояниях необходимой обороны и крайней необходимости, равно как и «юридические» действия, связанные с применением мер оперативного воздействия. При этом многообразии этих правовых инструментов и в то же время сходство их сущности позволяет выделить всю их совокупность в качестве неюрисдикционной формы защиты прав, существующей наряду с различными юрисдикционными формами – государственной (судебной и административной) и частной (третейской). Такое решение представляется оправданным и необходимым постольку, поскольку право на самозащиту является не разновидностью властного полномочия (юрисдикции), но элементом правоспособности каждого отдельного участника гражданского оборота. Кроме того, самозащита в качестве способа защиты прав логически должна была входить в состав одной из уже существующих форм (судебной, административной) и осуществляться исключительно в свойственном данной форме процессуальном порядке. Однако в действительности самостоятельная защита прав нормами процессуального законодательства не регулируется именно потому, что «производится в непроцессуальном порядке и... характеризуется от-

сутствием контроля со стороны юрисдикционного органа» [5, с. 5].

Сказанное позволяет автору поставить два новых для цивилистики вопроса: о систематизации отдельных способов самозащиты внутри единой формы и о месте, занимаемом в ряду этих способов мерами оперативного воздействия (ранее считавшимися самостоятельной категорией). Поскольку законодатель, упоминая о способах самозащиты гражданских прав (ст. 14 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), не приводит даже примерного их перечня, вопрос о том, какие действия следует относить к способам самозащиты, в настоящее время является дискуссионным.

Бурный рост количества способов самозащиты в последнее десятилетие выдвигает на первый план задачу их научной систематизации. В литературе признавалось, что действия по самозащите гражданских прав далеко не однородны, однако в целом проблема классификации способов самозащиты еще не получила достаточного освещения. Предпосылку для научной дискуссии вокруг данной проблемы в 1999 г. заложил Э.Л. Страунинг, в работе которого впервые приведена развернутая классификация способов самозащиты по целому ряду оснований [1, с. 110-120]. Подход указанного автора к систематизации способов самозащиты гражданских прав представляется обоснованным, хотя и не лишенным существенных недостатков. К положительным моментам рассматриваемой классификации следует отнести деление способов самозащиты на оборонительные и восста-

новительные, которое представляется возможным использовать в качестве основы для развернутой классификации способов самозащиты гражданских прав. Слабой стороной классификации Э.Л. Страунинга является включение в число способов самозащиты действий по самостоятельной охране имущества от предполагаемого нарушения (установка замков, заборов и т.д.), а также целого ряда самостоятельных гражданско-правовых институтов, имеющих другое назначение. Кроме того, неоправданной представляется жесткая дихотомия способов по основанию возникновения на «предусмотренные законом» либо «предусмотренные договором», как исключающая без какого-либо основания из числа способов самозащиты правомерные действия, не предусмотренные ни законом, ни договором. Между тем, по нашему мнению, возможность существования таких способов прямо следует из принципа диспозитивности гражданского права. Самозащита, в отличие от юрисдикционных форм защиты прав, может осуществляться любыми действиями, характер и последовательность которых не подчиняются определенной процедуре. Управомоченный субъект по своему усмотрению решает, защищать нарушенное право или нет, какую форму защиты избрать, самостоятельно выбирает способ самозащиты и вправе сконструировать новый способ самозащиты гражданских прав.

Из других классификаций следует упомянуть предлагаемое М.С. Кораблевой деление способов самозащиты на фактические («силовые») и юридические («несиловые»). К фактическим способам предлагается относить действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, а к юридическим – меры оперативного воздействия и удержание [6, с. 175-185].

Многочисленные работы других ученых, в том числе классиков отечественной цивилистики, не содержат подробной систематизации способов самозащиты. В них дается лишь общее представление о взглядах того или иного исследователя на указанную проблему, высказанных в связи с другими вопросами, такими как охранительные

меры, защита прав, обеспечение обязательств, гражданско-правовая ответственность. Учитывая ограниченный круг специальных исследований по проблеме самозащиты, с одной стороны, и взаимосвязь самозащиты со смежными институтами – с другой, данные работы представляют значительную ценность, поскольку позволяют определить границы самозащиты, без чего нельзя заниматься дальнейшим упорядочением ее способов.

В рамках полемики вокруг понятия самозащиты, развернувшейся в научной литературе с 1870 по 1920 гг. и с 1950 г. по настоящее время, можно проследить пять основных подходов к определению круга способов самозащиты гражданских прав: 1) фактические действия (необходимая оборона, крайняя необходимость) и меры охранительного характера (В.П. Грибанов, В.С. Ем, М.С. Карпов, В.А. Рясенцев, Е.А. Суханов, М.И. Усенко и С.В. Усолцева); 2) фактические действия и удержание; 3) меры оперативного воздействия (Г.Я. Стоякин, В.М. Ведяхин, Т.Б. Шубина); 4) фактические действия и меры оперативного воздействия (Ю.Г. Басин, А.Г. Диденко); 5) фактические действия, меры оперативного воздействия, включая удержание [6, с. 158; 7, с. 8]. Современные исследователи склоняются к последней, наиболее развернутой трактовке самозащиты. Кроме того, некоторые ученые относят к способам самозащиты гражданских прав действия третьего лица по исполнению обязанности должника без согласия последнего, действия специализированных органов по защите прав потребителя [8, с. 17; 9, с. 13-14]. Наиболее обширный перечень способов самозащиты гражданских прав, приведенный в работах Э.Л. Страунинга и С.Н. Веретенниковой, включает (помимо действий фактического характера и мер оперативного воздействия) залог, банковскую гарантию, договор страхования и действия в чужом интересе без поручения, с чем трудно согласиться ввиду того, что большинство перечисленных институтов имеют самостоятельное значение и не отвечают признакам самозащиты. В то же время в литературе прослеживается также противоположная

тенденция к сужению круга способов самозащиты путем исключения целого ряда правоотношений [10, с. 44; 11, с. 18-20]. В связи с наличием множества противоречивых подходов в некоторых работах [12, с. 10, 26] были даже предприняты попытки выделить самозащиту в широком и в узком смысле, которые «лишь затрудняли исследование сути данного феномена» [10, с. 44] и могли привести лишь к размыванию категории «самозащита гражданских прав». Таким образом, ввиду разнообразия подходов к понятию самозащиты (даже у современных исследователей) необходимо констатировать отсутствие какого-либо общепризнанного перечня способов самозащиты.

Развивая либеральный взгляд на самозащиту, полагаем, что гражданско-правовое понятие «самозащита» объединяет фактические и юридические действия (и бездействие), применяемые субъектом для защиты своих прав во внедоговорных и в договорных отношениях и является тождественным понятию «неюрисдикционная форма защиты». Основываясь на данной посылке и разработанной на ее основе концепции самозащиты [3; 4], мы предлагаем относить к способам самозащиты гражданских прав любые формы самостоятельного поведения заинтересованного лица, осуществляемые им, во-первых, в целях защиты субъективного права, во-вторых, помимо воли нарушителя права и, в-третьих, без обращения к судебным и административным органам. Под указанные критерии, в частности, подпадают такие предусмотренные законом охранительные средства, как: 1) действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости; 2) владельческая самозащита; 3) меры оперативного воздействия, включая удержание [13, с. 700-701; 14, с. 22; 2, с. 8]; 4) присвоение задатка; 5) внесудебная продажа залога (ст. 349 ГК РФ) или удерживаемой вещи (ст. 360 ГК РФ), продажа предмета договора подряда (п. 6 ст. 720, ст. 738 ГК РФ); 6) досрочное изъятие арендованного судна у неисправного арендатора (ст.ст. 208, 221 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее – КТМ РФ), п. 5 ст. 65 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ (далее – КВВТ РФ), а также

целый ряд действий, хотя и не предусмотренных законом, но признанных в качестве средств самозащиты судебной практикой.

Естественно, что с течением времени данный перечень будет расширяться по мере того, как гражданский оборот будет отыскивать новые, более эффективные механизмы воздействия на недобросовестную сторону. Вместе с тем, как отмечалось выше, перечень способов самозащиты не подлежит расширению за счет институтов, имеющих самостоятельную правовую природу и другие функции: страхование, залог, гарантия и патронаж. Действия в чужом интересе могут считаться способом самозащиты не сами по себе (как утверждает Э. Страунинг), но лишь в ситуации спасения жизни и имущества третьего лица в состоянии необходимой обороны (ст. 37 УК РФ, ст. 1066 ГК РФ), а также в ситуации крайней необходимости (ст. 39 УК РФ, ст. 1067 ГК РФ). В данном случае законодатель для того, чтобы обеспечить восстановление нарушенных гражданских прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ), в виде исключения не требует согласия потерпевшего при защите его имущества, и даже прямо указывает на возможность спасения жизни другого лица против его воли (п. 2 ст. 983 ГК РФ).

Следует также дать отрицательную оценку попыткам назвать самозащитой такие самостоятельные процессуальные институты, как отзыв на исковое заявление (Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.07.2000 № Ф04/1746-354/А03-2000) или так называемые «право на молчание» (ст. 51 Конституции РФ) и «право на ложь», которое хотя прямо и не предусмотрено законом, но и не запрещено им [15, с. 33-35]. Подобное расширительное толкование действительно ведет к «размыванию» понятия самозащиты и нивелирует его самостоятельное значение. Наконец, от способов самозащиты следует отличать акты нормальной хозяйственной деятельности, например, право капитана судна продать часть груза в случае неотложной надобности в деньгах для продолжения рейса (ст. 72 КТМ РФ), продажа хранителем вещи, отданной на сохранение, в случае реальной

угрозы ее утраты (п. 2 ст. 893 ГК РФ). При всем сходстве с самозащитой данные действия имеют иную цель – обеспечение интересов третьих лиц в условиях непредвиденной ситуации. Далее, в отличие от действий в состоянии крайней необходимости, указанные акты не влекут причинение ущерба имуществу третьих лиц.

Принимая за базовую установку автономность самозащиты в ряду других форм защиты гражданских прав, можно установить системообразующее значение трех критериев: объекта, содержания и функций самозащиты. Классификация на основе других элементов состава самозащиты (субъект, основание) не представляет интереса, поскольку воспроизводит закрепленные в законе системы субъектов гражданских прав и оснований применения мер защиты. На основе объектного критерия нами различаются самозащита абсолютных прав и самозащита относительных прав, что в целом совпадает с принятым ранее делением способов самозащиты на фактические и юридические действия. Абсолютные права являются объектом самообороны и самопомощи, а права требования по обязательствам – объектом мер оперативного воздействия. По содержанию способы самозащиты впервые в отечественной науке подразделяются на действия и бездействие. Таким образом, наиболее подробной и, следовательно, перспективной с научной точки зрения следует признать систематизацию способов самозащиты гражданских прав по функциональному критерию. Кроме того, функциональный подход, как основанный на соотношении нарушения и мер защиты во времени, позволяет упорядочить способы самозащиты в соответствии с динамикой правонарушения.

В зависимости от характера и степени нарушения субъективного права на первый план поочередно выходят следующие функции: 1) пресекательная, реализуемая путем воздействия на личность или имущество нарушителя с целью побудить его к надлежащему поведению, и в частности, к прекращению нарушения права; 2) восстановительная, выражающаяся в действиях по самостоятельному восстановлению

нарушенного права; 3) компенсационная, направленная на получение денежного эквивалента утраченного права и 4) обеспечительная, заключающаяся в задержании нарушителя или его имущества в качестве гарантии прекращения нарушения права или получения денежной компенсации за утраченное право. Таким образом, способы самозащиты могут быть разделены на четыре группы, а именно: на реализующие пресекательную, восстановительную, компенсационную и обеспечительную функции. Пресекательные меры прекращают начавшееся правонарушение или его реальную угрозу, опережая неблагоприятные последствия; восстановительные меры устраняют длящееся правонарушение; компенсационные меры устраняют вред, причиненный состоявшимся нарушением, а обеспечительные – создают предпосылки для получения компенсации.

1. В случае, когда праву субъекта грозит нарушение, он может прибегнуть к способам самозащиты гражданских прав, направленным на пресечение правонарушения до наступления его необратимых последствий (утрата объекта права, причинение убытков). Такие способы далее именуются пресекательными.

Пресекательными способами самозащиты в сфере абсолютных правоотношений являются действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, самозащита права на информацию, а также владельческая самозащита. Под владельческой самозащитой понимается возможность собственника или иного законного владельца применить против нарушителя владения силу, необходимую для предотвращения и пресечения нарушения, а также восстановления утраченного владения [16, с. 72]. Следует отметить, что в праве многих стран континентальной Европы допускается самозащита владения, поскольку оно считается субъективным гражданским правом (§ 859 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ)). Владельческая самозащита допускается и в юридической доктрине англосаксонских стран, где под способом самозащиты понимается совокупность действий, посред-

твом которых лицо может защищать свое субъективное право или владение [17; 18; 19; 20; 21, с. 35-39]. Применяя самозащиту лицо вправе защищаться как от попыток противоправного завладения его имуществом, так и от действий, связанных с неправомерным использованием таковым, включая случаи незаконного проникновения на чужую территорию (*intrusion, trespassing*), что отмечается как в юридической литературе [22, р. 336; 23, р. 962], так и в §§ 77-87 частной кодификации Американского юридического института (*Restatement of the law*) [24, р. 134-158]. В праве Великобритании и США наиболее известен институт насильственного изгнания нарушителя с земли (*forcible injunction*), восходящий к статуту Ричарда II (1381 г.). Обороняющийся обязан предложить нарушителю добровольно прекратить нарушение и потребовать от него «мирно покинуть чужую землю» [25, с. 144], то есть добровольно удалиться с принадлежащего (обороняющемуся) участка. Для охраны владения обороняющийся вправе причинить нарушителю как имущественный, так и незначительный физический (телесный) вред (так называемый «*harm of a trivial nature*» – см. *Restatement of the law* § 77 (c) [19, р. 963].

Другой разновидностью самозащиты владения, известной как англосаксонскому, так и континентальному праву, является устранение соседского неудобства. Согласно § 910 ГГУ собственник земельного участка может срезать и оставить себе корни дерева, проникшие с соседнего участка, или свисающие с него ветви, если они препятствуют пользованию участком и не были удалены владельцем соседнего участка в разумный срок. В правовой доктрине Великобритании и США существует аналогичный институт «устранения зловредности» (*abatement of nuisance*) [21, с. 40-43].

В российском гражданском законодательстве самозащита законного владения прямо не предусмотрена, что обуславливает необходимость теоретического обоснования возможности ее применения. Это связано и с отсутствием в отечественных доктрине и законодательстве (в отличие от германских) самостоятельного права вла-

дения. Владение упомянуто лишь среди правомочий собственника (ст. 209 ГК РФ). Статья 305 ГК РФ упоминает о праве законного владельца на защиту. На основании вышесказанного, а также ст. 301 ГК РФ, дающей собственнику право истребовать имущество из незаконного владения, можно утверждать о допустимости самозащиты правомерного владения по российскому гражданскому праву, в том числе и путем пресечения нарушения владения. Исключение должны составлять случаи, когда владение является заведомо незаконным, например, приобретенным путем кражи.

Из сказанного, в частности, следует правомерность самозащиты права удержания, которое не следует смешивать с удержанием как способом самозащиты гражданских прав. Различие заключается в том, что удержание есть правомерное бездействие (невыдача вещи), а право удержания можно рассматривать как один из видов титульного владения. Защита права удержания осуществляется путем действий, препятствующих захвату вещи третьим лицом, в том числе и собственником вещи. Однако в связи с тем, что право удержания прекращается с потерей владения, самозащита в форме отнятия удерживаемой вещи у собственника не допускается, равно как и ее виндикация.

Самозащита права на коммерчески ценную информацию не сводится исключительно к возможности самостоятельно нейтрализовать и вывести из строя технические средства, незаконно внедренные третьими лицами с целью ее получения, а также к принятию оперативных мер по дезинформации лиц, незаконно получивших засекреченные сведения, с целью предотвращения возможного ущерба от их разглашения. Перечень способов является открытым и постоянно пополняется с развитием информационных технологий. В частности, самозащитой называют технические способы борьбы провайдера со спамом и вирусами [27, с. 17]. Отдельные исследователи отмечают, что в порядке самозащиты могут применяться и некоторые санкции по отношению к контрагентам по хозяйственным договорам и наемным работникам, на-

рушающим обязательство о неразглашении конфиденциальных сведений [28].

Новое и новейшее американское законодательство в области охраны авторских прав предоставляет авторам обширный арсенал технических средств самозащиты. При этом пределы самозащиты права собственника информации в настоящее время урегулированы слабо, что уже вызывает опасения исследователей. Например, Дж. Литман [29, р. 225] считает, что с 1998 г. институт авторского контроля значительно расширился, в результате чего стала возможной ситуация нарушения авторами права третьих лиц на доступ к информации, и в частности права покупать, читать, смотреть, слушать или использовать в личных целях произведения.

К пресекательным способам самозащиты в обязательственных отношениях, по нашему мнению, относится большинство действий, связанных с применением юридических средств самозащиты – так называемых «мер оперативного воздействия». Эти действия могут быть объединены под именем «оперативных мер самозащиты». Следуя принципу «бритвы Оккама», мы считаем выделение самостоятельной категории «меры оперативного воздействия» в доктрине ничем не оправданным «удвоением сущности» самозащиты. Напротив, соединение близких по природе мер самостоятельной защиты гражданских прав под общим именем самозащиты представляется не только оправданным, но даже необходимым, поскольку потенциал, заложенный в понятие самозащиты законодателем, может быть реализован только посредством его «наполнения» самыми различными конструкциями. Таким образом, меры оперативного воздействия при инкорпорации в институт самозащиты получают «прописку» в законодательстве. Тем самым развивается высказанная в 1971 г. Ю.Г. Басиным позиция, согласно которой меры оперативного воздействия являются разновидностью мер защиты («меры оперативной защиты») и принадлежат в качестве вида к родовой категории самозащиты гражданских прав. Меры оперативного воздействия суть разновидность мер самозащиты гражданских

прав, при помощи которой реализуются пресекательные, компенсационные и обеспечительные способы самозащиты. Субъектом, применяющим меры оперативного воздействия, является кредитор; субъектом, на которого направлено воздействие, – неисправный должник. Объектом защиты являются обязательственные права кредитора, объектом воздействия – права должника. Особенности их применения в качестве мер самозащиты являются оперативность и односторонний характер. Насколько известно автору, данная позиция нашла поддержку и в ряде позднейших исследований. Например, А.Г. Карапетов [30, с. 88] отмечает, что право на односторонний отказ от нарушенного договора относится к виду «самозащита права», подвиду «мера оперативного воздействия».

Способами, не связанными с защитой интересов кредитора и потому не относящимся к оперативным мерам самозащиты, являются: 1) исполнение обязательства третьим лицом без согласия должника (ст. 313 ГК РФ) [31, с. 11-15; 32, с. 23] и 2) одностороннее аннулирование сделки с пороком воли – ввиду угрозы мошенничества, злоупотребления обстоятельствами, обмана путем направления контрагенту письменного уведомления.

2. Среди восстановительных способов самозащиты большинство относится к уже упоминавшейся нами владельческой самозащите; исключение составляет восстановление некоторых личных неимущественных прав, например, деловой репутации (публичное опровержение порочащих сведений). Указанная особенность объясняется тем, что восстановлению в натуре подлежат лишь абсолютные права. Поэтому представляется возможным выделить в данной группе способов две подгруппы – восстановление владения и восстановление личных неимущественных прав. Таким образом, владельческая самозащита заключается не только в охране, но и в восстановлении владельцем своими силами *corpus possessionis*, то есть контроля над имуществом, который он утратил в результате противоправных действий третьего лица [21, с. 39-46]. Действующее

российское законодательство не содержит какой-либо информации о восстановлении владения. В связи с этим далее мы вынуждены опираться на зарубежные нормативные источники и литературу. В доктрине «общего права» принято выделять возврат незаконно отнятого движимого имущества (reclamation of chattels) и восстановление владения недвижимым имуществом (reentry of lands). В качестве частного случая называют возврат имущества, находящегося на чужом участке [21, с. 39-46]. Определяя содержание данного способа самозащиты, цивилисты Великобритании и США пишут: «лицо, противоправно лишённое владения, не обязано подавать иск, поскольку может восстановить владение своими действиями при условии, что оно сумеет добиться этого мирным образом и без насилия» [22, р. 189; 18, р. 54; 17, р. 71]. Авторы связывают возможность применения данного способа самозащиты с сохранением (пусть и в виде фикции) владения за лицом, применяющим самозащиту.

Резюмируя положения англо-американской цивилистической доктрины о владельческой самозащите, А.В. Куделин определяет восстановление утраченного владения недвижимостью как способ самозащиты, при котором лицо, лишённое владения в результате противоправных действий третьих лиц, своими силами выдворяет нарушителей и восстанавливает фактический контроль над недвижимостью в разумных пределах [21, с. 47]. Восстановление владения движимым имуществом заключается в отобрании «по горячим следам» вещей, неправомерно изъятых у законного владельца. Законность таких действий подтверждается зарубежными авторами [16, с. 73]; применительно к отечественному гражданскому праву она может быть выведена из анализа норм об охране собственности. В частности, если вещь была отобрана у владельца силой, он вправе применить насилие, достаточное для отобрания вещи. Следует отметить, что сопротивление собственнику вещи – в зависимости от личности, действий нарушителя и обстановки – может быть расценено как превышение полномочий, самоуправство либо разбой.

В литературе имеется и противоположная точка зрения [33, с. 47].

От восстановления владения следует отличать самовольное исполнение судебного акта о присуждении определенного имущества либо об обязанности передать индивидуально определенную вещь. Указанные действия относятся к пресекательным способам самозащиты.

3. Компенсационными способами самозащиты, предусмотренными законодательством Российской Федерации, являются самостоятельная реализация залогодержателем предмета залога (ст. 349 ГК РФ), продажа залога или удерживаемой вещи (ст. 360 ГК РФ) и оставление задатка (ст. 381 ГК РФ). Однако стороны договора могут предусмотреть и другие, не противоречащие закону способы, например, присвоение залога или предмета удержания, соответственно, залогодержателем либо ретентором.

4. Обеспечительную функцию самозащиты по российскому законодательству реализуют такие способы самозащиты, как удержание имущества (ст. 359 ГК РФ) и задержание нарушителя субъективного гражданского права для установления его личности и доставления в органы власти, соприкасающееся с областью публичного права (ч. 1 ст. 38 УК РФ). Германскому праву известно также задержание нарушителя или его имущества в качестве гарантии прекращения нарушения права или получения денежной компенсации за утраченное право.

Как видно из представленного обзора, большинство способов самозащиты направлено на пресечение нарушений субъективных прав. Прочие способы имеют субсидиарное значение, поскольку необходимость в их применении возникает только при невозможности эффективно пресечь нарушение.

Необходимо отметить, что идея систематизации способов самозащиты по функциональному критерию, впервые высказанная нами в 2005 г., нашла впоследствии поддержку в работах других ученых. Так, И.А. Кондракова предложила разделить способы самозащиты гражданских прав по

их направленности: 1) на способы самозащиты, направленные на обеспечение неприкосновенности права (применительно к договорным отношениям такая функция может рассматриваться как обеспечение исполнения обязательств); 2) способы самозащиты, направленные на пресечение нарушения прав; 3) способы самозащиты, направленные на восстановление нарушенного права или на компенсацию вреда, причиненного нарушением [34, с. 50-52]. При этом она полагает саму функциональную классификацию способов самозащиты в какой-то мере условной, поскольку многие из способов самозащиты при своей реализации направлены на выполнение сразу нескольких задач: пресечение нарушения, обеспечение неприкосновенности права, ликвидацию последствий нарушения [34, с. 52], с чем можно согласиться лишь со следующей оговоркой: многофункциональность некоторых способов самозащиты не означает равного значения выполняемых задач. При отнесении способа к той или иной группе следует руководствоваться ближайшей целью его применения, достижение которой в конечном счете определяет его эффективность.

В заключение остается подчеркнуть, что в рамках небольшой статьи не ставилась задача дать исчерпывающее описание всех способов самозащиты. В ней упоминаются лишь наиболее распространенные способы, в полной мере иллюстрирующие принцип предложенной классификации.

1. Страунинг Э.Л. Самозащита гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

2. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

3. Микшис Д.В. Самозащита в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

4. Микшис Д.В. Цивилистические аспекты учения о самозащите. Тюмень, 2006.

5. Воложанин В.П. Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975.

6. Кораблева М.С. Гражданско-правовые способы защиты прав предпринимателей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

7. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

8. Богдан В.В. Гражданско-правовые способы защиты прав потребителей в сфере торговли и услуг // Юрист. 2003. № 7.

9. Горбунова Л.В. Исполнение обязательства третьим лицом без согласия должника // Право и экономика. 2004. № 1.

10. Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6.

11. Завидов Б., Гусев О. Гражданские права предпринимателей нуждаются в защите // Законодательство и экономика. 2000. № 8 (196).

12. Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав: учеб. пособие. М.: Лекс-книга, 2002.

13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Т. 1. Общие положения. М.: Статут, 2002.

14. Карпов М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

15. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2.

16. Дженкс Э. Свод английского права. М., 1947.

17. Baker C. D. Tort. London: Sweet & Maxwell, 1986.

18. Blackburn A. R., George E. F. The elements of the law of torts. London: Sweet & Maxwell. 1949

19. Odgers W. B. The common law of England. by. Vol. II. London: Sweet & Maxwell, 1920.

20. Street H. The law of torts. London: Butterworth, 1955.

21. Куделин А.В. Самозащита в форме восстановления утраченного владения недвижимостью в праве Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

22. Salmond's law of torts. 10th ed. By W.T.S. Stallybrass. London: Sweet & Maxwell, 1945.

23. Underhill. A summary of the law of torts or wrongs independent of contract. 15th ed. London: Butterworth, 1945.
24. Restatement of the law. Torts. 2d. Washington: American Law Institute Publishers, 1965.
25. Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право. М., 1973.
26. Малиновский А.Д. Актуальные проблемы категории субъективного вещного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
27. Михайленко Е.В., Гоголадзе З.Д. Проверка провайдером электронной почты на наличие вирусов и спама (правовой аспект) // Адвокат. 2003. № 7.
28. Гаврилин Ю.В. Понятие и правовая охрана коммерческой тайны в РФ (научно-практический комментарий к ч. 1 ст. 139 ГК РФ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Litman J. Digital copyright. N.Y.: Prometheus books, 2001.
30. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007.
31. Горбунова Л. Исполнение обязательства третьим лицом без согласия должника // Право и экономика. 2004. № 1.
32. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства третьим лицом. М.: Статут, 2003.
33. Эрделевский А.М. Самозащита гражданских прав // Юридический мир. 1998. № 8.
34. Кондракова И.А. Несудебный порядок защиты корпоративных прав акционеров // Юридический мир. 2006. № 1.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИЯХ В ПРАВЕ

А.В. Пермяков

(аспирант кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета; clapper@mail.ru)

В статье затронут вопрос о состояниях в праве, который внешне кажется решенным, но тем не менее требует детального изучения. Автор акцентирует внимание на различных подходах к вопросу о месте состояний в механизме правового регулирования и приходит к выводу, что состояние обладает особенностями, которые в зависимости от ситуации позволяют рассматривать его либо в качестве юридического факта и (или) правоотношения, либо в ином качестве.

Ключевые слова: состояние, правовое состояние, юридический факт, правоотношение.

Исследование всякого (гражданско-) правового явления опирается на ту или иную господствующую в научном обществе модель. Однако рано или поздно научный мир приходит к выводу о необходимости более глубокого погружения в определенную область. При этом детального изучения может требовать тот вопрос, который внешне кажется решенным и не нуждающимся в приложении дополнительных научных усилий. В ряду таких вопросов и вопрос о состояниях в праве.

Как известно, критерием истины является время. В некоторых (гражданско-) правовых явлениях обстоятельства времени оказывают больше влияния, в других – меньше. Как указывал Д.И. Мейер, в науке гражданского права, имеющей предметом своим юридические воззрения народа и попытки законодательной власти уловить их, коммунировать, исторический элемент, конечно, должен играть значительную роль [1, с. 49]. Тем не менее ученым особое внимание уделяется элементу практическому, под которым он имеет в виду точку соприкосновения права с действительной жизнью [1, с. 51]. Соответственно, с течением времени мы приходим к выводу о необходимости пересмотра тех или иных явлений, концепций или их рассмотрения с другой точки зрения.

В стороне от сказанного выше никак нельзя оставить учение о юридических фактах, которое как в общей теории права, так и в теории гражданского права отличается определенной степенью консервативности. Определение юридического факта и

его классификация остаются неизменными. Но, как отмечается в науке, назрела объективная необходимость пересмотра современных концепций юридических фактов и в общей теории права, и в отраслевых доктринах... [2, с. 16]. Присоединимся к этим суждениям и приведем собственные аргументы.

Категория «юридический факт» возникла не в результате умозрительных построений. Она развивалась из потребностей юридической практики, стремления осмыслить и охватить единым понятием разнообразные предпосылки движения правовых отношений [3, с. 431]. Вполне естественно, что своими корнями понятие «юридический факт» уходит в римское частное право, хотя римские юристы так и не сформулировали его определение. В Институциях Гая Юстиниана были лишь названы отдельные виды оснований возникновения правоотношений: контракт, квазиконтракт, деликт, квазиделикт. Позднее стали выделять одностороннюю сделку, заключение брака, наследование [4]. События, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридически фактами именовал Ф.К. Савиньи. По утверждению А. Манинга, этот ученый первым ввел понятие юридического факта [5, с. 847].

С общепризнанной точки зрения юридический факт – это конкретное жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает наступление определенных правовых последствий [6, с. 242-243; 7, с. 28; 8, с. 10-12].

Как указывает В.Б. Исаков, выделяют две группы признаков юридического факта – материальные и идеальные [8, с. 13]. По его мнению, к материальным признакам юридических фактов относятся следующие:

1) выраженность юридических фактов определенным образом вовне, т.е. их материальная воплощенность (юридическими фактами не могут быть мысли, события внутренней духовной жизни и тому подобные явления. Вместе с тем законодательство учитывает субъективную сторону действий (вину, мотив, цель, интерес) как элемент сложного юридического факта, например состава правонарушения);

2) признание в качестве юридического факта не только наличия какого-либо явления материального мира, но и его отсутствия (юридическое значение могут иметь не только позитивные (существующие), но и так называемые негативные факты (отсутствие отношений служебной подчиненности, родства и т.п.). Соответственно, юридические факты могут быть как позитивными, так и негативными;

3) содержание в юридическом факте информации о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования (юридическими фактами выступают лишь такие обстоятельства, которые прямо или косвенно затрагивают интересы общества, государства, коллективов, личности).

К идеальным (нормативным) признакам юридического факта относятся:

1) предусмотренность юридических фактов нормами права;

2) фиксация юридических фактов в установленном законом процедурно-процессуальном порядке;

3) способность юридических фактов вызывать предусмотренные законом правовые последствия (имеется в виду прежде всего возникновение, изменение либо прекращение правового отношения. Но юридический факт может вызвать и иные правовые последствия, например аннулировать другие юридические факты).

Традиционно все юридические факты, влекущие возникновение правовых от-

ношений, подразделяются в теории на два вида: действия и события. Как указывает М.А. Рожкова, «волевой» признак позволил создать главенствующую в отечественной теории юридических фактов классификацию: на основании признака зависимости от наличия проявления воли в юридических фактах был проведен основной водораздел юридических фактов на две большие группы – юридические события и юридические действия [9, с. 32]. Однако деление юридических фактов только на два вида по указанному критерию не является бесспорным [10, с. 13]. В юридической литературе нет единства взглядов по вопросу о правовой природе в системе юридических фактов.

В юридической литературе были высказаны предположения, суть которых сводится к подразделению юридических фактов не на две (события и действия), а на три группы. При этом одни авторы наряду с событиями и действиями выделяют в самостоятельную группу правонарушения [11, с. 411], другие – акты государственного регулирования [12, с. 119]. Как отмечает О.А. Красавчиков, не соглашаясь с указанной позицией, правонарушения являются одним из видов юридических действий, одной из особенностей которых является несоответствие, противоречие предписаниям норм нашего права [7, с. 82]. По его мнению, выделение актов государственных органов наряду с событиями и действиями в самостоятельный вид юридических фактов также не может быть признано правильным, поскольку административные акты являются одной из разновидностей юридических действий. При этом ни значение, ни авторитет, ни сила указанных актов не ущемляются (если рассматривать их в качестве вида юридических действий) и не повышаются (если рассматривать их в качестве самостоятельной группы юридических фактов наряду с событиями и действиями). Значение и юридическая сила рассматриваемых актов определяются существом этих актов, компетентностью органа, издавшего соответствующий акт, местом данного органа в общей системе государственного управления, но не местом в научной классификации юридических фактов

[7, с. 83]. Эту позицию разделяют В.И. Данилин и С.И. Реутов, указывая, что и административные акты, и правонарушения являются разновидностью юридических действий [10, с. 15].

Некоторые авторы (С.Ф. Кечекьян, Р.О. Халфина и др.) не признают состояние юридическим фактом, утверждая, что значение юридического факта предполагает не состояние само по себе, а те изменения, которые в нем происходят [10, с. 15]. Развивая данную мысль, Р.О. Халфина показала, что в ряде случаев состояние трудно отграничить от лежащего правоотношения. На этом основании высказано сомнение в целесообразности выделения состояний в классификации юридических фактов [13, с. 288-289]. В.Б. Исаков не соглашается с Р.О. Халфиной и отмечает, что противоречие это кажущееся. Действительно, состояния обуславливаются определенными юридическими фактами. Например, гражданство, родство – состояния, которые основаны на некоторых юридических фактах. Но в своем дальнейшем существовании состояние как бы отрывается от своей фактической основы. Оно приобретает самостоятельность и как юридический факт входит в фактические составы различных правовых отношений. В некоторых случаях факт-состояние – это лежащее социальное обстоятельство (например, состояние здоровья). В других ситуациях состоянием может быть правовое отношение (например, членство в ЖСК). Это вовсе не дискредитирует самостоятельность фактов-состояний, т.к. правоотношения тоже могут выполнять роль юридических фактов [8, с. 34].

Как указывает Ю.С. Новикова, с точкой зрения С.Ф. Кечекьяна, Р.О. Халфиной согласиться трудно. Автор отмечает, что состояние действительно обуславливается юридическими фактами, служащими основаниями его возникновения. Брак возникает в результате его регистрации, судимость – в результате вступления приговора суда в законную силу и т.д. Однако в данной ситуации имеет место эффект «поглощения» предыдущего юридического факта фактом последующим. Это происходит потому, что функция первого факта заключается

только в том, чтобы вызвать определенное правовое последствие и утратить свое детерминирующее назначение (например, регистрация брака). В своем дальнейшем развитии состояние (например, брак) как бы отрывается от первоначальной фактической основы и приобретает самостоятельный характер. В дальнейшем правовые последствия связываются уже не с первоначальным юридическим фактом, а с порожденными им последствиями, выступающими в виде состояний. Как самостоятельный юридический факт состояние может входить в фактические составы различных правоотношений. Если рассматривать данную ситуацию широко, то можно сказать, что первоначальный юридический факт по отношению к состоянию, им вызванному, является именно «юридическим фактом» и непосредственно выполняет функцию возникновения данного состояния. Если анализировать само состояние как юридический факт, влекущий иные правовые последствия, то первоначальный юридический факт играет здесь организующую роль [14, с. 97]. Р.А. Ханнанов, исследуя этот вопрос применительно к гражданскому праву, отмечает, что не все обстоятельства, указанные в правовой норме, относятся к юридическим фактам. Обстоятельства, содержащиеся в гипотезах норм права, но не обладающие качеством юридического факта, автор обозначил термином «нормативные условия формирования и развития гражданского правоотношения». К нормативным условиям он относит и такие внешние обстоятельства, как состояния. Показав отдельные признаки сходства нормативных условий и юридических фактов, автор вместе с тем обращает внимание и на их различие, выявляя соответствующие отличительные черты нормативных условий. Например, нормативные условия непосредственно не порождают самостоятельных правовых последствий; всегда предшествуют юридическому факту, лежащему в основе конкретного правоотношения; создавая состояние связанности, они входят в юридический состав оснований возникновения и движения правоотношения и, только входя в этот состав в качес-

тве элемента, становятся юридическими фактами [15, с. 124-126].

В.П. Шахматов полагает, что состояние не является самостоятельным юридическим фактом по той причине, что оно ничего нового не добавляет к уже существующему положению, однако в совокупности с другими обстоятельствами может вызвать определенные правовые последствия. В этом смысле состояния относятся к предпосылкам возникновения, изменения или прекращения некоторых семейных правоотношений [16, с. 9]. В связи с этим, как представляется, необходимо обратиться к положениям Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), в ст. 14 которого в качестве обстоятельств, препятствующих заключению брака, указываются следующие состояния: состояние лица, желающего вступить в брак, в другом зарегистрированном браке; состояние родства между лицами, желающими вступить в брак; состояние усыновления; состояние недееспособности. Таким образом, указанные виды состояний семейное законодательство признает в качестве фактов, являющихся основанием отказа органа ЗАГС в заключении брака, а в соответствии с п. 1 ст. 27 СК РФ – основанием признания заключенного брака недействительным. Как следствие, указанную позицию В.П. Шахматова следует признать не совсем верной, хотя автор в своих рассуждениях и приходит к выводу, что юридическое значение состояние приобретает лишь в качестве элемента фактического состава [16, с. 9].

Не признает наличия качества юридического факта у состояний и Н.В. Зернин при исследовании проблемы юридических фактов в авторском праве. По его мнению, под состояниями следует понимать такие обстоятельства, с помощью которых определяются субъекты (правосубъектность, гражданство, авторство, состояние в трудовых отношениях и т.п.) и объект (признаки предмета авторского права) авторского правоотношения [17, с. 72].

Некоторые авторы ставят под сомнение правильность основного деления юридических фактов на события и действия, предлагая выделить состояния в отдельную

группу [10, с. 15]. Так, идея о необходимости выделения состояния как разновидности юридических фактов была высказана А.К. Стальгевичем в диссертации «Введение в изучение государства и права» еще в 1940 г. [18, с. 31]. Автор писал, что бывают и такие обстоятельства, предусмотренные нормами права, которые не являются ни событиями, ни деяниями. Это факты, длящиеся в виде пребывания лица в определенном состоянии. Например, состояние в браке порождает свои последствия в виде определенных правоотношений. Бывают и другие состояния, например, состояние в гражданстве определенного государства, состояние на военной службе и т.д. В связи с наследованием возникает необходимость установления состояния жизни или смерти определенных лиц. Весьма важным юридическим фактом является состояние в определенной организации или обществе. Между государствами бывают различные состояния: состояние в отношениях войны или мира и т.д. Определенные международно-правовые отношения порождаются состоянием страны в положении нейтралитета. В связи с этим А.К. Стальгевич считает необходимым общепринятой классификацию юридических фактов в виде событий и действий дополнить еще состоянием [18, с. 31; 19, с. 280]. Л.С. Явич, придерживаясь этой точки зрения, полагает, что по волевому признаку юридические факты на самом деле делятся на три вида: события, действия, состояния [20, с. 13]. В то же время В.С. Афанасьев и Н.Л. Гранат отмечают особое место состояний среди юридических фактов. При этом под состояниями авторы понимают длящиеся (непрерывные или периодически возникающие) обстоятельства, отражающие положение субъекта в обществе, его отношения с другими людьми и прочее (гражданство, болезнь, трудовой стаж и др.). Правовые состояния, по мнению авторов, могут быть результатом как правомерных или неправомерных действий (нахождение в браке или розыске), так и событий (родственные отношения) [21, с. 13; 22, с. 242].

В качестве самостоятельного юридического факта состояние рассматривает и

С.С. Алексеев, который предлагает классифицировать юридические факты по характеру действия на факты ограниченного (однократного) действия (обстоятельства, с которыми норма права связывает юридические последствия только в данном конкретном случае. Они существуют только в данный момент времени, порождают правовые последствия, а потом исчезают. Это такие факты, как заключение договора, истечение срока и т.п.) и факты-состояния. К последним (фактам непрерывного или повторяющегося действия) относятся обстоятельства, которые существуют длительное время, непрерывно или периодически порождают правовые последствия. Автор приходит к выводу о необходимости рассматривать состояние как звено в особой классификации юридических фактов по характеру действия, но не в рамках классификации по «волевому» признаку, предусматривающей разграничение юридических фактов на события и действия [23, с. 157, с. 160]. Такого же мнения придерживаются О.В. Баринов [25, с. 71; 26, с. 77] и Т.А. Синцова, которая, признавая значение состояния в качестве основания возникновения, изменения и прекращения государственно-правовых отношений, определяет его как факт, который, возникнув, действует в качестве длительного фактора, обеспечивающего стабильность правоотношения на все время, пока существует данное состояние [24, с. 25].

Особое внимание юридическим фактам-состояниям уделяет В.Б. Исаков. Автор называет юридическими состояниями сложные юридические факты, характеризующиеся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого они могут неоднократно (в сочетании с другими фактами) вызывать наступление правовых последствий. Ученый указывает, что наличие данной разновидности юридических фактов было замечено давно. «Право может изменяться не только вследствие мимолетных событий, – писал, например, Е.Н. Трубецкой, – но и под влиянием длящихся состояний» [8, с. 34]. По мнению В.Б. Исакова, конструктивное решение спорного вопроса о месте

состояний в классификации юридических фактов заключается «в том, чтобы четко сформулировать критерий выделения состояний в системе юридических фактов. Этот признак – продолжительность существования фактических обстоятельств. С данной точки зрения все юридические факты могут быть разграничены на факты краткосрочного действия и факты длительного действия (состояния)» [8, с. 34].

При исследовании вопроса судебного доказывания и его места в процессе правового познания С.В. Курылев указывает, что существует две формы познания: непосредственное и опосредованное. При этом форма познания не в последнюю очередь зависит от того, какой юридический факт устанавливается и подлежит доказыванию. События и деяния, с точки зрения рассмотрения их в суде, являются фактами прошлого, поэтому устанавливаются опосредованно, на расстоянии, исключающем даже возможность их косвенного восприятия. Так, в частности, определяется факт совершения правонарушения, рождения, подачи заявления, заключения договора и т.п. Однако существует целая группа фактов, которые, возникнув до процесса и вне процесса, продолжают существовать и во время процесса; мало того, именно с их наличием в момент разбирательства дела, а не только в прошлом, закон во многих случаях и связывает юридические последствия. Особенность, характеризующая эти факты, заключается в их длящемся характере, в связи с этим их можно назвать фактами-состояниями. Такие факты нельзя отнести к фактам прошлого, и поэтому они подвергаются непосредственному познанию и установлению в судебном порядке [27, с. 45]. Как указывает С.С. Алексеев, непосредственное познание (когда чувственно воспринимаемый предмет сам является предметом познания) в области применения права имеет весьма узкое значение. Сюда может быть отнесено, например, восприятие судом в процессуальных формах юридических фактов-состояний, которые продолжают действовать в момент рассмотрения данного юридического дела и непосредственного познания судом. Длющийся характер фактов-состоя-

ний предполагает, что вся совокупность непрерывно сменяющих друг друга явлений сохраняет качественную однородность, в силу чего эти явления теоретически находятся в пределах одного и того же качества [28, с. 29].

С точкой зрения С.В. Курылева не соглашается О.А. Красавчиков, «потому что при разграничении явлений автором (С.В. Курылевым. – прим. А. П.) рассматриваемой точки зрения используется не один признак, а фактически два – волевой признак и признак завершенности (точнее, «протекания») того или другого явления на момент рассмотрения дела в суде. Если исходить из того, что С.В. Курылев использует только признак «протекания явления», то не могут появиться события и действия, которые, если можно так сказать, являются «результатом» разграничения всех юридических фактов по волевому признаку. Если же использовать только волевой признак подразделений, то факты-состояния должны быть «отнесены» или к событиям, или к действиям, ибо событие и действие могут иметь одинаковую завершенность, обладать одинаковой длительностью, например хроническое расстройство здоровья (нетрудоспособность), могут иметь одинаковую протяженность во времени. Ученый приходит к выводу, что факты-состояния не могут быть выделяемы наряду (т.е. в одной классификации) с событиями и действиями. В противном случае нужно различать наряду с событиями и действиями не только факты-состояния, но также и факты положительные и отрицательные, факты правообразующие и правопрекращающие и т.д. в пределах одной и той же классификации юридических фактов» [7, с. 85-86].

А.Б. Венгеров пишет, что в правовых системах некоторых государств к состояниям, порождающим определенные правоотношения, относились сословия. Принадлежность к тому или иному сословию порождала определенные правоотношения, содержанием которых было предоставление тем или иным субъектам привилегий, обязанностей, ответственности [29, с. 407]. Д.И. Мейер писал о влиянии различных обстоятельств на права физических лиц. К

ним автор относил рождение, пол, возраст, здоровье, родство, образование, вероисповедание, звание, а также состояние лица. При этом под последним Д.И. Мейер понимал принадлежность граждан к определенным сословиям: дворянству, духовенству, городским или сельским обывателям [1, с. 105].

П.Т. Полежаи высказывает мысль о том, что в действительности то или иное состояние входит в так называемый фактический состав, который предусмотрен гипотезой правовой нормы. В большинстве случаев нормы права связывают динамику правоотношения не с одним юридическим фактом, а с их совокупностью, которая и включает в себя определенные состояния. Так, например, нетрудоспособный нуждающийся бывший супруг, ставший нетрудоспособным до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака, приобретает право требовать алименты в судебном порядке от бывшего супруга, обладающего необходимыми средствами, только при наличии следующих обстоятельств: состояния супругов в браке, представляющего собой длящийся непрерывный процесс; искового заявления нуждающегося супруга в суд; заключения врачебной трудовой экспертной комиссии о нетрудоспособности, которое подтверждает наличие нетрудоспособности и момент ее возникновения; возможности бывшего супруга выплачивать алименты; нуждаемости; соответствующего решения суда. По мнению автора, «состояние в браке входит в фактический состав и поэтому не может в отрыве от указанных здесь обстоятельств породить право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания от другого супруга. Это относится и к любым другим состояниям, которые не могут сами по себе служить основанием возникновения, изменения или прекращения тех или иных правоотношений» [30, с. 51].

По мнению Ю.С. Новиковой, данный пример действительно иллюстрирует то обстоятельство, что состояние в браке здесь не является самостоятельным юридическим фактом, а выступает в качестве элемента фактического состава. Хотя П.Т. По-

лежай в качестве оснований возникновения подобного права бывшего супруга приводят факты, которые не обязательны для возникновения права на получение содержания (заявление в суд и соответствующее решение суда), ведь отсутствие этих фактов не свидетельствует об отсутствии данного субъективного права. Известно, что правоотношения по алиментному содержанию бывших супругов могут возникать и по договоренности между ними, без вмешательства государственных органов [14, с. 101].

В юридической литературе выделяют несколько разновидностей фактических составов. В частности, по признаку структурной сложности все фактические составы делятся в основном на три основных вида:

1) составы с независимым накоплением элементов;

2) составы с последовательным накоплением элементов;

3) составы, построенные с использованием различных структурных принципов [31, с. 35-36].

Примером составов первого вида может служить фактический состав, порождающий возникновение права конкретного гражданина избирать и быть избранным, который включает в себя следующие юридические факты: достижение определенно-го законом возраста (18 лет – для активного избирательного права, 21 год либо 35 лет – для пассивного) и состояние гражданства Российской Федерации. При этом с юридической точки зрения неважно, в какой последовательности эти факты наступили. Состояние может быть также элементом фактического состава с последовательным накоплением элементов. Таковым, например, является фактический состав возникновения наследственного правоотношения в порядке, определенном законом, который включает факт состояния в родстве либо в браке, отсутствие завещания в пользу других лиц, а также смерть гражданина. Перечисленные юридические факты должны наступать именно в указанной последовательности [14, с. 108].

Важно заметить, что факт-состояние может выступать и в качестве главного, ос-

новного элемента фактического состава, в котором остальные факты имеют вспомогательное, обслуживающее, факультативное значение. В связи с этим В.Б. Исаков отмечает, что элементы конкретных фактических составов неоднородны. Одни факты носят сущностный характер, выражают главное содержание социальной ситуации. Другие – связаны с организационной, процедурно-процессуальной стороной развития состава. В процессе правового регулирования материальные и процедурно-процессуальные факты выступают как единая фактическая система. Вместе с тем они функционально-различные части системы, можно сказать, ее подсистемы. На наш взгляд, рассмотрение фактического состава как единства материальной и процедурно-процессуальной подсистем позволяет, с одной стороны, четко разграничить материальные и процедурно-процессуальные элементы состава, которые действительно неоднородны, а с другой – показывает их реальную взаимосвязь в процессе правового регулирования [31, с. 56-57].

Особое внимание юридическим фактам-состояниям уделяется при исследовании юридических фактов в семейном праве. В.А. Рясенцев длящихся факты-состояния называет разновидностью событий и относит к ним нетрудоспособность, нуждаемость, беременность и др. [32, с. 48; 33, с. 51]. Как указывает М.В. Антокольская, состояния – это юридический факт, который существует длительное время, непрерывно или периодически порождая юридические последствия [34, с. 92-93].

Особенность состояний, по мнению Е.М. Ворожейкина, заключается в том, что они носят длящийся характер и могут неоднократно выступать в качестве оснований возникновения прав и обязанностей. Так, родство может служить основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей родственников по отношению друг к другу. Как юридический факт состояние утрачивает свое значение с момента его прекращения (например, смерть родственника). Но в некоторых случаях возникновение прав и обязанностей связывается именно с прекращением правового

состояния. Так, взаимные права и обязанности бывших супругов по материальному содержанию возникают только лишь с прекращением брака [35, с. 75].

М.Т. Оридорога указывает, что для семейно-брачных отношений характерны следующие факты – так называемые состояния. Например, материнство и отцовство как юридические факты являются основой для возникновения прав и обязанностей между матерью и отцом, с одной стороны, и детьми – с другой. Юридическим состоянием является беременность... Состояние нетрудоспособности и материальной нужды – необходимое условие возникновения права на получение содержания от супруга. Кроме того, автор вводит в оборот такое понятие, как брачное правоотношение (состояние), под которым понимает юридическое состояние, возникающее в силу акта регистрации брака между мужчиной и женщиной, с комплексом установленных законом правовых возможностей, реализуемых с возникновением предусмотренных законом юридических фактов и превращающих брачное отношение в семейное [36, с. 25-26].

На тот факт, что состояния в большинстве случаев сами являются правоотношениями, указывает и М.В. Антокольская, рассматривающая состояние в браке как состояние в брачном правоотношении. В то же время ученый обращает внимание, что состояния могут существовать и вне правоотношений, например нетрудоспособность, нуждаемость, обеспеченность, достаточная для выплаты алиментов. Автор приводит пример состояния родства, которое может быть как связано, так и не связано с наличием правоотношения. Ученый указывает, что закон придает правовое значение лишь определенным степеням родства. Чем ближе родство, тем больше правовых связей возникает между лицами. Например, между родителями и детьми существует родительское правоотношение, поэтому состояние родства с детьми, например, при взыскании алиментов на содержание родителей, можно рассматривать как юридический факт – правоотношение. Более отдаленные степени

родства, как правило, порождают только один вид правоотношений – алиментные. В связи с этим состояние родства с братом или сестрой как основание возникновения алиментной обязанности само по себе не является правоотношением, поскольку до возникновения алиментного обязательства братья и сестры ни в каких других правоотношениях не состоят. Еще более дальнейшее родство вообще не порождает никаких правоотношений, но может иметь правовое значение. Например, при назначении опекуна или попечителя или решении вопроса об усыновлении тот факт, что лицо придется ребенку, скажем, дядей или тетей, обязательно будет учтен. Здесь родство также выступает в качестве состояния, не являющегося правоотношением [34, с. 93].

О.А. Красавчиков относит все виды юридических состояний «не более как к правоотношениям, характерной чертой которых (в отличие от большинства гражданско-правовых обязательств) является относительная стабильность. Не случайно, например, в литературе о семейном праве состояние лица в браке до настоящего времени рассматривалось и рассматривается сейчас как брачное правоотношение, которое возникает в силу юридических фактов» [7, с. 83]. То же самое автор говорит и «о состоянии на военной и иной службе. Если лицо на службе в государственном учреждении, то оно находится с этим учреждением в трудовых правоотношениях, если на военной – в административных и т.д.» [7, с. 83].

По мнению В.Б. Исакова, некоторые юридические состояния являются правоотношениями, но не всякое юридическое состояние – правоотношение, равно как и не всякий факт-правоотношение может расцениваться в качестве юридического состояния. Ученый акцентирует внимание на том, что включение правоотношений в число юридических фактов нельзя рассматривать как парадокс, как подтверждение тезиса о том, что «право порождает право». В форме правоотношений выступают важнейшие, наиболее значимые общественные связи, поэтому нет ничего удивительного в том, что право использует в качестве юридичес-

ких фактов такой элемент реальности, как правовые отношения. Закрепление в нормах права фактов-правоотношений обусловлено также требованием законности, внутренними закономерностями правопорядка, предполагающего координированное возникновение и существование правовых связей. Наконец, надо указать на то, что факт-правоотношение обладает значительной социальной емкостью. В обобщенном, концентрированном виде он вбирает в себя широкий массив социальных фактов. В силу этого факты-правоотношения могут эффективно использоваться в правовом регулировании. Может создаться впечатление, что юридическим фактом выступает все правоотношение в целом. На самом деле это не так. Факт-правоотношение отражает правовую связь в обобщенном виде. В связи с этим юридическое значение имеет, как правило, сам факт существования (или отсутствия) того или иного правоотношения. Например, для получения служебной жилплощади необходимо наличие трудовых отношений с предприятием, учреждением, организацией, для заключения брака – отсутствие другого зарегистрированного брака [8, с. 35].

В.Б. Исаков обращает внимание на не вполне точное, по его мнению, высказывание З.Д. Ивановой, которая говорит о том, что юридическим фактом является не само правоотношение, а основание его возникновения, «ибо о существовании любого правоотношения можно судить лишь на основании наличия юридического факта, являющегося основанием возникновения этого правоотношения» [37, с. 59]. С точки зрения В.Б. Исакова, как и в случае с юридическими состояниями, здесь необходимо разграничить юридические предпосылки правоотношения и сам факт-правоотношение, которые и с социальной, и с юридической точек зрения не тождественны. В некоторых ситуациях юридические факты, породившие правоотношение, могут утратить со временем свое юридическое значение, но правовая связь будет существовать. Например, разрыв трудовых правоотношений рабочего или служащего с предприятием, учреждением, организа-

цией не влечет, за отдельными изъятиями, прекращения права пользования ведомственной жилплощадью, ведомственным детским учреждением и т.п. Таким образом, существование правоотношения – более емкий юридический факт, он охватывает не только наличие законного фактического основания правоотношения, но и реальное бытие правовой связи [8, с. 35].

Состояние в качестве существующего общественного отношения рассматривают и В.И. Данилин, С.И. Реутов, по их мнению, сам термин указывает на тот факт, что люди уже находятся в какой-то связи, состоят в определенных отношениях [10, с. 15].

В то же время А.А. Ерошенко, исходя из соотношения правовой системы, правового состояния и элементов правовой системы рассматривает правовое состояние как определенный уровень внутренней организации правовой системы, параметры которой устанавливаются в нормативном порядке. Ученый считает, что правовое состояние не может быть отождествлено с правовыми отношениями, т.к. является основанием последних, поскольку отражает порядок расположения субъектов в рамках одной и той же правовой системы [38, с. 140].

Таким образом, по нашему мнению, состояния все же следует выделять в отдельную группу юридических фактов, не ставя их в один классификационный ряд с событиями и действиями. Ведь состояния характеризуются относительной стабильностью и определенным периодом существования. При этом в течение указанного периода, как справедливо отмечает В.Б. Исаков, состояния могут неоднократно (в сочетании с другими фактами) вызывать наступление правовых последствий, а следовательно, обладают сильным «составообразующим действием», т.к. за время своего существования участвуют в возникновении многих правоотношений, активно формируя тем самым индивидуальный правовой статус субъектов [8, с. 34].

В то же время однозначно говорить о том, что состояния являются только юридическими фактами, по нашему мнению,

не следует. Представляется, что одни и те же правовые состояния могут рассматриваться и в качестве юридических фактов, и в ином качестве. Отнесение их к той или иной группе зависит исключительно от ситуации, в которой они рассматриваются. Правовое состояние, являющееся в одном случае юридическим фактом, при иных обстоятельствах может таковым не являться. Бесчисленное множество связей и взаимодействий любого материального объекта с окружающей средой не позволяет в процессе познания выявить его состояние сразу, одновременно во всех отношениях. Это тем более очевидно, что в один и тот же момент времени, но в различных отношениях объект может находиться и в различных состояниях, т.е. обладать несколькими доминирующими способами бытия. Например, судимость может выступать в качестве юридического факта при отказе в приеме на работу на ряд должностей. Та же судимость, по российскому законодательству, не может быть признана препятствием для вступления в брак, и в этом случае она не рассматривается в качестве юридического факта [39, с. 36].

Более того, нам кажется верным утверждение ряда авторов о том, что определенные состояния могут также выступать и в качестве юридических фактов, и в качестве правоотношений – в зависимости от ситуации, к которой мы обращаемся. Так, в п. 2 ст. 10 СК РФ закреплено, что права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. С момента государственной регистрации брака между супругами возникает брачное правоотношение (брак), в котором супруги обладают определенными правами и обязанностями (содержание правоотношения). В то же время сам факт существования брачного правоотношения приводит (или может привести) к возникновению, изменению или прекращению определенных правоотношений. Так, к примеру, могут измениться отношения собственности. Если до заключения брака приобретение одним из потенциальных супругов по договору купли-продажи, мены, дарения

или иной сделки об отчуждении имущества влекло возникновение права собственности только у этого потенциального супруга, то после заключения брака в силу ст. 37 СК РФ это имущество может быть признано их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов либо труда одного из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и др.).

Состояния независимо от того, являются ли они правоотношениями или нет, сами возникают, изменяются и прекращаются в результате юридических фактов [34, с. 93-94]. В связи с этим возникновению правоотношения предшествуют как бы две группы юридических фактов: сначала одни из них порождают состояние, например достижение пенсионного возраста – состояние нетрудоспособности, затем это состояние самостоятельно или в совокупности с другими юридическими фактами приводит к возникновению правоотношения, в данном случае – алиментного [40, с. 178].

По нашему мнению, обстоятельство, лежащее в основе состояния, может носить как волевой, так и неволевой характер, т.е. состояние может возникнуть как при наступлении событий, так и при совершении деяний. Так, родство порождается фактом рождения человека, а супружество – фактом вступления двух человек в брак и т.д. Юридические факты, лежащие в основе состояния и порождающие его, носят, как правило, одномоментный или разовый характер, однако последствия, которые они вызывают к жизни, выступают в виде длящихся правовых отношений. Возникнувшее состояние продолжает действовать как длительный фактор, обеспечивающий стабильность правоотношений на весь период его существования, обуславливая при этом объем правосубъектности личности. Более того, одно и то же состояние может иметь одновременно волевой и неволевой характер – в зависимости от того, к какому носителю оно применимо. Так, судимость является волевым актом по отношению к

суду, постановившему приговор, и неволевым – по отношению к лицу, в отношении которого этот приговор был вынесен [14, с. 113].

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. 831 с.

2. Косарева И.А., Косарев А.А. К вопросу о понятиях и видах юридических фактов в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2009. № 6. С. 16-22.

3. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2001. 592 с.

4. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

5. Manigk A. Tatsachen juristische. Handwörterbuch der Rechtswissenschaft. V. 5. Berlin und Leipzig, 1928.

6. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.

7. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.

8. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве: монография. М.: Юрид. лит., 1984. 144 с.

9. Рожкова М.А. Юридические факты в гражданском праве // Приложение к ежемесячному журналу «Хозяйство и право». 2006. № 7. С. 3-80.

10. Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989.

11. Теория государства и права / науч. ред. М.П. Карева. М.: Юриздат, 1949. 511 с.

12. Советское гражданское право. М.: Госюриздат, 1950. Т. I / под ред. Д.М. Генкина. 495 с.

13. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.

14. Новикова Ю.С. Правовое состояние как категория права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 206 с.

15. Ханнанов Р.А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения // Советское государство и право. 1973. № 8. С. 123-126.

16. Шахматов В.П. Семейное правоотношение. Красноярск, 1978. 38 с.

17. Зернин Н.В. Некоторые вопросы юридических фактов в авторском праве // Государство и право в системе социального управления: межвуз. сб. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. С. 67-72.

18. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23-32.

19. Теория государства и права: учебник для средних спец. учеб. заведений МВД СССР / отв. ред. А.К. Стальгевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 351 с.

20. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юрид. лит., 1982. 176 с.

21. Гранат Н.Л. Правовые отношения // Юрист. 1998. № 10. С. 9-14.

22. Афанасьев В.С., Гранат Н.Л. Юридические факты // Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.

23. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. 226 с.

24. Синцова Т.А. Система юридических фактов в советском государственном праве // Правоведение. 1981. № 5. С. 21-29.

25. Баринов О.В. Классификация юридических фактов и их значение в трудовом праве // Вестник ЛГУ. Серия «Экономика, философия, право». 1978. № 23. С. 71-76.

26. Баринов О.В. Понятие и функции юридических фактов в трудовом праве // Правоведение. 1986. № 5. С. 75-78.

27. Курьлев С.В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (В аспекте гражданско-процессуального права) // Тр. Иркут. гос. ун-та. Т. 13. Серия юридическая / отв. ред. Т.Т. Деуля. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1955. С. 38-54.

28. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Курс лекций: учеб. пособие: в 4 вып. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. Вып. 4. Применение права.

Наука права / ред.: Ю.К. Осипов, В.Е. Чиркин. 203 с.

29. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.

30. Полежай П.Т. Правовые отношения: Конспект лекций. Харьков: Изд-во ХЮИ, 1965. 51 с.

31. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.

32. Рясенцев В.А. Виды юридических фактов // Советское семейное право: учебник / под ред. В.А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982.

33. Рясенцев В.А. Юридические факты в семейном праве СССР // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. С. 37-49.

34. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М.: Юристь, 1996. 366 с.

35. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.

36. Оридорога М.Т. Брачное правоотношение. Киев: Киевская ВШ МВД СССР, 1971. 153 с.

37. Иванова З.Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. 165 с.

38. Межвузовская научная конференция в Краснодаре // Правоведение. 1974. № 5. С. 139-141.

39. Парфенов А.В. Правовое состояние: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 161 с.

40. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 2. 360 с.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА,
СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ****Э.Г. Юзиханова**

(профессор кафедры криминологии, психологии и педагогики Тюменского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент;
8 (3452) 59-84-38)

С.А. Лысенко

(адъюнкт кафедры криминологии, психологии и педагогики Тюменского юридического института МВД России; 8 (3452) 59-84-38)

Данная статья посвящена исследованию личности преступника, совершающего преступления против собственности в нефтегазовом комплексе. Выделены основные признаки, характеризующие личность преступника, нравственные и психологические особенности личности преступника, совершившего преступление в сфере нефтегазового комплекса.

Ключевые слова: личность преступника, профилактика, преступления против собственности, нефтегазовый комплекс, криминология, статистика, экономические преступления.

Изучением проблемы личности преступников, совершивших общественно опасные деяния в различных сферах общественной жизни, занимались и занимаются многие ведущие отечественные ученые-криминологи.

Личность преступника является основным и важнейшим компонентом механизма преступного поведения, поскольку в каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления [1, с. 251] и представляет собой совокупность свойств, приводящих при определенных ситуативных обстоятельствах или помимо их к совершению преступления [2, с. 68].

В отечественной криминологической науке при характеристике личности преступника традиционно принято выделять следующие признаки:

– социально-демографические, а именно пол, возраст, образование, род деятельности, социальное и семейное положение, уровень доходов, место жительства и т.д., иными словами, анкетные данные;

– социально-ролевые, связанные с общественными функциями лица, обусловленными его положением в обществе и членством в определенных социальных группах;

– нравственно-психологические, т.е. интеллектуальные качества, целевые установки, ценностные ориентации, отношение к нормам права и морали, потребности и предпочтительные способы их удовлетворения.

Рассматривая криминологическую характеристику субъектов преступлений, совершаемых в нефтегазовом комплексе (далее – НГК), следует подчеркнуть, что наиболее распространенными являются первые два признака. Нравственные же свойства и психологические особенности личности преступника, совершившего преступление в сфере нефтегазового комплекса, не имеют определяющего значения.

При выявлении социально-демографических признаков отдельных категорий преступников существенную роль играет их возрастная характеристика. По данным МВД России, немногим более половины преступлений совершают лица в возрасте от 16 до 29 лет, но наиболее криминогенной группой населения, выделяемой в статистике, являются лица в возрасте от 30 до 49 лет: их доля в структуре преступности доходит до 47 %. Из числа привлеченных к уголовной ответственности лиц несовершеннолетние составляют 14-15 %. В целом же наиболее часто совершают преступле-

ния лица в возрасте 18-40 лет (до 70-75 %). В этой группе наибольшая криминальная активность характерна для лиц 25-29 лет. Затем следуют 18-, 24-летние, 14-, 17-летние, 30-, 40-летние.

Наименьшая доля среди преступников приходится на лиц старше 60 лет. Среди тех, кто совершил должностные преступления и хищение имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления доверием, преобладают преступники старше 30 лет. Возрастная характеристика преступников позволяет судить о степени и интенсивности проявления криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп. В частности, преступления, совершаемые молодыми людьми, чаще носят агрессивный, импульсивный характер, для лиц же старшего возраста, напротив, характерно более обдуманное совершение преступлений.

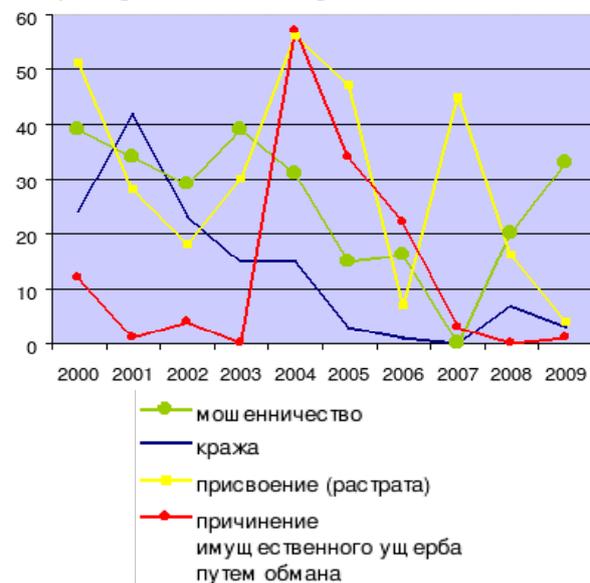
Возрастная характеристика преступников позволяет делать выводы о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп.

Исследование динамики уровня преступности в Тюменской области за 30 лет (1971-2000 гг.) позволило сделать вывод о его поступательном росте: «...в общей сложности “скорость” движения преступности выросла в 7,51 раза (1999 г.). При этом в социалистический период развития уровень преступности вырос в 2,84 раза (1985)» [3]. Такое изменение связано с рядом особенностей, наиболее значимыми среди которых являются экономические и демографические факторы.

Анализируя данные статистики и материалы исследования по Тюменскому региону за 10-летний период (2000-2009 гг.), следует указать на то, что проблема личности преступников в организациях и на предприятиях НГК уже не носит поступательного характера, однако продолжает оставаться более чем актуальной.

В 2000, 2004, а особенно в 2007 гг. уровень преступлений, совершаемых в нефтегазовом комплексе Тюменской области, по ст. 160 – присвоение, растрата,

достигал своей максимальной отметки – 100, 80 и 120 %. Однако нельзя однозначно сказать, что наблюдается тенденция к росту данных преступлений, скорее всего, преступность в сфере НГК региона носит циклический характер. Рассмотрим и сравним данные об экономических преступлениях в сфере нефтегазового комплекса, совершенных лицами мужского и женского пола в Тюменской области с 2000 по 2009 гг., на примере кражи, мошенничества, присвоения (растраты), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Выборочные криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют о том, что среди преступников значительно больше мужчин (около 85 %), чем женщин (их около 15 %). Однако по некоторым составам преступлений женщины относительно более активны, чем мужчины. Доля женщин, совершивших преступления в сфере НГК, составляет около 20 %.

Свыше 50 % всех преступлений, совершаемых женщинами в сфере НГК, характеризуются корыстной мотивацией.

Лицами женского пола в большей степени совершаются преступления, связанные с мошенничеством, присвоением (растратой). Кражи ими почти не совершаются (1 случай в 2000 г.), т.к. наиболее распространенным видом краж нефтепродуктов являются «криминальные врезки» в нефтепроводы и нефтепродуктопроводы,

совершение которых требует от преступника специальных технических познаний и навыков в данной отрасли, наличия необходимого оборудования и умения его использовать. В целом же структура женской преступности отличается от структуры мужской преступности меньшим удельным весом тяжких преступлений. Это объясняется выполняемыми женщинами профессиональными ролями, половыми различиями в воспитании, представлениями о рамках допустимого поведения и т.д. [4, с. 126]

Большое значение для характеристики личности преступников имеет выявление их общеобразовательного уровня. Высокий уровень образования наблюдается у лиц, совершивших мошенничество при незаконной добыче углеводородного сырья, занижении объема реализуемого товара, завышении стоимости проектно-изыскательских работ, уклонении от уплаты налога, реализации нефти и нефтепродуктов путем фальсификации; присвоение; растрату; незаконное предпринимательство; доведение нефтегазовых компаний до банкротства; хищение товара во время проведения транзитных и иных внешнеэкономических операций и т.д.

Это обуславливается тем, что для совершения преступлений такого рода преступники должны обладать специальными профессиональными знаниями. К ним относятся бухгалтерские и счетные работники предприятий, материально-ответственные лица всех категорий и, конечно же, руководители предприятий (нефтегазовых компаний, в том числе геологоразведки, добычи, транспортировки, переработки, реализации, потребления и т.д.).

При всех уголовно-правовых различиях экономических преступлений их объединяет субъект – лицо, исполняющее свои служебные, должностные обязанности (служащий, чиновник), «белый воротничок», а также то, что преступления совершаются этим субъектом в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей [5, с. 294].

Следовательно, более пристальное внимание необходимо уделять особенностям должностного положения лиц, совер-

шивших преступление и привлечших к совершению преступления подчиненных им по службе лиц, знанию специфики проведения хозяйственных операций [6, с. 24].

Уровень лиц с высшим образованием, совершивших преступления на рассматриваемых объектах НГК, составляет около 40 %. Высокий уровень образования наблюдается у лиц, совершивших присвоение и растрату, незаконное предпринимательство, доведение нефтегазовых компаний до банкротства и распродажи их имущества на торгах или аукционах; создание совместных предприятий и беспощинный вывоз доли зарубежных партнеров; хищение товара во время проведения транзитных, реэкспортных и иных внешнеэкономических операций; мошенничество при реализации нефтепродуктов. Такая тенденция обуславливается тем, что для совершения последних преступлений субъекты должны обладать соответствующими профессиональными знаниями.

Низкий уровень образования наблюдается у лиц, совершивших преступления, связанные с хищением продуктов ГСМ при их транспортировке и незаконной переработкой нефти. Приведенные сведения об образовательном уровне обследованных преступников подтвердили устоявшееся в криминологии мнение о том, что образовательный уровень преступников находится в определенной взаимосвязи с характером преступных действий.

В социально-демографической структуре личности преступника важное криминологическое значение имеют данные о социальном положении, роде занятий и профессиональной принадлежности (рабочий, служащий, представитель индивидуально-трудовой деятельности, учащийся, пенсионер, лицо, не занятое общественно полезным трудом, и др.). Эти данные, в частности, показывают, в каких сферах социальной жизни и представителями каких социальных групп совершаются в большей степени те или иные преступления, какие отрасли народного хозяйства наиболее подвержены криминогенному влиянию, из каких социальных и профессиональных групп наиболее часто «рекрутируются» преступники.

Необходимо отметить, что чем более дробным является деление социальных групп, тем более достоверными оказываются результаты криминологических исследований. Например, среди совершивших преступления рабочих наиболее высокий удельный вес лиц, занятых неквалифицированным трудом, тогда как рабочие, имеющие высокую квалификацию, совершают преступления примерно в 25 раз реже.

В наиболее криминогенную социальную группу входят лица, не занятые общественно полезным трудом: они составляют почти треть всех преступников.

Следовательно, возрастные особенности, пол, образовательный уровень преступников находятся в определенной взаимосвязи с характером преступных действий. Их анализ позволяет составить обобщенный портрет преступника, определить, какие социальные группы наиболее нуждаются в профилактическом воздействии [4, с. 125].

Криминологическое изучение личности преступника посредством анализа ее структуры дает ключ к пониманию процессов мотивации и механизма преступного поведения, прогностическим выводам о возможном будущем поведении личности и даже о развитии преступности, что является фундаментальным условием целенаправленности, конкретности и эффективности всех видов предупреждения преступлений [7].

Предупреждение экономических преступлений, совершаемых на объектах добычи газа, а также добычи, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов в Тюменской области, основывается на нормативных положениях Конституции Российской Федерации, уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства, федеральных законов «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ведомственных нормативных актов. Данные нормативные акты являются самостоятельными элементами правовых основ деятельности органов внутренних дел.

Одним из направлений деятельности по предупреждению преступлений явля-

ется профилактика преступлений, заключающаяся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению, а в случае необходимости – и на ближайшее их окружение [8].

Взяв на вооружение криминологическую характеристику лиц, совершивших экономические преступления, следует использовать весь спектр специально-профилактических мер, в том числе путем применения видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, т.к. большинство указанных лиц не представляют социально-общественной опасности, поскольку их преступления носят ненасильственный характер. Предупреждение преступлений в сфере НГК является одним из приоритетных направлений государственной деятельности в борьбе с правонарушениями.

Так, на заседании Коллегии МВД России, состоявшейся 22 марта 2011 г., Президент Российской Федерации Д.А. Медведев обозначил в качестве основной задачи правоохранительных органов «наступательную и бескомпромиссную борьбу с преступниками. Необходимо качественно улучшить оперативно-розыскную и профилактическую деятельность, а реальные достижения по всем направлениям будут доказательством действенности реформ и эффективности полиции» [9].

11 ноября 2010 г. в Новом Уренгое состоялось совещание по развитию топливно-энергетического комплекса. Как заявил В.В. Путин, к 2030 г. добыча газа в России вырастет до одного триллиона кубометров. Инвестиции в газовую отрасль России в ближайшие двадцать лет могут превысить четырнадцать триллионов рублей. Предупреждение преступлений в данной отрасли является одним из приоритетных направлений государственной деятельности в борьбе с правонарушениями. Все средства, выделенные для развития топливно-энергетического комплекса, должны быть использованы по прямому назначению [10]. И здесь существенное значение

будет иметь работа правоохранительных органов по предупреждению преступлений в сфере НГК, которая должна быть организована на базе современных экономико-правовых исследований, глубокого знания механизмов рыночной экономики, теневого сектора, владения приемами выявления и профилактики преступлений.

1. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984.
2. Кропачев Н.А. Личность преступника // Криминология: учебник для вузов. СПб., 2003.
3. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: монография. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2007.
4. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004.
5. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, соци-

альный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009.

6. Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности / В.Д. Ларичев [и др.]. М.: Экзамен, 2002.

7. Криминология и организация предупреждения преступлений. М.: Академия МВД России, 1995.

8. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000.

9. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев подвел первые итоги реформирования МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://Президент РФ/новости/10715> (дата обращения: 21 июня 2011 г.).

10. Путин: приоритет для газа – внутренний рынок [Электронный ресурс] // Телеканал «Вести 24». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=399150> (дата обращения: 7 июля 2011 г.).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СУБЪЕКТОВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.А. Зворыгина

(преподаватель кафедры уголовного права и процесса Западно-Сибирского института финансов и права, г. Нижневартовск; zvoryu@yandex.ru)

В статье анализируются наиболее часто встречающиеся на практике вопросы квалификации дорожно-транспортных преступлений по их субъекту. Автор обосновывает алгоритм квалификации дорожно-транспортных преступлений, совершаемых при учебной езде, буксировке, незаконной передаче управления транспортным средством, недоброкачественном ремонте, формулирует предложения по совершенствованию уголовного законодательства в этой части.

Ключевые слова: транспорт, субъект, дорожно-транспортное преступление, квалификация, нарушение Правил дорожного движения РФ.

Главой 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, которые в теории уголовного права именуется транспортными преступлениями. Среди характерных признаков транспортных преступлений, к которым относятся объект преступления (безопасность движения и эксплуатации транспорта), предмет преступления (транспортное средство как источник повышенной опасности), способ посягательства (нарушение специальных правил безопасного функционирования транспорта), отдельное место принадлежит субъекту, в качестве которого в большинстве составов транспортных преступлений выступает лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению специальных правил поведения на транспорте.

По мнению В.А. Никонова, процесс квалификации преступлений целесообразно начинать с признаков субъекта и объективной стороны. Данные признаки, содержащие первоначальные сведения о совершенном деянии и деятеле, воспринимаются правоприменителем непосредственно, а уже по ним устанавливаются объект и субъективная сторона [1, с. 20]. Данная рекомендация всецело уместна для правоприменителя, осуществляющего квалификацию транспортных преступлений, поскольку многие составы таких преступлений характеризуются наличием специ-

ального субъекта. При неустановлении признаков субъекта того или иного вида транспортного преступления дальнейший процесс квалификации такого преступления становится беспредметным: содеянное образует состав преступления, не относящегося к категории транспортного, либо вовсе не является преступным. Квалификационное значение субъекта транспортного преступления увеличивается, поскольку практически все разновидности транспортных преступлений отличаются друг от друга по признакам субъекта преступления. Между тем при квалификации транспортных преступлений осуществить уголовно-правовую оценку их субъекта в ряде случаев, на наш взгляд, достаточно сложно, особенно по делам о дорожно-транспортных преступлениях. Заострим внимание лишь на наиболее актуальных вопросах квалификации дорожно-транспортных преступлений по их субъекту.

В соответствии со ст. 264 УК РФ, установлена уголовная ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека либо смерть двух или более лиц. *Лицом, управляющим механическим транспортным средством*, следует считать человека, который при помощи средств управления

механическим транспортным средством осуществляет непосредственный контроль за его движением, определяет траекторию, скорость и маневр движения транспортного средства, место его остановки и стоянки, т.е. *водителя*. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления соответствующим видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил дорожного движения Российской Федерации [2], лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением [3, с. 3].

Признание обучающего вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, не случайно. В соответствии с п. 1.2 Правил дорожного движения РФ, обучающий вождению приравнивается к водителю. В свою очередь, механическое транспортное средство, используемое для обучения вождению, должно быть оборудовано дополнительными педалями привода сцепления (кроме транспортных средств с автоматической трансмиссией) и тормоза, зеркалом заднего вида для обучающего и опознавательным знаком «Учебное транспортное средство» [4, с. 147]. Данные обстоятельства позволяют считать обучающего вождению лицом, управляющим механическим транспортным средством, наряду с обучаемым.

Специфичность случаев преступного нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств на учебном транспортном средстве, которое находится под управлением одновременно двух человек, обуславливает постановку ряда вопросов об уголовной ответствен-

ности каждого из них. При каких условиях возможна ответственность обучающего за действия обучаемого? В каких случаях не исключается ответственность обучающего за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств? Возможна ли солидарная уголовная ответственность обучающего и обучаемого за преступное нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств? К сожалению, на эти вопросы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [3] нет ответов.

«По общему правилу, – пишет А.И. Коробеев, – за аварии, допущенные учеником во время практической езды на автомобиле с двойным управлением, ответственность несет инструктор, а не ученик. Положение меняется, когда ученик сознательно игнорирует указания инструктора и грубо нарушает правила безопасности движения. В этом случае он должен отвечать по ст. 264 УК РФ» [5, с. 140]. «Если грубое нарушение правил, – уточняют Л.Ф. Рогатых и В.Б. Малинин, – допускают и ученик, и инструктор, то они будут отвечать за сопричинение вреда» [6, с. 33].

Противоречивую позицию по данному вопросу занимает В.И. Жулев, который, с одной стороны, признает, что «за нарушение правил безопасности движения во время практической езды на учебном автомобиле с двойным управлением ответственность несет инструктор, а не учащийся, если инструктор не принял своевременных мер к предотвращению аварии», а с другой – утверждает, что «присутствие обучающего и возложенные на него обязанности не снимают с обучаемого его обязанностей по соблюдению Правил, а в случае совершения ДТП – не освобождают его от ответственности» [7, с. 80].

По мнению В.Н. Бурлакова: «Если ДТП произошло во время учебной езды, то к уголовной ответственности, как правило, привлекается не ученик, а инструктор, если

в его действиях имеется нарушение правил движения или эксплуатации транспортных средств (чаще – правил эксплуатации, если учебная езда осуществлялась на машине, не оборудованной двойным управлением). Если же будет установлено, что ученик умышленно создал аварийную ситуацию и имел намерение причинить вред жизни и здоровью, то он и должен отвечать за причинение такого вреда, но не по ст. 264 УК, а за преступление против личности» [8, с. 1110].

Ошибочность мнения В.Н. Бурлакова состоит в том, что инструктор, обучающий езде на автомобиле, не оборудованном двойным управлением, не может признаваться лицом, управляющим механическим транспортным средством, а следовательно, нести ответственность по ст. 264 УК РФ. Что касается умышленного использования транспортного средства стажером для причинения вреда жизни или здоровью другого лица, то в таком случае с квалификацией содеянного как преступления против личности не возникает проблем как в теории, так и в правоприменительной практике.

На наш взгляд, эти и другие имеющиеся в литературе подобные разъяснения носят общий, неконкретный характер и не вполне пригодны для правоприменителя, не отвечают исчерпывающим образом на поставленные выше вопросы. По нашему мнению, при решении вопроса об уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств на учебном автомобиле с двойным управлением необходимо исходить, во-первых, из того, что и обучающий (инструктор, наставник и т.п.), и обучаемый (стажер, ученик и т.п.) являются лицами, управляющими механическим транспортным средством, а потому оба могут выступать в качестве субъектов преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ.

Во-вторых, при учебной езде с обучаемого не снимается юридическая обязанность по соблюдению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В соответствии с п. 21.2 Правил дорожного движения РФ, обучаемый обя-

зан знать и выполнять требования данных правил, а также иметь первоначальные навыки управления механическим транспортным средством. Задачей же обучающего является оказание помощи стажеру в управлении транспортным средством, соблюдении им правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, а также предупреждение и исправление ошибок, которые может допустить стажер в процессе учебной езды в силу своей неопытности. «В инструкциях по вождению, – отмечает Н.И. Пикуров, – обычно указывается, что инструктор во время обучения практической езде отвечает за действия курсанта и соблюдение им правил дорожного движения» [9, с. 30].

Следовательно, обучающий, образно говоря, берет на себя часть ответственности стажера за нарушение последним Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Но при этом возникает вопрос: в какой мере имеет место перенос такой ответственности? На наш взгляд, в той мере ответственности, которая полагается за допущение стажером «извинительных» нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, произошедших неумышленно, исключительно в силу его неопытности. В случае, если стажер умышленно нарушает соответствующие правила, его вина в дорожно-транспортном преступлении не исключается, и ответственность должна наступать по ст. 264 УК РФ независимо от вины и ответственности инструктора.

Таким образом, решение вопроса об уголовной ответственности инструктора и стажера по ст. 264 УК РФ не связано с признаками специального субъекта данного преступления (таковым они признаются оба), а зависит от наличия в поведении того и другого признаков объективной и субъективной стороны состава дорожно-транспортного преступления. При этом возможны различные варианты поведения инструктора и стажера как участников дорожно-транспортного происшествия, различные варианты их психического отношения к нарушению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а

следовательно, различные решения относительно уголовно-правовой оценки их действий (бездействия):

1. Стажер по неопытности неверно оценивает дорожную обстановку и допускает неумышленное нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее тяжкие последствия. В этом случае вина стажера в дорожно-транспортном преступлении исключается по причине невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ). Вина и ответственность за дорожно-транспортное преступление по ст. 264 УК РФ всецело лежит на инструкторе.

2. Стажер умышленно нарушает правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, что влечет тяжкие последствия по неосторожности. В этом случае содеянное стажером нужно квалифицировать по ст. 264 УК РФ. Что касается уголовно-правовой оценки поведения инструктора, то она зависит от его психического отношения к факту нарушения правил стажером.

Если инструктор как лицо, управляющее механическим транспортным средством, своевременно предпринял меры к предотвращению или пресечению нарушения правил стажером (требовал прекратить нарушения, пытался с помощью дополнительных педалей сцепления и тормоза устранить аварийную ситуацию, отстранить стажера от управления транспортным средством), однако по не зависящим от него обстоятельствам избежать дорожно-транспортного происшествия не удалось, инструктор не может нести уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ ввиду отсутствия в его действиях объективной и субъективной стороны данного состава преступления.

Если инструктор как лицо, управляющее механическим транспортным средством, не воспрепятствовал нарушению правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств стажером, хотя имел к этому возможность, в том числе одобрительно отнесся к факту нарушения, его бездействие следует квалифицировать по ст. 264 УК РФ.

В последней ситуации имеет место так называемое неосторожное сопричинение, поэтому и стажер, и инструктор за преступно допущенные нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, приведшие к одним и тем же тяжким последствиям, должны совместно нести уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ.

3. Инструктор дает противоправные указания стажеру, фактически толкаящие его на нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (например, дает указание выехать на автомагистраль), о чем стажер в силу своей неопытности не знает, в результате чего происходит дорожно-транспортное преступление, наступающее по неосторожности. В таком случае вина в дорожно-транспортном преступлении и ответственность за него всецело лежит на инструкторе. Ответственность стажера по ст. 264 УК РФ исключается ввиду исполнения им обязательных для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Не исключается также ситуация, когда инструктор, дав противоправные распоряжения стажеру, использует его неведение для создания аварийной ситуации и умышленно относится к причинению вреда жизни или здоровью другого лица. В этом случае содеянное инструктором надлежит оценивать не как дорожно-транспортное преступление, а как умышленное преступление против жизни или здоровья, совершенное путем посредственного исполнения.

Практическое значение имеет вопрос о признании лицом, управляющим транспортным средством, водителя буксируемого транспортного средства. Характеризуя субъекта преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, А.В. Хабаров уточняет, что по данной статье может нести ответственность и лицо, управляющее буксируемым транспортным средством [10, с. 14]. Правильность этого уточнения подтверждается п. 20.1 Правил дорожного движения РФ, в соответствии с которым общим требованием при буксировке механических транспортных средств является наличие *водителя* за рулем буксируемого транспортного

средства. «В этом случае, – пишет Н.И. Пикуров, – по существу, происходит объединение действий по управлению двумя автомобилями, у каждого из которых остаются относительно автономные варианты принятия решений. Отсюда можно сделать вывод, что в случае нарушения правил одним или обоими водителями, что повлекло последствия, указанные в ст. 264 УК РФ, ответственность по этой статье несет лицо, виновное в нарушении» [9, с. 31].

В теории уголовного права, а также в правоприменительной практике является дискуссионным вопрос о квалификации действий водителя, передавшего управление транспортным средством лицам, находящимся в состоянии опьянения, под воздействием лекарственных препаратов, в болезненном или утомленном состоянии, а также лицам, не имеющим водительского удостоверения на право управления транспортным средством, в результате чего по вине данных лиц происходит дорожно-транспортное преступление.

Проблема возникла с принятием УК РФ 1996 г., который закрепляет новую систему составов дорожно-транспортных преступлений, отличающуюся от той, что была в прежнем уголовном законе. Решение вопроса при применении УК РСФСР 1960 г. не вызывало затруднений. Допуск к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения, совершенный лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, если это повлекло тяжкие последствия, предусматривался в качестве самостоятельного состава преступления в ст. 211³ УК РСФСР. В статье 211² (Выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств) в качестве одного из преступных посягательств, квалифицируемых по данной статье, фигурировало иное грубое нарушение правил эксплуатации транспортных средств, обеспечивающих безопасность движения, совершенное лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств. Прямое разъяснение по этому вопросу было дано Пленумом Верховного Суда СССР, а также Пленумом Верховно-

го Суда РСФСР: «Водитель либо владелец транспортного средства, в нарушение действующих правил передавший управление транспортным средством лицу, лишенному водительских прав, или вообще их не имеющему, либо не имеющему прав, требуемых для управления данным видом транспорта, если в результате этих действий наступили указанные в законе последствия, несет ответственность по ст. 211² УК РСФСР... а лицо, фактически управлявшее в этом случае транспортным средством, – по ст. 211 УК РСФСР» [11, с. 58; 12, с. 408]. На сегодняшний день в уголовно-правовой литературе на сей счет высказываются различные мнения.

По словам А.И. Коробеева, водитель, незаконно передавший управление транспортным средством другому лицу, действительно нарушает правила эксплуатации транспортных средств, но инкриминировать ему преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, невозможно, ибо субъектом этого преступления является только лицо, управляющее транспортным средством. «Водитель же, – пишет А.И. Коробеев, – с момента передачи управления автомобилем другому человеку перестает быть таким лицом, а значит, не может отвечать по ст. 264 УК РФ» [5, с. 141]. В итоге ученый приходит к выводу, что по действующему УК РФ такие действия уголовно не наказуемы.

Противоположного мнения придерживается В.И. Жулев, утверждающий, что по ст. 264 УК РФ не исключается ответственность лиц, которые при управлении транспортными средствами уступили водительское место в нарушение требований правил дорожного движения. «Здесь также, – поясняет свое мнение В.И. Жулев, – лицо, допустившее нарушение правил по передаче руля управления, само непосредственно в данный момент не является “лицом, управляющим транспортным средством”, как этого требует формулировка ст. 264 УК. Но дело в том, что такое лицо допустило нарушение в период управления транспортным средством. Его нарушение стало одной из причин дорожно-транспортного происшествия, совершенного пьяным или неумелым лицом, оказавшимся за рулем.

Судебная практика в таких случаях справедливо квалифицирует действия и тех и других лиц как нарушение правил дорожного движения» [7, с. 81].

Последняя точка зрения представляется нам наиболее правильной.

В соответствии с п. 2.7 Правил дорожного движения РФ, водителю запрещается передавать управление транспортным средством лицам, находящимся в состоянии опьянения, под воздействием лекарственных препаратов, в болезненном или утомленном состоянии, а также лицам, не имеющим при себе водительского удостоверения на право управления транспортным средством данной категории или – в случае его изъятия в установленном порядке – временного разрешения, кроме случаев обучения вождению в соответствии с разделом 21 Правил. Безусловно, водитель, передавший управление транспортным средством вопреки указанному запрету, считается нарушителем правил эксплуатации транспортных средств, что само по себе образует состав одного из административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 ст. 12.3, ч. 3 ст. 12.7, ч. 2 ст. 12.8, ст. 12.32 КоАП РФ. Однако в момент совершения данного правонарушения водитель не перестает быть лицом, управляющим транспортным средством.

По смыслу диспозиции ст. 264 УК РФ, нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, ставшее причиной наступления тяжких последствий, может быть совершено как в процессе движения механического транспортного средства при непосредственном управлении им, так и когда транспортное средство неподвижно. Целый ряд требований Правил дорожного движения РФ, а также других правил безопасности движения и эксплуатации механических транспортных средств распространяется на водителя и в тот момент, когда он не находится на водительском месте, а следовательно, не осуществляет непосредственного управления транспортным средством во время его движения. Таковы, в частности, правила остановки и стоянки транспортного средства, применения аварийной сигнализации

и знака аварийной остановки, пользования внешними световыми приборами и звуковыми сигналами и т.п. К этой категории требований относится и запрет на передачу управления транспортным средством лицам, не имеющим на то право.

Следовательно, водитель, незаконно передавший управление механическим транспортным средством другому человеку, совершившему в последующем дорожно-транспортное преступление, не перестает считаться лицом, управляющим механическим транспортным средством, как с позиции Правил дорожного движения РФ, так и с позиции уголовного закона. Он должен нести ответственность по ст. 264 УК РФ, равно как и то лицо, которому он доверил управление транспортным средством. В поведении обоих субъектов имеются нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причинно связанные с наступлением указанных в законе тяжких последствий, что соответствует понятию неосторожного сопричинения.

Таким же образом должен решаться вопрос об уголовно-правовой оценке дорожно-транспортного преступления, совершенного в результате передачи механического транспортного средства, не оборудованного дополнительными педалями привода сцепления и (или) тормоза, другому лицу для обучения его вождению. Примечательным в этом плане является уголовное дело из практики Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга, ставшее предметом внимания Л.Ф. Рогатых и В.Б. Малинина.

К. обратилась с просьбой к Х. поучить ее вождению, на что он согласился. К. села за руль автомобиля, а Х. – на пассажирское место. Х. вместе с К. нажимал на педали, переключал скорости, придерживал руль. В процессе движения они не заметили пешехода, заканчивающего переход улицы, и наехали на него, в результате чего от полученных повреждений пешеход скончался.

«В этом случае, – пишут вышеупомянутые авторы, – и К., и Х. фактически совместно управляли автомашиной и оба обособленно были осуждены по ст. 264 УК РФ. Если бы Х. давал только советы, как надо

управлять машиной, и при этом не совершал действий, связанных с вождением, его нельзя было бы отнести к лицам, управляющим транспортным средством» [6, с. 32].

С последним суждением Л.Ф. Рогатых и В.Б. Малинина согласиться нельзя, поскольку Х., являясь водителем автомобиля, незаконно передал управление им К., поэтому независимо от его последующих действий в процессе движения транспортного средства должен признаваться субъектом преступления по ст. 264 УК РФ.

Впрочем, следует признать, что анализируемая проблема не существовала, если бы законодатель был более точен в описании признаков состава соответствующего дорожно-транспортного преступления. Предпочтительным представляется следующий путь совершенствования законодательства в части устранения поднятой проблемы: напрямую закрепить в уголовном законе запрет на передачу управления транспортным средством другому лицу в нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, как, например, это сделано в ст. 266 УК РФ в части выпуска в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств. Это решение может быть реализовано путем соответствующего дополнения к ст. 264 УК РФ или ст. 266 УК РФ либо при помощи формулирования отдельного состава преступления подобно тому, который существовал в ст. 211³ УК РСФСР.

Не менее важные вопросы возникают при уголовно-правовой оценке субъекта дорожно-транспортного преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, в соответствии с которой преступным признается недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования, а равно выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств лицом, ответственным за техническое состояние транспортных средств, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть человека либо смерть двух или более лиц.

Субъект данного альтернативного состава преступления не получил однозначного законодательного описания. В части выпуска в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств субъект преступления указан прямо – лицо, ответственное за техническое состояние транспортных средств. Очевидно, в этом случае субъект преступления специальный. Субъект недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования в диспозиции ч. 1 ст. 266 УК РФ не назван. Специфичность данного общественно опасного деяния в теории уголовного права и судебной практике породила дискуссию о том, является ли субъект недоброкачественного ремонта общим либо специальным.

«Субъектом недоброкачественного ремонта, – пишет А.И. Коробеев, – является любое физическое вменяемое, достигшее 16-летнего возраста лицо, фактически выполняющее работу по ремонту транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования: слесарь, механик, электрик, наладчик оборудования и т.п.» [5, с. 161].

Иной точки зрения придерживается А.В. Агафонов: «Субъект преступления при недоброкачественном ремонте... и выпуске в эксплуатацию... специальный, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, ответственное за техническое состояние транспортных средств, а также путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования» [13, с. 50]. Последнее обстоятельство не указано в диспозиции ч. 1 ст. 266 УК РФ, но, по мнению А.В. Агафнова, простое логическое толкование настоящей нормы позволяет нам сделать вывод о явной необходимости его введения.

Специальным считает субъекта преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ, И.М. Тяжкова, по мнению которой, «для того, чтобы привлечь к ответственности лицо, которое произвело недоброкачественный ремонт, на него должны быть возложены определенные обязанности,

что возможно лишь при осуществлении им определенных служебных функций. В противном случае понятие субъекта недоброкачественного ремонта чрезмерно расширяется – им может быть любое лицо, “покопавшееся” в моторе автомашины собственника и заявившее, что отремонтировал ее» [14, с. 165].

Аналогичное понимание субъекта недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования сложилось в судебной практике. Как указано в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», «субъектами преступления, предусмотренного статьей 266 УК РФ, могут быть как работники автотранспортных организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющих перевозки пассажиров и грузов автомобильным и городским электрическим транспортом, так и работники других организаций, на которых действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого ими служебного положения возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, а также владельцы-предприниматели либо работники авторемонтных мастерских, имеющие лицензию на осуществление предпринимательской деятельности, которые произвели недоброкачественный ремонт, повлекший по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть» [3, с. 5]. Из данного разъяснения следует, что Пленум Верховного Суда РФ ограничил круг субъектов недоброкачественного ремонта только работниками организаций, на которых действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого ими служебного положения возложена ответственность за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств. Другими словами,

речь идет о тех лицах, которые производят ремонт транспорта или транспортного оборудования на профессиональной основе, занимая соответствующую должность в транспортно-ремонтной или иной организации или оказывая авторемонтные услуги в порядке индивидуальной предпринимательской деятельности. К сожалению, в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в работах авторов, разделяющих его позицию, остался без ответа вопрос о квалификации недоброкачественного ремонта, повлекшего тяжкие последствия, совершенного частным лицом, не являющимся уполномоченным на то работником транспортной или иной организации, станции технического обслуживания, а также лицом, оказывающим услуги по ремонту транспортных средств без лицензии на осуществление этого вида предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, обозначенная позиция судебной практики и соответствующее ей мнение некоторых ученых-юристов достаточно спорны. Нет никаких оснований к ограничительному толкованию субъекта недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования как с законодательной, так и с практической и теоретической точек зрения.

Во-первых, диспозиция ч. 1 ст. 266 УК РФ, как уже отмечалось, не предусматривает каких-либо дополнительных признаков субъекта недоброкачественного ремонта транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования. Поэтому буквальное толкование данной уголовно-правовой нормы дает основание считать, что субъект недоброкачественного ремонта является общим (физическим вменяемым лицом, достигшим 16-летнего возраста).

Во-вторых, ограничение круга субъектов недоброкачественного ремонта по ст. 266 УК РФ неизбежно приводит к неоправданной дифференциации уголовной ответственности фактически виновных в совершении одного и того же общественно опасного посягательства уполномоченных

работников организаций, осуществивших недоброкачественный ремонт транспортных средств, с одной стороны, и лиц, не являющихся таковыми, – с другой.

Получается, что недоброкачественный ремонт, повлекший тяжкие последствия, совершенный частным лицом, которое не является уполномоченным на то работником транспортной или иной организации, не может квалифицироваться по ст. 266 УК РФ, а должен влечь уголовно-правовую оценку по более суровой ст. 267 УК РФ как приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние транспортного средства, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования. Санкции за совершение данного преступления средней тяжести, особенно за квалифицированные его составы, предусматривают значительно более строгое наказание по сравнению с санкциями ст. 266 УК РФ и сравнимы с санкциями за тяжкие преступления. При этом основание уголовной ответственности наличествует не только в случае, если в результате недоброкачественного ремонта наступили по неосторожности последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти человека, но и в случае причинения крупного ущерба, с учетом еще и того, что уголовная ответственность по ст. 267 УК РФ за совершение данного посягательства возможна с 14-летнего возраста. Что касается ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» и ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», то их применение в анализируемой ситуации исключается благодаря тому, что соответствующее деяние предусмотрено специальной уголовно-правовой нормой (ст. 267 УК РФ). В итоге работники транспортных организаций и другие лица, осуществляющие ремонт транспорта в силу занимаемого служебного положения, которые по должности обязаны соблюдать регламенты и нормативы ремонта, оказываются в привилегированном положении при привлечении их к уголовной ответственности за недоброкачественный ремонт транспорта, тогда как обычные граждане за совершение аналогичного транспортного

преступления будут нести самую строгую уголовную ответственность, что, конечно же, трудно признать обоснованным.

Такая же ситуация наблюдается при уголовно-правовой оценке недоброкачественного ремонта, совершенного лицом, оказывающим услуги по ремонту транспортных средств без лицензии на осуществление этого вида предпринимательской деятельности. Однако здесь вопрос о квалификации осложняется преодолением коллизии между ст. 267 УК РФ и квалифицированными составами ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» параллельно с тем то, что нелицензированный ремонт транспорта при прочих условиях может расцениваться как незаконное предпринимательство по ст. 171 УК РФ.

В-третьих, недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования означает выполнение работ по исправлению повреждений, устранению дефектов, замене элементов транспортных объектов с отступлением от установленных соответствующими правилами стандартов и нормативов, обеспечивающих послеремонтное безопасное функционирование транспорта. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, «под недоброкачественным ремонтом транспортного средства следует понимать неустранение всех неисправностей в соответствии с технологическими правилами и нормативами либо установку недоброкачественных или нестандартных запасных частей (например, узлов и деталей, обеспечивающих безопасную эксплуатацию транспортного средства). В связи с этим необходимо выяснять, нарушение каких конкретно правил и нормативов повлекло наступление последствий, указанных в ст. 266 УК РФ. Для установления таких нарушений и фактов использования при ремонте недоброкачественных деталей и узлов надлежит при наличии к тому оснований назначать автотехническую экспертизу» [3, с. 5].

Технические регламенты, стандарты, нормативы и иные правила ремонта транспортных средств и транспортного оборудования, будучи, по сути, техническими нормами, не содержат ограничения действия по кругу лиц и должны приниматься к руководству любым лицом, осуществляющим ремонт того или иного вида транспорта или оборудования.

Наличие в руководствах по эксплуатации транспортных средств рекомендаций о производстве определенных видов ремонтных работ, замене технически сложных узлов и деталей работниками авторизованных станций технического обслуживания или других специализированных сервисных организаций не устранивает обязанности любого другого лица соблюдать технические нормативы ремонтных работ, если оно приступило к их выполнению.

Равная обязанность соблюдать технические нормы ремонта транспортных средств и транспортного оборудования любым лицом, фактически производящим такой ремонт, предполагает и равную ответственность за недоброкачественный ремонт.

Таким образом, *любое лицо, осуществившее недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, должно подлежать уголовной ответственности по ст. 266 УК РФ, поскольку субъект этого преступления является общим.*

Если недоброкачественный ремонт механического транспортного средства произвело лицо, которое затем управляло данным транспортным средством, что привело к дорожно-транспортному преступлению, содеянное, по нашему мнению, следует квалифицировать по ст. 264 УК РФ.

Прямой причиной наступления общественно опасных последствий в этом случае является эксплуатация технически неисправного транспортного средства в нарушение правил его эксплуатации.

1. Никонов В.А. Научные основы квалификации преступлений (спекурс): учеб. пособие. Тюмень, 1996. 72 с.

2. Правила дорожного движения Российской Федерации: утв. пост. Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090: ред. от 10 мая 2010 г. № 316 // российские вести. 1993. 23 нояб. № 227; Российская газета. 2010. 20 мая.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 9 дек. 2008 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

4. Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения: утв. пост. Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

5. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003. 406 с.

6. Рогатых Л.Ф., Малинин В.Б. Квалификация нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ): учеб. пособие. СПб., 2004. 60 с.

7. Жулев В.И. Транспортные преступления. М., 2001. 190 с.

8. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. СПб., 2010. 1624 с.

9. Пикуров Н.И. Квалификация дорожно-транспортных преступлений: учеб. пособие. Волгоград, 2001. 56 с.

10. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. пособие и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения. Ч. 2. Тюмень, 2005. 540 с.

11. О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях: пост. Пленума Верховного Суда СССР от 6 окт. 1970 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР

(Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 52-58.

12. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном (ст.ст. 211, 211², 212¹ УК РСФСР): пост. Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 окт. 1969 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и

РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 401-408.

13. Агафонов А.В. Ответственность за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: учеб. пособие. Красноярск, 2004. 83 с.

14. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. 278 с.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ КРАЖ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

И.Р. Акутаева

(помощник судьи Конституционного суда Республики Дагестан,
г. Махачкала; Iza.akutaeva@mail.ru)

В данной статье рассматривается проблема профилактики краж чужого имущества, выделяются основные разновидности профилактики краж. Глубокому анализу подверглись специально-криминологические меры профилактики краж чужого имущества, среди которых можно выделить такие, как обеспечение принципа неотвратимости уголовной ответственности виновного лица за совершенное преступление, своевременное раскрытие преступлений, повышение бдительности самих граждан и т.д.

Ключевые слова: кража, профилактика краж, специально-криминологические меры профилактики, борьба с кражами, раскрываемость краж.

Рассматривая вопрос о профилактике краж чужого имущества, прежде всего следует определиться в том, что мы понимаем под профилактической деятельностью. В современной отечественной криминологической литературе можно встретить множество определений этой деятельности. При этом большинство криминологов профилактическую деятельность рассматривают как одно из средств социального регулирования общественных отношений в целях устранения причин преступности, как взаимодействие мер экономико-социального, воспитательно-педагогического, организационного и правового характера, как сочетание различных уровней профилактики преступлений [1, с. 105-106; 2, с. 11-12].

Профилактическую деятельность принято понимать в широком и узком смысле. В широком смысле – это деятельность по недопущению конкретных преступлений, а в узком – по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, выявлению лиц, предрасположенных к их совершению, по проведению с ними необходимых профилактических мероприятий. Их совокупность как раз и образует единое понятие «профилактика преступлений».

В зависимости от иерархии причин и условий преступности выделяют три основных уровня ее профилактики: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный [3, с. 185].

Общесоциальная профилактика преступлений, включающая комплекс социально-экономических, политических, правовых, идеологических, организационных мероприятий, направленных на развитие экономики, стабилизацию политической ситуации в стране, повышение материального уровня жизни населения, культуры и сознательности граждан, разумеется, непосредственно не направлена на предупреждение краж чужого имущества, так же, как и на предупреждение каких-то иных конкретных видов преступлений. Вместе с тем, объективно противодействуя и нейтрализуя общие причины и условия преступности, применение общесоциальных мер профилактики преступности создает благоприятную обстановку для профилактики краж на специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

Специально-криминологический уровень (криминологическая профилактика) состоит в целенаправленном воздействии на криминогенные факторы, связанные с отдельными видами и группами преступного поведения. Устранение или нейтрализация таких комплексов специфических причин и условий преступного поведения осуществляется в процессе деятельности соответствующих субъектов, для которых профилактическая функция является выполнением их профессиональных задач.

Индивидуальный уровень (индивидуальная профилактика) включает в себя деятельность в отношении конкретных лиц,

поведение которых вступает в конфликт с правовыми нормами [4, с. 154-155; 5].

Системное сочетание вышеуказанных общесоциальных, специально-криминологических и индивидуальных мер профилактики преступлений как раз и может способствовать успешной борьбе с такими распространенными преступлениями, как кражи чужого имущества.

Специально-криминологическая профилактика краж чужого имущества представляет собой комплекс организационно-управленческих, следственных и оперативно-розыскных мер, направленных на установление (выявление), устранение или нейтрализацию факторов, способствующих их совершению, а также на оказание предупредительно-профилактического воздействия на лиц, склонных к их совершению.

Важнейшим направлением специальной профилактики краж чужого имущества, профилактики самодетерминации (самовоспроизводства) этих преступлений являются меры, направленные на обеспечение принципа неотвратимости уголовной ответственности виновного лица за совершенное преступление, полноты их выявления (установления) и раскрытия. Не случайно одна из криминологических аксиом гласит, что безнаказанность преступников выступает наиболее благоприятным условием для самовоспроизводства и приумножения преступности. В подтверждение вышесказанного приведем слова одного из представителей классической школы уголовного права Чезаре Беккариа, который в своем научном трактате «О преступлениях и наказаниях» писал, что наиболее действенным средством сдерживания совершения преступлений является не жестокость наказаний, а их неизбежность. «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания, – отмечал он, – производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» [6, с. 308-309].

Криминологическая важность своевременного выявления преступления и полного, всестороннего его раскрытия подчеркивается и современными криминологами. Например, профессор З.А. Астемиров счи-

тает, что «...если конкретное преступление не получает предусмотренной законом реакции, а виновное лицо не привлекается к ответственности, остается безнаказанным, то предупредительный потенциал уголовного закона и сила специально-профилактических мер ослабевает» [7, с. 83].

Однако следует констатировать, что положение дел в борьбе со скрытыми (естественно-латентными) и с сокрытыми (искусственно-латентными) преступлениями оставляет желать лучшего. Так, только в 2009 г. 63,4 % совершенных краж остались нераскрытыми, что в целом по Российской Федерации составляет свыше семисот пятидесяти тысяч краж [8]. Следовательно, значительное количество лиц, виновных в совершении краж чужого имущества, остались безнаказанными, уклонились от правосудия, что является весомым стимулом к совершению новых преступлений подобного и иного рода и формирует в обществе атмосферу, которая позволяет преступникам держать в страхе граждан – потенциальных жертв преступлений.

Раскрываемость квартирных краж составляет 20-30 %. В основном это те преступления, которые удается раскрыть «по горячим следам». «Не пойман – не вор» – эта поговорка особенно верна для воров, специализирующихся на квартирных кражах. Если не схватить преступника «по горячим следам», то доказать его вину весьма сложно. Вообще, как утверждают специалисты, квартирная кража – это тот вид преступлений, которые зачастую раскрываются не от преступления к преступнику, а от преступника к преступлению. Если квартирного вора задерживают на месте преступления, то зачастую уже в ходе следствия он сознается еще в ряде совершенных им краж, по которым ранее предварительное следствие было приостановлено за неустановлением лиц, их совершивших. Но, к сожалению, раскрыв преступление, правоохранительные органы уже ничем не могут помочь пострадавшим: их вещи, как правило, давно проданы преступниками, а деньги потрачены [9]. Каналы сбыта краденого работают очень четко: уже через несколько часов вещи поступают к скупщикам краденого.

Редкий вор оставляет себе награбленное: ведь это прямая улика против него.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что своевременное раскрытие преступлений, связанных с хищением чужого имущества, является весьма эффективным средством, сдерживающим совершение новых преступлений подобного рода и тем самым существенно снижающим потенциал их воспроизводства, включая и самодетерминацию краж чужого имущества. К тому же это способно заметно повысить у населения чувство удовлетворенности деятельностью правоохранительных органов.

Изучение материалов уголовных дел, аналитических справок, решений координационных совещаний правоохранительных органов Республики Дагестан, посвященных проблемам борьбы с хищениями, в частности с кражами чужого имущества, позволило выявить ряд типичных ошибок и упущений, допускаемых в ходе проведения дознания и предварительного расследования по этой категории дел, устранение которых, полагаем, позволило бы улучшить положение дел с их раскрываемостью, что, несомненно, должно положительно сказаться и на их профилактике.

К числу характерных недостатков, присущих расследованию краж чужого имущества, надо отнести просчеты в организации работы по своевременному обнаружению (установлению) этих преступлений, от чего зависит своевременность проведения их дознания и расследования, что самым непосредственным образом сказывается на результативности последующих оперативных и следственных действий. В некоторых случаях причины этих просчетов могут носить виктимогенный характер. Например, жертва кражи, не желая «выносить сор из избы» и считая, что вред, причиненный кражей, для нее незначителен, не заявляет об этом в правоохранительные органы.

Как известно, кража чужого имущества совершается тайно, в условиях неочевидности. Как правило, принимаются соответствующие меры конспирации, в том числе и для того, чтобы скрытно покинуть место совершения преступления. Все это значительно повышает ответственность оперативно-

розыскных и криминалистических подразделений правоохранительных органов за объективность, полноту и всесторонность раскрытия рассматриваемых преступлений. Проведенный анализ практики борьбы с кражами, совершаемыми организованными преступными формированиями, свидетельствует, что раскрыть эти преступления возможно только при умелом и тесном взаимодействии, приложении совместных усилий следственных, оперативно-розыскных и криминалистических подразделений правоохранительных органов.

Исследование также показало, что по ряду уголовных дел при явном дефиците доказательств виновности обвиняемых лиц практически не используются широкие возможности оперативно-розыскных служб для поиска источников новых доказательств. Так, по делам о групповых кражах работники оперативных служб нередко ограничиваются установлением личности одного из соучастников, как правило, непосредственного исполнителя кражи, не утруждая себя поиском его сообщников. При этом не предпринимаются соответствующие меры к установлению организаторов и других участников преступных групп. Аналогично обстоит дело и в тех случаях, когда несовершеннолетнее лицо – исполнитель кражи действует по указанию взрослого лица. Зачастую в подобных ситуациях не достает профессионализма как доказать наличие соучастия в их действиях, так и квалифицировать действия взрослого лица и привлечь его к ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность [10, с. 58-59].

На наш взгляд, существенной помощью в деле раскрытия краж могло бы явиться широкое внедрение в деятельность соответствующих подразделений правоохранительных органов общедокументальных баз данных (АБД), содержащих разного рода оперативно и криминалогически значимую информацию, например, о ранее судимых за кражи лицах, о совершении краж однотипным способом и т.д.

При ведении дел оперативного учета, в частности, заведенных по делам о кражах, необходимо добиваться максимального ис-

пользования «информационных возможностей не только сотрудников негласного аппарата уголовного розыска, но и оперативно-поисковых, оперативно-технических и иных подразделений органов внутренних дел» [11, с. 166]. Эффективность предлагаемой меры может быть подтверждена деятельностью Федерального бюро исследований США, где более 85 % наиболее опасных преступлений раскрывается как с помощью негласных агентов-информаторов, так и иных оперативных средств [12, с. 94]. Несомненно, без применения этих мер, с использованием лишь следственных приемов и способов деятельности или даже путем увеличения штатной численности сотрудников правоохранительных органов раскрыть сложные, совершенные в условиях неочевидности преступления крайне сложно, если вообще возможно.

Еще одним серьезным фактором в борьбе с кражами чужого имущества является поведение самих людей, отсутствие у них элементарной бдительности. Здесь уместно будет привести фразу Я. Палкевича, с которой он начинает свою книгу «Выживание в городе»: «Первое предупреждение для граждан – самого общего плана: не будьте сообщником того, кто вас грабит. Если правда, что обстоятельства делают человека вором, постарайтесь, по крайней мере, не давать ему такой возможности» [9]. Аналогичного мнения придерживаются и сотрудники полиции, которые считают, что значительное число краж и в большей степени краж из жилых помещений вызвано беспечностью самих пострадавших. Между тем, чтобы обезопасить себя и не стать потерпевшим, необходимо руководствоваться довольно нехитрыми правилами. В частности, необходимо: стараться не привлекать к себе излишнего внимания; следить в людных местах за своими сумками; не оставлять без внимания сотовые телефоны, ноутбуки; не оставлять без присмотра коляски, велосипеды и др. вещи; не доверять ключи от чего бы то ни было посторонним лицам; не делиться информацией с посторонними лицами о наличии у Вас каких-либо денежных сумм или дорогостоящих предметов дома или при себе;

устанавливать камеры видеонаблюдения; если есть возможность, завести собаку в доме; установить решетки на окнах и прочные замки на дверях и т.д.

Повышение интенсивности и результативности специально-криминологической профилактики краж чужого имущества предполагает и умелое использование финансовых средств, выделяемых на борьбу с преступностью. Однако и по этому показателю, как свидетельствуют результаты проведенных проверок, в Российской Федерации не все в порядке. Бюджетные средства в разных субъектах осваиваются правоохранительными органами с разной степенью эффективности. В Республике Дагестан этот показатель один из самых наихудших. Так, согласно данным, которые были приведены Д. Козаком на совещании глав субъектов ЮФО с участием руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, проведенном в Ростове-на-Дону в конце августа 2006 г., «...если в Ростовской области затраты бюджетных средств на раскрытие одного преступления составляют в среднем 46 тысяч рублей, то в Дагестане – 835 тысяч(!)» [13].

Анализ материалов прессы и доверительные беседы с сотрудниками правоохранительных органов говорят о том, что на сегодня одним из эффективных средств защиты от квартирных воров является заключение договора на охрану квартиры с управлением вневедомственной охраны и подключение квартиры к централизованному пульту управления при отделах вневедомственной охраны органов внутренних дел. Этот способ охраны имущества можно с полным основанием отнести к одному из самых надежных видов технической защиты жилья. В настоящее время существует множество различных модификаций «электронных сторожей». По мнению специалистов, любая из них более надежна, чем самая толстая стальная дверь или дорогостоящий замок. По всей России под охраной сейчас находятся около полумиллиона квартир. Нередко хозяев спасает даже подделка под сигнализацию – неожиданно загоревшаяся красная лампочка возле дверей спугивала воров.

Распространение получил и такой вид услуг, как оборудование квартир средствами экстренного вызова милиции – кнопкой тревожной сигнализации. Когда возникает необходимость получения помощи, достаточно нажать такую кнопку, чтобы через считанные минуты к дверям квартиры прибыл наряд милиции. Однако такие способы технической защиты квартир доступны не всем гражданам, т.к. являются дорогостоящими. Более доступными профилактическими средствами технической защиты жилья являются установка на входных дверях замков с повышенной секретностью (желательно, двух), установка (укрепление) металлических дверей, решеток на окна и балконы. Однако использование указанных и других технических средств не гарантирует абсолютную невозможность совершения кражи из данной квартиры или иного помещения, но существенно снижает риск преступного посягательства.

Специально-криминологическая профилактика краж чужого имущества не ограничивается необходимостью эффективной деятельности службы вневедомственной охраны. Важно обеспечить действенность и результативность деятельности всех служб и подразделений правоохранительных органов, особенно органов внутренних дел, которые в той или иной мере связаны с предупреждением или пресечением краж, розыском воров и их задержанием. В связи с этим большая ответственность ложится на плечи сотрудников уголовного розыска, участковых инспекторов, патрульно-постовой службы, экспертов-криминалистов, дознавателей и следователей.

Таким образом, можно сделать вывод, что для повышения эффективности специально-криминологической профилактики краж чужого имущества, как, впрочем, и других видов преступлений, на наш взгляд, еще недостаточно задействован и используется весь имеющийся потенциал сотрудничества и координации совместных усилий правоохранительных органов, их служб и подразделений по борьбе с преступностью. При осознании необходимости подобного сотрудничества и достижении взаимопонимания между правоохранительными ор-

ганами, их подразделениями и службами в перспективе, полагаем, ситуация изменится к лучшему. Прежде всего это позволит добиться значительных позитивных результатов в обеспечении профилактики краж чужого имущества. При этом следует помнить, что уповать на борьбу с посягательствами на собственность только карательными, полицейско-репрессивными мерами было бы ошибочно и неэффективно. Это задача всех органов власти и органов местного самоуправления. Существенная роль в решении задач по профилактике краж чужого имущества должна принадлежать общественным объединениям, политическим партиям и движениям, религиозным конфессиям и другим негосударственным организациям. При этом разрешение проблемы посягательств против собственности, в первую очередь краж, должно стать одним из важных приоритетов современной социальной политики государства.

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1995.

2. Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977.

3. Криминология: учебник для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб.: С.-Петербург. академия МВД России, 1998.

4. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова [и др.]. СПб., 1995.

5. Бурлаков В.Н., Орехов В.В. Индивидуальное предупреждение преступлений: вопросы теории и практики. Л., 1988.

6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 308-309.

7. Астемиров З.А. Особенности предупредительно-профилактической работы правоохранительных органов в борьбе с преступностью // Проблемы совершенствования профилактики правонарушений. Махачкала, 1983.

8. URL: http://mvd.ru/userfiles/file/statistics/stat_12_2009.pdf.

9. Смирнова Т. Мой дом – моя крепость? [Электронный ресурс]. URL: <http://content.mail.ru/arch/21414/1178389.html>.

10. Акутаев Р.М. Проблемы латентной преступности: учеб. пособие. Махачкала, 2002.
11. Зайналов М.Ш. Криминологические проблемы борьбы с квартирными кражами: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003.
12. Сурков К.В. Принципы полицейской разведки: учеб. пособие. СПб., 1995.
13. Салахбеков Р. Глава Дагестана раскритиковал силовиков // Новое дело. 2006. 1 сент.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРЕСТУПНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р.В. Черкасов

(старший научный сотрудник филиала по Западной Сибири ВНИИ МВД России, г. Омск; cherkasov_roman@list.ru)

В данной статье на основе анализа работ по проблемам раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики автор выделяет закономерности преступной экономической деятельности. Проявление перечисленных закономерностей показано на пяти уровнях преступной экономической деятельности, осуществляемой преступными группами, объединенными по родственному или дружескому принципу; лицами, совершающими преступления экономической направленности в ходе своей официальной экономической деятельности; лицами или преступными группами, профессионально осуществляющими преступную экономическую деятельность; общеуголовными организованными преступными формированиями, создающими хозяйствующие субъекты для легализации преступных доходов; организованной экономической преступностью, действующей на уровне сращивания государственных органов и криминальных структур.

Ключевые слова: преступная экономическая деятельность, экономические преступления, хозяйственные операции, нормативная детерминированность, купля-продажа криминального продукта, криминальный доход, многофазовая деятельность.

Борьба с экономической преступностью на протяжении многих лет выступает приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел. По данным ГИАЦ МВД России, ежегодно выявляется около полумиллиона преступлений, совершаемых в экономической сфере. К сожалению, из них направляется в суд менее 50 % уголовных дел [1]. Процент раскрываемости и привлечения к ответственности реальных участников большинства экономических преступлений остается по-прежнему на невысоком уровне.

Такая ситуация обуславливает необходимость познания закономерностей совершения обозначенной категории посягательств в рамках проводящихся криминалистических научных исследований, направленных на удовлетворение потребности правоохранительных органов по их эффективному раскрытию и расследованию.

Предложенное Р.С. Белкиным понятие криминалистики как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и

основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [2, с. 48] стало, можно сказать, классическим и принимается большинством ученых-криминалистов. Исходя из предложенного определения, разработка специальных средств и методов по раскрытию и расследованию экономических преступлений должна основываться на познании двух групп закономерностей: механизма преступления и возникновения информации о нем и деятельности по расследованию преступления (собирания, исследования, оценки и использования доказательств).

В части первой группы закономерностей следует конкретизировать нашу позицию с учетом мнения А.Ф. Лубина [3, с. 13-15], В.П. Бахина [4, с. 16-17], Н.П. Яблокова [5, с. 36-37] и других ученых, ведущих речь о закономерностях не единичного преступления, а преступной деятельности, так как с криминалистических позиций науку и практику расследования интересует не преступление как таковое, а все то, что характеризует его совершение и благода-

ря знанию об этом способствует конкретной работе по раскрытию и расследованию преступлений.

В связи с этим в рамках данной статьи поставим задачу выделения закономерностей преступной экономической деятельности, на познании которых можно основывать разработку криминалистических средств и методов расследования экономических преступлений. В решении этой задачи пойдем по схеме от общего к частному и, исходя из содержания понятий деятельности, ее экономической и преступной составляющих, выделим соответствующие закономерности, как некие определенные, устойчивые, повторяющиеся, существенные связи и отношения между явлениями [6, с. 210].

Любая деятельность, с точки зрения В.В. Ключкова и В.А. Образцова, характеризует взаимодействие индивида с окружающей средой, единство его внутренней (психической) и внешней (физической) активности, направленной на предмет удовлетворения его потребностей [7, с. 47, 48].

По мнению А.Н. Леонтьева и Д.Ю. Попова, под деятельностью понимается совокупность процессов, объединенных одной общей направленностью на достижение определенного результата, являющегося вместе с тем объективным побудителем этой деятельности, той конкретно определенной потребностью, которая удовлетворяется в результате деятельности. Достижение жизненно значимого результата предполагает совершение ряда действий, которые образуют содержание данной деятельности [8, с. 415-422]. Деятельность может осуществляться различными действиями, а способ осуществления этих действий зависит от условий и средств достижения цели. Отсюда преступную деятельность отдельные ученые определяют как совокупность взаимосвязанных последовательных действий виновного, сопряженных с использованием орудий и средств, направленных на достижение преступного результата [9, с. 38].

Толкование экономики как определенной сферы жизни исходит из того, что это есть совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени

развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе; организация, структура и состояние хозяйственной жизни или какой-нибудь отрасли хозяйственной деятельности [6, с. 903].

В специальной литературе экономика определяется и как созданная и используемая человеком система жизнеобеспечения, воспроизведения жизни людей, поддержания и улучшения условий существования [10, с. 7], и как система общественного производства, осуществляющая собственное производство, распределение, обмен и потребление необходимых обществу благ, включая продукты и услуги [11, с. 11].

Если взять за основу общую схему субъект-объектной деятельности и сопоставить ее с понятиями экономики, то экономическая деятельность будет включать в себя следующие составляющие:

- субъект – им будут выступать субъекты экономических отношений, представленные отдельными гражданами, организациями и государством в лице органов власти и управления;
- объект – различные блага в форме материальных ценностей, работ и услуг;
- цель деятельности – жизнеобеспечение выделенных субъектов;
- мотив – удовлетворение потребности в указанных благах;
- результат деятельности – получение указанных благ (дохода, выполнения конкретных работ, услуг);
- действия, в которых выражается данная деятельность, – производство, обмен, распределение, потребление и пр.;
- средства, применяемые при реализации указанных действий, – орудия производства, знания, умения, навыки, деньги;
- условия реализации – нормативно установленный государством порядок экономической деятельности.

Если сопоставить между собой два рассматриваемых вида деятельности (преступную и экономическую) в виде кругов Эйлера, то в месте их наложения друг на друга получим часть пересекающихся видов деятельности, именуемую преступной экономической деятельностью. Признаки пре-

ступной экономической деятельности будут объединять в себе те свойства признаков преступной и экономической деятельности, которые могут дополнять друг друга, не вступая в противоречие, взаимно сосуществуя. Субъектом такой деятельности будет выступать конкретное физическое лицо или группа лиц, занимающаяся преступной экономической деятельностью (различного уровня преступные группы). Объектом воздействия также будут являться различные блага (товары, услуги, работы, ценности). Цель и результат будут гипертрофированы по сравнению с экономической деятельностью, т.е. жизнеобеспечение субъекта будет исходить из эгоистичной мотивации на получение сверхприбыли. При этом действия будут практически те же, что и при легальной экономической деятельности, однако реализовываться они будут вразрез с установленными государством нормативными предписаниями и нередко с использованием запрещенных законом средств. Так, применительно к преступлениям в сфере профессиональной деятельности, которые совершаются путем нарушения нормативных правил, регулирующих эту деятельность, В.Е. Корноухов обратил внимание на характерную непосредственную связь со сферой деятельности, поскольку преступная деятельность испытывает необходимость в существовании общественно полезной деятельности, детерминируется и опосредуется ею [12, с. 43-44].

Относя к числу преступлений в сфере профессиональной деятельности хозяйственные преступления, В.А. Образцов называл их характерными особенностями связь со сферой деятельности (в нашем случае хозяйственной или экономической. – *Р. Ч.*), совершение преступных действий участниками этой деятельности в процессе реализации своих профессиональных функций, нарушение правил нормативного характера (законов, должностных инструкций, указаний, приказов и т.д.), регламентирующих эту деятельность [13, с. 91-94]. Однако применительно к современной экономической деятельности вторая выделенная данным автором особенность несколько устарела, так как определялась еще в

советский период существования нашего государства, в котором в системе плановой экономики могли участвовать только строго определенные профессиональные субъекты. В настоящее время экономические преступления часто совершаются лицами, юридически не относящимися к субъектам экономической деятельности. В связи с этим особую значимость приобретает именно последний признак нарушения нормативного порядка.

Такое противоречие нормативному порядку легальной экономической деятельности создает формальные рамки для отнесения конкретных действий к разряду экономических преступлений, общие абстрактные признаки которых сформулированы в уголовном законе. Это дает ученым основание для конструирования определений экономических преступлений.

Н.А. Лопашенко такими преступлениями признает «предусмотренные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния, совершаемые при любой форме собственности, посягающие на общественные отношения по реализации принципов осуществления экономической деятельности» [14, с. 15].

По мнению Б.В. Яцеленко, к экономическим преступлениям относятся предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, складывающиеся по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг [15, с. 142-143]. Схожие точки зрения на понятие экономических преступлений имеют Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов [16, с. 16] и другие авторы [17, с. 73; 18, с. 33].

В то же время в число экономических преступлений ряд авторов включают не только деяния, предусмотренные нормами раздела 8 УК РФ, но и преступления, предусмотренные нормами из других разделов УК РФ [19, с. 26; 20, с. 22; 17, с. 73]. Например, при выявлении признаков незаконной предпринимательской деятельности владельцев или сотрудников автозаправочной станции дополнительно могут быть определены признаки посягательств, предусмотренных статьями, устанавливающими от-

ветственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), нарушение правил охраны труда (ст. 143 УК РФ), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ), нарушение пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ), экологические преступления (гл. 26 УК РФ) и пр. В связи с этим следует согласиться с мнением А.Ю. Чупровой и И.И. Рожкова, определяющих данные посягательства как преступления экономической направленности.

При этом сам раздел 8 УК РФ создает некие противоречия, так как в нем в категорию «преступления в сфере экономики» объединены преступления против собственности, значительная часть которых не имеет отношения к экономике как сфере хозяйствования, преступления в сфере экономической деятельности и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. В связи с этим многие ученые-криминалисты сходятся во мнении, что в основу разработки криминалистических средств и методов раскрытия и расследования преступлений не всегда может быть положен уголовно-правовой критерий классификации преступлений. Должны быть выделены иные критерии объединения преступлений в группу экономической направленности, позволяющие в силу специфики сферы посягательства, схожести объекта воздействия, как определенного рода благ, мотива, цели и результата деятельности разработать общие типичные рекомендации по их раскрытию и расследованию.

Так, по мнению А.Ф. Лубина и Ю.П. Гармаева, «достаточно много теоретических и методологических оснований использовать расширительное толкование термина «экономические преступления», т.е. включать в этот класс все более или менее развитые виды преступной деятельности, основа развития которых – получение прибыли, приобретаемой противоправными способами» [21, с. 67].

В этом отношении заслуживает внимания точка зрения И.И. Рожкова, который

выделил следующие критерии отнесения преступлений к категории экономической направленности:

- нанесение ущерба функционирующей экономической структуре;
- выполнение преступных действий под видом законных хозяйственных операций;
- построение преступной деятельности на дезинформировании (лжи) и метадезинформировании (обмане) [20, с. 77].

Как верно подмечено Я.М. Мазуниным, «преступность и преступная деятельность никогда не были простой совокупностью совершенных преступлений, а выступали закономерными социальными явлениями» [22, с. 25]. Выявление закономерностей преступной экономической деятельности вполне может быть основано на приведенной позиции И.И. Рожкова, правда, с некоторыми коррективами. Выделенные им признаки преступлений экономической направленности в то же время представляют собой устойчивые связи, имеющие характер закономерностей, однако не все из них относятся только к экономической деятельности.

Так, первый признак – нанесение ущерба экономической структуре – может быть присущ как экономическим, так и экологическим, террористическим, отдельным общеуголовным преступлениям. При этом ущерб выступает не целью преступной экономической деятельности, а, в соответствии с законом сохранения материи, необходимым условием. Даже если подвергнуть анализу те преступления, в которых материальные последствия предполагают не причинение ущерба, а наоборот – получение дохода (например, ст. 171 УК РФ), то, в соответствии с упомянутым общеправовым законом, полученный доход из ниоткуда не возьмется, а будет обеспечен за счет денежных средств, которые могли бы попасть в легальный сектор экономики в форме официальной прибыли, налогов, сборов и пр.

В то же время, как видим, данный обязательный признак произведен от другого явления, которое, в свою очередь, может выступать закономерностью преступной

экономической деятельности. А именно последняя детерминируется легальной экономической деятельностью. Приведенное выше обозначение преступной и экономической деятельности в виде кругов Эйлера не только предполагает взаимоналожение двух видов деятельности, но и взаимовлияние. Так, изменение экономических процессов, условий функционирования определенных видов рынка, появление или прекращение отдельных экономических институтов обуславливает подстраивание преступной деятельности под объективную ситуацию и использование нововведений для незаконного получения сверхприбылей. В то же время преступная экспансия в экономику заставляет последнюю разрабатывать средства защиты от посягательств и изменять определенные экономические правила и условия. Такие изменения провоцируют дальнейшее совершенствование способов совершения экономических преступлений. Данная закономерная связь определяет сходство в основных принципиальных чертах (механизма совершения, следообразования, источников криминалистически значимой информации и т.п.) преступлений экономической направленности. О данной закономерности говорят в своих работах многие ученые [19, с. 75-76].

Специфической особенностью экономической деятельности является ее нормативная определенность. Складывающиеся в данной сфере отношения регулируются системой норм, предусмотренных как в различного уровня нормативных правовых актах, так и в обычаях делового оборота. Отсюда Л.В. Бертовский выделяет такую закономерность, как нормативная детерминированность. Как уже говорилось выше, все преступления экономической направленности «представляют собой те или иные проявления преступного нарушения нормативно-правовых правил при осуществлении экономической деятельности» [19, с. 26]. В связи с этим указанный ученый выделяет две группы преступлений: связанные с разрешенной и запрещенной экономической деятельностью. Квалификация таких преступных проявлений в экономической сфере требует обязательного изучения от-

раслевого законодательства и выделения в нем нарушенных норм.

Существующая правовая система нашего государства предполагает формирование абстрактных положений, в рамки которых укладываются определенные жизненные ситуации. Соответственно преступная экономическая деятельность должна маскироваться под легальную экономическую деятельность, т.е. в соответствии с существующим нормативным порядком придавать преступным действиям вид законных хозяйственных операций. Это положение можно назвать третьей закономерностью, которую одним из первых выделил в своей диссертации К.Н. Ивенин [23].

Хозяйственные операции прямо или опосредованно направлены на извлечение определенных благ, именуемых в экономической сфере доходом. Получение дохода является результатом различного рода сделок (купли-продажи, мены, дарения, наследования и пр.). Исследование криминалистической характеристики преступной экономической деятельности, проведенное О.А. Агеевым и Р.Г. Аксеновым, позволило им через описание функций участников организованных преступных формирований прийти к выводу о том, что «одной из основных закономерностей общей схемы преступной экономической деятельности будет являться наличие оборота товаров и услуг, предполагающего в обязательном порядке сделку по купле-продаже криминального продукта». «Этот элемент, – считают авторы, – находится в центре всей схемы преступной деятельности и именно на его функционирование направлены действия всех участников преступной деятельности: организатора, посредника, лиц, участвующих в подготовке преступной деятельности, непосредственных исполнителей и лиц, обеспечивающих функцию прикрытия» [24, с. 42].

Следует согласиться с данной точкой зрения, поскольку если преступная группа осуществляет незаконное производство криминального продукта, то он производится не для собственного потребления, а для его реализации; контрабанда товаров имеет смысл для преступной группы не в

простом их перемещении через таможенную границу, а в их последующей продаже без учета в официальном экономическом обороте государства; уклонение от уплаты налогов происходит в результате сокрытия доходов от продажи товаров, работ, услуг и т.п. Таким образом, наличие оборота товаров и услуг, предполагающего в обязательном порядке сделку по купле-продаже криминального продукта, является четвертой закономерностью преступной экономической деятельности.

Специфическая особенность экономической деятельности заключается в ее систематическом характере, повторяемости экономически целесообразных действий, направленных на получение различного рода благ. Учитывая непосредственную связь экономической деятельности и преступной экономической деятельности, в последней также присутствует многократность повторения сделок, приносящих криминальный доход. «Сама природа преступлений в сфере экономики, – считает И.И. Рожков, – требует многократного повторения циклов, с тем чтобы максимально нарастить финансовые и материальные ценности, нажитые преступным путем, действуя по определенной схеме» [20, с. 74].

Однако И.И. Рожков не выделяет эту особенность как свойственную преступной экономической деятельности закономерность, упоминает о ней лишь вскользь как об объективном факторе, обуславливающим необходимость маскировки преступлений. В то же время при расследовании подобного рода посягательств необходимо учитывать, что преступная экономическая деятельность содержит в себе ряд образующих эту деятельность преступных сделок. Каждая сделка в этом ряду, как правило, представляет собой оконченное преступление и, тем самым, порождает целую систему источников информации о нем и об отдельных сторонах преступной экономической деятельности. При этом, как и в легальной экономической деятельности, результат преступной сделки используется и для жизнеобеспечения субъекта в форме удовлетворения его потребностей, и для обеспечения последующих сделок в виде затрат

на их организацию и реализацию. Такая системность и продолжительность преступной экономической деятельности позволяет вести речь о полноструктурности способа совершения преступлений экономической направленности, мало того, объединение отдельных преступных и сопутствующих действий в деятельность, как следствие, дает основание утверждать, что последняя также является полноструктурной. Однако в отличие от полноструктурного способа преступления, включающего действия по подготовке, совершению и сокрытию, полноструктурная преступная экономическая деятельность в криминалистической литературе подразделяется на фазы:

– информационно-поисковую, в которой решаются задачи сбора и оценки информации о возможности осуществления преступления, формируется общий замысел;

– создания условий по реализации преступного замысла, содержанием которых выступают действия по подготовке к преступлению;

– реализации преступного замысла по незаконному получению соответствующих благ;

– совершенствования преступной деятельности, предполагающего расширение границ деятельности, совершенствование отдельных преступных действий, усложнение организации и управления и пр. [20, с. 78].

Естественно, фазовая реализация преступной экономической деятельности порождает закономерное образование следовой информации, характерной для каждой фазы.

Для такой полноструктурной многофазовой деятельности характерны не только наличие действий по совершению отдельных преступных актов, но и неотъемлемая реализация различного рода обеспечивающих действий, не имеющих криминального характера [9, с. 41]. Не случайно А.М. Каминский, характеризуя организованную преступную деятельность, выделяет в ней базовый элемент и сложные действия [25, с. 63]. Под «базовым элементом» понимается сложившийся или избран-

ный преступным сообществом из числа доступных, безопасных или материально выгодных в определенный период основной способ достижения организованной преступной группой преступных целей, включающий в себя одно или несколько близких по сути, взаимосвязанных преступных деяний [26, с. 39]. «Сложное действие» предполагает способ достижения структурами организованной преступной деятельности (далее – ОПД) своих стратегических и тактических целей, который интегрирует в себе криминальные и некриминальные действия и операции по решению системы задач ОПД, выполняемые группами индивидов и отдельными индивидами коллективного субъекта ОПД. Подобные действия и операции внешне могут выглядеть весьма разнородными, непохожими друг на друга, различаться способами исполнения, но быть жестко объединенными замыслом по достижению результата. Здесь в полном объеме проявляется распределение ролей, конспирация, когда рядовые исполнители знают ровно столько, сколько им необходимо знать для решения конкретной стоящей перед ними задачи [25, с. 64, 65].

При совершении экономических преступлений происходит множество различных процессов взаимодействия людей, объектов и явлений, вследствие которых образуются источники доказательственной и иной информации, особенно в части управления преступной экономической деятельностью ее организаторами, которые в целях ее успешности реализуют определенную совокупность внешне не криминальных, не имеющих прямой связи с преступлением управленческих действий. Обязательное наличие таких сопутствующих преступной деятельности некриминальных актов, имеющих внешне немаскируемое проявление, выступает седьмой закономерностью.

Определяя родовые признаки преступлений экономической направленности, И.И. Рожков вводит такую специфическую категорию, как «резерв хищения», под которой понимает условия и обстоятельства, позволяющие изымать в свою пользу финансовые и материальные ценности таким образом, чтобы это изъятие не носило яв-

ных форм и оставалось длительное время скрытым. По сути, речь идет о преступном результате, ориентированность на который реализуется в каждой фазе преступной экономической деятельности. Однако приведенный термин, на наш взгляд, является некорректным, поскольку многие экономические преступления не содержат в себе признаков хищения. Но в то же время обязательная ориентированность на получение криминального дохода от преступной экономической деятельности как ее результата позволяет также обозначить это положение как закономерность.

Закономерность маскировки преступной экономической деятельности под законные хозяйственные операции обуславливает необходимость снабжения преступных сделок соответствующими фиктивными по своему содержанию, а нередко и форме документами, а также создавать фиктивную обстановку, обеспечивающую внешнее впечатление законности хозяйственных операций. Эту необходимость, как уже было сказано ранее, И.И. Рожков определяет как родовую характеристику преступлений экономической направленности – построение преступной деятельности на таких схемах информирования, как дезинформирование, метадезинформирование и метапарадезинформирование [20, с. 74].

Основываясь на работах М.К. Каминского [27] и А.А. Мазур [28], И.И. Рожков определяет дезинформирование как ложь, реализуемую посредством утаивания и измышления, а метадезинформирование и метапарадезинформирование как обман, проявляющийся в экономических преступлениях в виде фикции [20, с. 74-76]. На наш взгляд, в целях лапидарности конструирования теоретических посылок достаточно обозначить эти действия как намеренное искажение информации в документах, обстановке и сознании лиц, не посвященных в преступную экономическую деятельность. Обязательное наличие такой информации и ее отражаемость в указанных носителях выступает девятой закономерностью преступной экономической деятельности.

В то же время последняя закономерность обуславливает высокую латентность

преступлений экономической направленности. Содержание рассматриваемой деятельности предполагает преимущественно систему интеллектуальных действий, которые образуют искаженную информацию, воспринимаемую правоохранительными и контролирующими органами как реальную и соответствующую нормативному порядку. Кроме этого, по большинству преступлений рассматриваемой категории нет реальных пострадавших физических лиц, в большинстве случаев ущерб причиняется государству, причем нередко не прямыми действиями, а опосредованно (например, в виде недополученных доходов, сборов, налогов). В тех же случаях, когда от преступлений страдают интересы конкретных физических лиц, последние по различным мотивам (деловая репутация, наличие нарушений в собственной деятельности и др.) не сообщают об этих фактах правоохранительным органам. Еще одной причиной высокой латентности выступает тот фактор, что информацией о преступной экономической деятельности обладает ограниченный круг лиц. Так, по данным исследования О.А. Агеева и Р.Г. Аксенова, полная осведомленность о преступной экономической деятельности имеется только у организатора, доверенных ему лиц, выступающих в качестве посредников между ним и исполнителями отдельных этапов преступной деятельности, и в некоторых случаях лиц, обеспечивающих «прикрытие» преступной деятельности. Большинство участников преступной экономической деятельности либо осведомлены только об ее отдельных фазах или этапах, либо остаются в неведении о преступном характере действий.

Выделенные закономерности будут считаться таковыми, если имеют характер обязательной устойчивой связи для любых видов преступной экономической деятельности. Нельзя сказать, что преступная экономическая деятельность однородна по своему содержанию, структуре, субъектному составу. Для этого структурируем рассматриваемую деятельность по уровням и проверим присутствие выделенных закономерностей на каждом уровне.

Проведенное эмпирическое исследование (изучение архивных и приостановленных уголовных дел, отказных материалов, дел оперативного учета, опрос следователей и оперативных работников) позволяет утверждать, что на самом низшем, первом уровне преступная экономическая деятельность реализуется единолично или в большинстве случаев преступными группами в форме простого соучастия, объединенными, как правило, по принципу родства или дружбы. Такие субъекты совершают разовые преступные сделки без какой-либо организационно-правовой формы деятельности. Их действия, как правило, подпадают под признаки незаконного предпринимательства, мошенничества и других посягательств.

Второй уровень представлен деятельностью лиц, совершающих преступления экономической направленности в процессе своей официальной экономической деятельности. Такие лица могут быть объединены в преступные группы по принципу трудового коллектива, и распределение ролей в них происходит в соответствии с занимаемыми должностями. Для данных групп характерны налоговые преступления, присвоение вверенного имущества, преступления, связанные с процедурой банкротства, уклонением от уплаты таможенных платежей, и пр.

Третий уровень представляют лица или преступные группы, профессионально осуществляющие преступную экономическую деятельность. Такие субъекты официально создают хозяйственные общества или используют подложные документы на различные организационно-правовые формы своей якобы законной деятельности для достижения преступного замысла. Они также ориентируются на повышенный спрос на определенные товары, работы, услуги и стараются сделать свои криминальные предложения, нацеленные в заключаемых сделках на получение сверхприбыли. Нередко такие преступные фирмы осуществляют преступную экономическую деятельность по принципу финансовой пирамиды, работая на приумножение долговых обязательств, совершают коммерческое мошенничество,

оказывают консалтинговые и прочие услуги по фиктивному банкротству, обналичиванию денег, переводу средств в иностранные банки и офшорные зоны, легализации преступных доходов.

Четвертый уровень представлен преступной экономической деятельностью, осуществляемой организованными преступными формированиями из уголовной среды, которые, помимо осуществления общеуголовных преступлений, контроля определенных сфер преступной деятельности (проституция, оборот наркотиков, оружия и пр.), создают хозяйствующие субъекты для совершения экономических преступлений. Чаще всего такими организованными преступными формированиями создаются подпольные производства товаров, работ, услуг, осуществляются коммерческие мошенничества, контрабанда товаров и сырья, легализация доходов от проституции и наркотиков и пр.

Высший, пятый уровень – организованная экономическая преступность, так называемая мафия, действующая на уровне сращивания государственных органов и криминальных структур, которые своей деятельностью уже способны влиять на экономическую политику государства, лоббировать принятие выгодных им нормативных правовых актов. Такими субъектами преступной экономической деятельности совершаются серьезные рейдерские захваты крупных предприятий, организуются их криминальные банкротства, осуществляются незаконные сделки с государственным имуществом, получают крупные взятки или совершаются хищения бюджетных средств в виде «откатов» по приоритетным национальным проектам и пр.

Далее сопоставим выделенные уровни и закономерности преступной экономической деятельности и рассмотрим, в чем они проявляются.

Экономическая деятельность как объект воздействия преступной деятельности будет в целом детерминировать все уровни посредством действия закона спроса и предложения. Наличие в обществе спроса на определенный вид товара, услуги или работы порождает соответствующее пред-

ложение субъекта преступной деятельности. Для первого уровня характерна реализация разовых криминальных предложений на такой же разовый спрос в определенных местах проживания субъектов преступной экономической деятельности (например, незаконная продажа елей на Новый год).

Для второго уровня обусловленность экономической деятельностью особенно характерна в связи с официальным осуществлением хозяйственной деятельности. Согласно разработкам М.И. Умарова, преступная деятельность имеет специфику в зависимости от того, внутри ли экономической структуры или вне ее происходит возникновение, функционирование и развитие преступной деятельности [29]. Для второго уровня как раз характерно зарождение, функционирование и развитие преступной экономической деятельности внутри экономической системы, которая будет определять в целом механизм совершения преступления.

Для третьего уровня профессиональных экономических преступников особенно значимо формирование спроса, на изучении и использовании которого построена их деятельность. Четвертый уровень предполагает зарождение преступной деятельности за рамками экономической системы с последующим проникновением в нее и дальнейшим развитием. Особенности экономической структуры используются ими для легализации своей общеуголовной преступной деятельности. На пятом уровне субъекты преступной экономической деятельности в силу своего значительного влияния, наоборот, уже сами формируют спрос своими предложениями, подкрепленными законами и подзаконными нормативными актами и задаваемыми государством условиями внутренней и внешней экономической политики.

Закономерность нормативной детерминированности для первого уровня не имеет четкого проявления. Такие «стихийные» криминальные предприниматели слабо ориентируются в нормативном порядке экономической деятельности, хотя и предполагают его существование, обращаясь к экономическому опыту знакомых им лиц.

Напротив, на втором уровне субъекты полностью действуют в рамках нормативного порядка, регулирующего их официальную деятельность, используя при этом его пробелы и противоречия. Субъекты третьего уровня специально изучают нормативные правовые акты, регулирующие отдельные отрасли хозяйствования, в целях наилучшей маскировки своей преступной экономической деятельности под законные хозяйственные операции, что также отмечается и на четвертом уровне. Пятый уровень сам формирует нормативный порядок, лоббируя и принимая выгодные для преступной экономической деятельности нормативные правовые акты.

Маскировка преступной деятельности под законные хозяйственные операции на первом уровне имеет упрощенный характер в силу единичности сделок, которые в основном снабжаются минимумом подложных документов и маркировки. На втором уровне маскировка обеспечена реальной уставной деятельностью. Субъекты третьего уровня должны в соответствии с нормативным порядком предпринимать максимум маскировочных действий для увеличения доверия контрагентов, так же, как и на четвертом уровне, на котором маскировочные действия дополнительно должны прикрывать общеуголовные преступления. На пятом уровне маскировка обеспечивается коррупционной поддержкой.

Четвертая закономерность, проявляющаяся в обязательном присутствии сделки в преступной экономической деятельности, на первом уровне предполагает наиболее простые двусторонние сделки купли-продажи. На втором уровне характер сделок будет зависеть от деятельности организации, как правило, реализующей договоры купли-продажи, поставки, мены (бартера), подряда, аренды и пр. Спектр сделок на третьем уровне наиболее разнообразен: купля-продажа, цессия, комиссия, субподряд, оказание услуг и пр. При этом сделки уже имеют, как правило, многосторонний характер для наилучшей маскировки преступного умысла. Субъекты четвертого уровня, ориентируясь на прикрытие своей основной преступной деятельности,

в большинстве случаев используют сделки купли-продажи, комиссии, оказания услуг. На пятом уровне существуют сложные схемы различного рода сделок с множеством фирм-«прослоек» для сокрытия адресата получения криминального дохода.

Закономерность многократности сделок на первом уровне присутствует ограниченно. Как правило, указанные субъекты успевают до пресечения их деятельности совершить от двух до пяти сделок разного содержания. Внешне может отсутствовать длительность протекания такой разовой преступной экономической деятельности, но фактически это не так. Такие стихийные предприниматели постоянно ищут источники спроса и возможность несложного, но быстрого получения сверхприбыли. В связи с этим через некоторое время ими совершаются другие разовые криминальные сделки в иных отраслях (торговле, строительстве, сельском хозяйстве, сфере услуг и пр.). На втором уровне многократность сделок зависит от продолжительности основной официальной деятельности. Субъекты третьего уровня стараются менять контрагентов и места деятельности. С ними схожи в своих действиях субъекты четвертого уровня. На пятом уровне также присутствует многократность сделок, специфическая особенность которых состоит в том, что они осуществляются только с хорошо проверенными контрагентами.

Полноструктурность деятельности присутствует также на каждом уровне. Особенность первого уровня заключается в том, что четвертая фаза воспроизводства преступной деятельности примитивна и выражена в совершенствовании преступного экономического опыта. На втором уровне фазы деятельности также обусловлены основной деятельностью организации. На третьем и четвертом уровнях сильно выражены первая (информационно-поисковая) и четвертая (совершенствования деятельности) фазы, поскольку данные субъекты вынуждены, постоянно изучая спрос, искать потребителей их криминальных предложений и, естественно, совершенствовать свой преступный опыт в целях исключения пресечения их деятельности. На пятом

уровне серьезность объектов посягательства (государственная собственность) особенно обуславливает развитие первой и второй (создание условий) фаз преступной экономической деятельности.

Закономерность сопутствующих преступной экономической деятельности некриминальных актов в большей степени свойственна второму уровню, так как такие акты сводятся к реализации официальной деятельности; четвертому уровню, так как они связаны с воровским образом жизни (традиции, круг общения, сходки и пр.); пятому уровню, поскольку обусловлены государственной и политической деятельностью субъектов. На первом и третьем уровнях таких непроступных актов немного в связи с тем, что преступная экономическая деятельность является основным их занятием и жизнеобеспечивающим источником.

Последнее, в том числе для первого и третьего уровней, выражается в закономерности ориентирования на получение дохода. Для второго, четвертого и пятого уровней этот доход является дополнительным источником, причем для пятого уровня его величина значительно превышает размеры доходов от официальных источников.

Закономерность намеренного искажения информации на первом и третьем уровнях представлена дезинформацией, направленной преимущественно на контрагентов. На втором уровне искажение информации присутствует также в форме дезинформации и дополнительно направлено на контролирующие органы (ФНС, Роспотребнадзор, Росфиннадзор, ФТС и др.), может быть в отношении руководства организации. Для четвертого уровня свойственна метадезинформация в отношении контрагентов, контролирующих и правоохранительных органов, а на пятом уровне искажение информации приобретает самую сложную форму параметрадезинформации также в отношении контролирующих (Счетная палата РФ и пр.) и правоохранительных органов.

Закономерность латентности на первом уровне слабо выражена, так как о такой простой преступной экономической деятельности зачастую осведомлены дру-

гие родственники, соседи и в конечном итоге становится известно сотрудникам органов внутренних дел. В связи с этим данный уровень является наиболее часто выявляемым. На втором уровне степень латентности средняя за счет достаточно хорошо выявляемых налоговых преступлений, присутствует вследствие незаинтересованности собственников хозяйствующих субъектов заявлять об имевших место фактах преступной экономической деятельности в силу сохранения деловой репутации. На третьем и четвертом уровнях в связи с тщательной маскировкой преступных действий латентность имеет высокую степень. И наивысшее ее проявление, обеспечивающееся коррупционным прикрытием, существует на пятом уровне.

Таким образом, нами выделены следующие закономерности преступной экономической деятельности: детерминированность легальной экономической деятельностью; нормативная детерминированность; маскировка преступных действий под законные хозяйственные операции; наличие оборота товаров и услуг, предполагающего в обязательном порядке сделку по купле-продаже криминального продукта; многократность повторения сделок, приносящих криминальный доход; полноструктурность, многофазовость деятельности; наличие сопутствующих преступной деятельности некриминальных актов, имеющих внешнее немаскируемое проявление; ориентированность на получение криминального дохода; намеренное искажение информации в документах, обстановке и сознании лиц, не посвященных в преступную экономическую деятельность, и ее отражаемость в указанных носителях; высокая латентность. Знание проявляемых в зависимости от уровня преступной экономической деятельности перечисленных закономерностей позволяет разрабатывать криминалистические рекомендации, способствующие эффективному выявлению и расследованию преступлений экономической направленности.

1. Статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL:

- <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 11 апр. 2011 г.).
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М.: Юрист, 1999.
 3. Лубин А.Ф. Криминалистическая методика. Горький, 1987.
 4. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. № 1.
 5. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1999.
 6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М., 1999.
 7. Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42.
 8. Леонтьев А.Н., Попов Д.Ю. Психология человека и технический прогресс // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.
 9. Кустов А.М. Понятие и элементы механизма преступления // Вестник криминалистики. 2005. № 2 (14).
 10. Курс экономики: учебник / под ред. Б.А. Райзберга. М., 1997.
 11. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1998.
 12. Криминалистика: учебник / под ред. В.Е. Корноухова. Красноярск, 1996. Т. 1.
 13. Образцов В.А. Преступления, связанные с профессиональной деятельностью, как объект криминалистического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 36. М., 1982.
 14. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997.
 15. Яценко Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 1998.
 16. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998.
 17. Чупрова А.Ю. Экономические преступления: понятия и классификация // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, формация: социально-правовой альманах. Спец. вып. 1. Екатеринбург, 2001.
 18. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М., 1997.
 19. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
 20. Рожков И.И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.
 21. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика. СПб., 2006.
 22. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005.
 23. Ивенин К.Н. Выявление и расследование преступлений, связанных с искажением отчетности в условиях перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1993.
 24. Агеев О.А., Аксенов Р.Г. Криминалистическая характеристика преступной экономической деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: тез. докл. и сообщ. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2009.
 25. Каминский А.М. Некоторые методологические положения теоретико-криминалистического анализа организованной преступной деятельности // Вестник криминалистики. 2004. № 4 (12).
 26. Куликов В.Н. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994.
 27. Каминский М.К. Основы криминалистической информатики. Горький, 1978.

28. Мазур А.А. Качественная теория информирования. М., 1985.
29. Умаров М.И. Криминалистическая теория слеодообразования и использование ее следствий в раскрытии экономических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

С.А. Бочинин

(адъюнкт отделения подготовки научно-педагогических кадров
Хабаровского пограничного института ФСБ России; bochinin75@rambler.ru)

В статье рассматриваются вопросы классификации следственных действий в уголовном судопроизводстве России, проводится краткий анализ имеющихся в науке точек зрения относительно решения этой проблемы исходя из оснований классификации.

Ключевые слова: уголовный процесс, собирание доказательств, следственные действия, классификация следственных действий.

Классификация как одно из действенных средств научного познания играет неопределимую роль при выявлении важнейших свойств системного объекта, установлении между данными свойствами связей и закономерностей.

Системный подход, применяемый в ходе изучения следственных действий, позволяет выделять не только их самостоятельные виды, но и группы, с целью выяснения структуры изучаемой системы. Как верно отмечают некоторые авторы, уголовно-процессуальная классификация следственных действий в науке должна основываться прежде всего на смысле (духе) и норме (букве) уголовно-процессуального закона. Однако значительные трудности в толковании его норм привели к созданию различных уголовно-процессуальных классификаций следственных действий [1, с. 70].

Так, в период действия УПК РСФСР 1960 г. учеными предпринимались многочисленные попытки классификации следственных действий по различным основаниям. Например, И.Ф. Герасимов, слишком широко понимая содержание следственных действий, выделял 42 их вида, осуществив при этом градацию на «вспомогательные» и «обеспечительные» следственные действия [2, с. 3-7]. М.А. Чельцов посчитал необходимым разделить все следственные действия на две группы:

1) относящиеся к собиранию доказательств, необходимых для установления факта преступления и лица, виновного в его совершении (допрос, осмотр, освидетельс-

тование, обыск, выемка, производство экспертизы, следственный эксперимент, проверка показаний на месте);

2) обеспечивающие возможность судебного разбирательства, применение к виновному правовых норм (уголовных и гражданских) и связанные с личностью обвиняемого, его имуществом (привлечение лица в качестве обвиняемого, применение мер пресечения и иных принудительных мер к обвиняемому, а также меры обеспечения возможной конфискации и гражданского иска) [3, с. 270-271].

Однако конкретного основания для классификации следственных действий автор не выделил, а кроме того, включил во вторую группу не следственные, а иные процессуальные действия. Также слишком широко, по нашему мнению, подошел к вопросу классификации следственных действий и А.М. Ларин. Помимо действий, направленных на собирание доказательств, он отнес к числу следственных:

1) действия, определяющие возникновение и направление дела (вынесение постановлений о возбуждении дела, о передаче дела по подследственности, о выделении или соединении дел, о прекращении дела, о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера и др., составление обвинительного заключения);

2) действия, устанавливающие процессуальное положение участников расследования (вынесение постановлений о принятии дела к производству, о признании

потерпевшим или гражданским истцом, о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, о привлечении в качестве гражданского ответчика, разрешение заявлений об отводах);

3) меры принуждения (задержание, применение мер пресечения, приводы, наложение ареста на имущество и др.);

4) действия, составляющие гарантии прав участников процесса (разъяснение прав, меры попечения о детях и охраны имущества лица, заключенного под стражу, предъявление обвинения, ознакомление с материалами дела и др.);

5) меры к устранению обстоятельств, способствующих преступлениям [4, с. 98-101].

Б.С. Тетерин и Е.З. Трошкин выделили три группы следственных действий, допуская их необоснованное смешение с процессуальными действиями следователя:

1) «по обнаружению, закреплению, проверке и оценке доказательств»;

2) «по признанию лиц участниками процесса»;

3) «направленные на пресечение преступления, обеспечение привлечения к ответственности виновных лиц» [5, с. 49-50].

Подобная классификация не только не вносит ясности в отношении изучаемого вопроса, но и совершенно не согласуется с теорией и практикой уголовного процесса, служит основой для неправильных выводов о возможности отнесения к числу следственных таких действий, как приглашение, назначение и замена защитника, признание гражданским истцом, внесение следователем в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ представления о принятии мер по устранению нарушений закона и т.п.

Некоторые же ученые справедливо, на наш взгляд, подразделяют следственные действия по их целевому назначению. Так, А.А. Чувилев и Т.Н. Добровольская разработали следующую классификацию:

1) следственные действия, производящиеся исключительно в целях собирания и проверки доказательств:

а) позволяющие непосредственно получить данные, имеющие доказательственное значение (допрос, очная ставка, выемка,

предъявление для опознания, назначение и производство экспертизы, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, воспроизведение обстановки и обстоятельств события);

б) способствующие получению и проверке доказательств (экспуация трупа, получение образцов для сравнительного исследования);

2) следственные действия, производящиеся как в целях собирания и проверки доказательств, так и в иных целях (осмотр, обыск, задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество) [6, с. 34-35].

С нашей точки зрения, с данной классификацией схожа и классификация Г.А. Абдумаджидова, основанная на сущности, характере и направленности следственных действий:

1) направленные на получение показаний (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте);

2) направленные на непосредственное исследование объектов (осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент);

3) направленные на изъятие таких объектов (выемка, обыск, принятие предметов и документов, получение образцов);

4) производство экспертизы [7, с. 74].

Вместе с тем и в этом случае при классификации к числу следственных были отнесены некоторые процессуальные действия, не регламентированные УПК РСФСР (проверка показаний на месте, принятие предметов и документов) либо носящие вспомогательный, обеспечительный характер (получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на имущество, экспуация трупа).

С.А. Шейфер предложил в качестве основания классификационного деления рассматривать методы отображения фактических данных, которые соответствуют природе сигнала, несущего информацию. Все следственные действия он разделил на три большие группы:

1) следственные действия, в основе которых лежит метод расспроса (допрос, очная ставка, назначение экспертизы);

2) следственные действия, основанные на методе наблюдения в совокупности с активными приемами воздействия на отображаемый объект (осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент, задержание подозреваемого);

3) следственные действия, включающие в себя методы расспроса и наблюдения (предъявление для опознания, проверка показаний на месте) [8, с. 35].

Такая классификация получила впоследствии широкое распространение среди процессуалистов и особенно криминалистов, поскольку она, по сути, как отмечают некоторые исследователи, является криминалистической [1, с. 72].

Современные исследователи, учитывая указанный подход С.А. Шейфера, считают возможным предложить классификацию следственных действий в зависимости от содержания и значимости объединяющих их связей. Так, В.А. Семенцов предлагает разграничивать четыре относительно обособленные группы:

1) осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК РФ);

2) обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров (гл. 25 УПК РФ);

3) допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний на месте (гл. 26 УПК РФ);

4) производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ) [9, с. 59].

С точки зрения В.А. Семенцова, первую группу следственных действий объединяет метод наблюдения, который используется для получения сведений об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах. Вторая группа характеризуется направленностью на изъятие носителей сведений и собственно самих сведений об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах (независимо от воли лица, интересы которого могут быть существенно затронуты производством таких следственных действий). В основу выделения третьей группы следственных действий положен

метод расспроса как наиболее распространенный способ вербальной (словесной) информации. Четвертая группа, по мнению данного ученого, представляет собой целый комплекс познавательных, организационных и удостоверительных действий, к которому относится такое самостоятельное познавательное действие, как получение образцов для сравнительного исследования [9, с. 60].

Данная классификация заслуживает внимания, хотя не совсем понятно, почему автор считает возможным отнесение к числу самостоятельных следственных действий получения образцов для сравнительного исследования, а также включение его в классификационную группу. Доводы о том, что по своей специфике оно является самостоятельным познавательным действием с претензией на признание следственным действием, малоубедительны. В соответствии с положениями ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», образцами для сравнительного исследования являются объекты, отображающие свойства и особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения. Очевидно, что объекты, полученные в ходе этого действия, доказательствами по уголовному делу не являются, а лишь служат необходимым материалом для сравнительного исследования. Кроме того, законодатель, закрепив в ч. 4 ст. 202 УПК РФ право эксперта, не являющегося субъектом собирания доказательств, самостоятельно получать образцы для сравнительного исследования, особо подчеркнул, что получение таких образцов не является способом собирания доказательств. Следовательно, права исследователи, полагающие, что само по себе получение образцов (без экспертного исследования) не является следственным действием, а значит, не может способствовать установлению истины по делу, поскольку это всего лишь «предследственное», вспомогательное действие, обеспечивающее назначение экспертизы [10, с. 77].

В целом можно утверждать, что классификация следственных действий возможна по различным основаниям, в том числе:

1) в зависимости от характера процесса получения доказательственной информации:

а) следственные действия, для которых характерно непосредственное отображение следов преступления;

б) следственные действия, для которых характерен отражательный процесс отображения следов преступления (экспертиза) [11, с. 76-77];

2) по признаку сложности отображаемых объектов:

а) следственные действия, направленные на отображение изолированных неформационных объектов (допрос, осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, получение образцов, назначение экспертизы, задержание);

б) интегрированные следственные действия (очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте) [11, с. 83-84];

3) по участию понятых:

а) с участием понятых (обыск, выемка, следственный эксперимент);

б) без участия понятых (допрос, очная ставка, назначение и производство экспертизы);

4) по необходимости специального постановления, санкционирования или разрешения:

а) требуют вынесения специального постановления, содержащего основания и мотивы их производства (получение образцов для сравнительного исследования, обыск, освидетельствование);

б) не требуют вынесения специального постановления, содержащего основания и мотивы их производства (допрос, очная ставка, предъявление для опознания);

в) предусмотрено получение судебного разрешения (обыск, выемка почтовой телеграфной корреспонденции, контроль и запись телефонных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ);

г) такая процедура не установлена [12, с. 23-24].

Непосредственно в тексте уголовно-процессуального закона можно найти упоминание и о других группах следственных действий. Так, к обязательным следственным действиям, подлежащим безусловному выполнению, можно отнести обязательный допрос подозреваемого после его задержания (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), немедленный допрос обвиняемого после предъявления ему обвинения (ч. 1 ст. 173 УПК РФ), обязательное назначение судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Повторные следственные действия могут проводиться для проверки, уточнения собранных по уголовному делу доказательств или для получения новых. Так, нормы ст. 178 УПК РФ предусматривают повторный осмотр трупа в ходе его эксгумации, ст. 192 УПК РФ позволяет проводить повторный допрос на очной ставке, ч. 2 ст. 207 УПК РФ дает право назначить повторную экспертизу в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в его выводах и т.д. Особый интерес представляют так называемые «отдельные следственные действия». О них говорится в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ: «следователь уполномочен давать органу дознания поручения о производстве отдельных следственных действий», а также в п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ: «руководитель следственного органа уполномочен давать следователю указание о производстве отдельных следственных действий». Кроме того, в понятие «отдельные следственные действия» вкладывается смысл процессуальных средств проверки повода к возбуждению уголовного дела (далее – ВУД) в целях установления наличия достаточных данных, которые бы указывали на признаки преступления. Как известно, ранее действовавший УПК РСФСР к числу таких следственных действий относил только осмотр места происшествия. Теперь речь идет о возможности проведения до ВУД освидетельствования (ч. 1 ст. 179 УПК РФ), производства осмотра трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ), а также производства исследований документов, предметов, трупов (ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ).

По мнению некоторых исследователей, стремление законодателя к расширению числа следственных действий в стадии ВУД вполне объяснимо, т.к. на практике достаточно часто возникают ситуации, когда по поступившему заявлению или сообщению о преступлении в установленный законом срок и с помощью имеющихся процессуальных средств не удается правильно установить наличие или отсутствие основания для ВУД [9, с. 63]. Однако в УПК РСФСР к числу таких процессуальных средств относились получение объяснений и истребование материалов (ст. 109). Теперь же в ч. 1 ст. 144 УПК РФ нет даже упоминания о таких способах проверки. Получается, что фактически уголовно-процессуальный закон отказался от указанных процессуальных средств проверки в стадии ВУД, предложив властным субъектам уголовного процесса проводить проверку сообщений о преступлениях путем производства отдельных следственных действий, проведения документальных проверок или ревизий (ч. 3 ст. 144 УПК РФ) и истребования документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данных о лице, предоставившем указанную информацию, распространенных в средствах массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

Такое новшество представляется весьма спорным. В стадии ВУД выполняются специфические задачи, направленные в первую очередь на обнаружение признаков преступления, характеризующиеся оперативностью и быстротой. В данном случае закон не устанавливает жесткую процессуальную форму обнаружения признаков преступления, т.к. не решается задача установления истины по делу, не рассматривается вопрос виновности определенного лица в совершении преступления. По сути, познавательная деятельность, осуществляемая в стадии ВУД, является розыскной деятельностью. По мнению В.И. Зажицкого, в данном случае «розыскными мерами следует считать такие способы проверки сообщений о преступлении, как истребование необходимых материалов и получение объяснений. Они хотя и не предусмотрены

действующим уголовно-процессуальным законом, но без них невозможно обойтись в реальной практике» [13, с. 35]. Естественно, они не могут считаться самостоятельными способами собирания доказательств, а создают лишь необходимые условия для собирания доказательств по возбужденному уголовному делу. При этом весьма знаковым видится высказывание А.И. Трусова, приведенное в этой же научной публикации. Суть его сводится к тому, что допускаемые в процессе розыска (в порядке исключения) отдельные следственные действия (например, осмотр места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства) и элементы процессуальной формы имеют мало общего с узаконенной процедурой доказывания по уголовному делу [13, с. 35].

Запрет на производство следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, установленный УПК РСФСР, выглядел вполне логично. В условиях, когда уголовного дела еще нет, действия принудительного характера (а следственные действия, как известно, обеспечиваются государственным принуждением) не могут быть признаны приемлемыми. УПК РФ, определив возможность проведения до ВУД освидетельствования, позволяет сделать вывод, что в этой стадии применение мер принуждения возможно. Однако, как верно отмечает В.А. Семенцов, возможность применения мер процессуального принуждения (например, привода) предусмотрена только в отношении субъектов уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 64]. Таким образом, в стадии ВУД лиц, обладающих процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, еще нет, а имеются лишь лица, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела, пострадавшие и очевидцы. Соответственно, доказательства, полученные в ходе производства таких «отдельных следственных действий» без участия указанных в законе лиц, не могут быть признаны допустимыми.

Следовательно, по причине того, что уголовного дела в стадии ВУД еще нет, следственные действия как основные способы собирания доказательств произ-

водиться не могут. Доказывание в данном случае не осуществляется, а розыскные меры, проводимые в этой стадии, направлены на обнаружение признаков преступления, необходимых для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Особое внимание в науке уделено классификации следственных действий на неотложные и иные действия, не носящие неотложного характера, т.е. не направленные на обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования [1, с. 71]. В УПК РСФСР 1960 г. производство неотложных следственных действий впервые получило законодательное закрепление. В ст. 119 указанного закона, регламентирующей деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, отмечалось, что орган дознания производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления. К их числу относились осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. Кроме того, в ст. 132 УПК РСФСР упоминалось, что в случае установления следователем, что дело ему неподследственно, последний обязан произвести все неотложные следственные действия. При этом, в соответствии со ст. 87 УПК РСФСР, протоколы, удостоверяющие обстоятельства и факты, установленные в ходе производства неотложных следственных действий, являлись доказательствами по уголовному делу.

Статья 157 УПК РФ «Производство неотложных следственных действий» включена законодателем в главу 21, регламентирующую общие условия предварительного расследования, в связи с чем ученые по-разному определяют институт неотложных следственных действий, а именно: «в вопросе о неотложных следственных действиях речь идет вовсе не об условиях, а о важнейшей проблеме соотношения дознания и следствия (форм предварительного расследования)» [14, с. 232] или же «неот-

ложные следственные действия выступают как самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности органа дознания» [15, с. 37].

Другие исследователи понимают производство неотложных следственных действий как «первоначальный этап расследования, на котором орган дознания вместо следователя начинает процессуальную деятельность в неотложной ситуации» [16, с. 417]. Действительно, в определенном смысле можно говорить о производстве органом дознания неотложных следственных действий как особой стадии уголовного судопроизводства. Однако, на наш взгляд, его нельзя рассматривать в отрыве от стадии предварительного расследования, средствами которой органы дознания и осуществляют свою уголовно-процессуальную деятельность в неотложной ситуации по делам, подследственным следователям. Трактовать институт неотложных следственных действий как самостоятельную стадию уголовного процесса не следует. Более правильно вести речь о первоначальном этапе расследования преступлений, осуществляемом в процессуальной форме указанными в законе лицами в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. В связи с этим наиболее логичным выглядел институт дознания, закрепленный в УПК РСФСР в соответствующей форме и представленный как первоначальный этап расследования по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

С точки зрения практики неотложные следственные действия дают на первоначальном этапе расследования преступлений базовую, исходную доказательственную информацию (особенно это касается осмотра места происшествия, допроса, обыска, выемки, освидетельствования). В дальнейшем – при расследовании уголовного дела – эта информация проверяется и пополняется путем использования всей имеющейся системы следственных действий. Причем в ст. 157 УПК РФ законодатель отказался от исчерпывающего перечня неотложных следственных действий, что, на наш

взгляд, вполне обоснованно. По верному мнению некоторых процессуалистов, «неотложность – характеристика следственного действия, формируемая конкретными обстоятельствами дела, когда промедление с его производством может повлечь исчезновение, утрату, фальсификацию доказательств» [9, с. 73]. Поэтому строгий перечень неотложных следственных действий только ограничивает средства органов дознания по установлению и закреплению следов преступления. Выбор круга следственных действий должен зависеть от вида преступления и особенностей конкретного уголовного дела, поскольку «следственные действия способствуют осуществлению задач уголовного судопроизводства не непосредственно, а опосредованно, через достижение своих непосредственных целей, обусловленных получением следователем реально существующей в следах преступления доказательственной информации» [17, с. 108]. Качественно проведенные неотложные следственные действия позволяют успешно решить в дальнейшем задачу уголовного судопроизводства при расследовании преступления, обеспечить необходимую результативность.

Таким образом, по вопросам системы и классификации следственных действий мнения ученых расходятся, но это не может рассматриваться в качестве недостатка, поскольку «множественность классификационных групп – явление закономерное. Оно отражает многогранность правовой регламентации следственных действий, различия в методах осуществления познавательной деятельности, специфику получаемых доказательственных результатов» [18, с. 100]. Вместе с тем подходы, в границах которых предлагаются различные варианты попыток «загнать» следственные действия в жесткие рамки, представляются нам не совсем продуктивными с точки зрения практики.

В связи с этим, на наш взгляд, обоснованным и логичным будет деление следственных действий на детерминированные и рандомизированные. При этом мы не претендуем на исключительность и полноту предложенной классификации, а также определения исчерпывающих групп след-

ственных действий, а лишь преследуем цель показать, что закрепление в законе жесткого расширительного перечня следственных действий не способствует эффективному правоприменению. Критерием деления при этом будет являться степень информационной определенности следственной ситуации в ходе проведения следственных действий. Детерминированные действия (от лат. *determinants* – «определяющий») предполагают жесткую причинно-следственную связь между элементами системы, которой является и система следственных действий. Рандомизированные (от англ. *random* – «случайный»), в свою очередь, не имеют такой четкой корреспондирующей связи, развиваются под действием закона «случайных чисел» и часто в зависимости от решения следователя, принимающего правильное либо ошибочное решение о выборе и порядке проведения конкретного следственного действия в конкретной следственной ситуации. Отметим, что детерминированные следственные действия присутствуют в жестко детерминированных системах, предусматривающих соблюдение алгоритма выполнения следственных действий. К примеру, по делам об изнасилованиях последовательность определяется типичной следственной ситуацией по уголовному делу предельно жестко: осмотр места происшествия допрос потерпевшей освидетельствование потерпевшей назначение судебно-медицинской и других экспертиз. По делам о так называемой «беловоротничковой» преступности, как правило, выбираются рандомизированные алгоритмы следственных действий, предусматривающие выбор следователем оптимальной системы следственных действий и последовательности их выполнения применительно к конкретной следственной ситуации. Такие системы следственных действий вариативны и часто содержат значительный элемент вероятности в получаемых уголовно-процессуальных результатах, развиваясь под действием закона случайных чисел.

Ведя речь об алгоритме, мы подразумеваем, во-первых, жесткий перечень следственных действий для конкретных

следственных ситуаций и определенную последовательность их выполнения. Таким образом, налицо интегративные качества (совокупность элементов) и их взаимосвязь, а это уже признаки системы, которые мы и наблюдаем в системе следственных действий. Следовательно, система следственных действий и алгоритм соотносятся как общее и частное, где система следственных действий является типичной правовой моделью, прописанной в нормах законодательства и поэтому являющейся универсальной для всех следственных ситуаций, а алгоритм – конкретной моделью, применяемой следователем по реальному уголовному делу в зависимости от вида совершенного преступления и соответствующей ему следственной тактики.

На наш взгляд, классификация следственных действий на детерминированные и рандомизированные является ярким примером того, что не существует жестко взаимообусловленных схем осуществления следственных действий, зависящих от конкретной уголовно-процессуальной ситуации по уголовному делу. Такая классификация помогает раскрыть и сущностные признаки правовых явлений, которыми являются следственные действия. Наличие жесткого перечня в законе лишь сузит арсенал поисково-познавательных средств следователя, который должен гибко реагировать на изменяющуюся следственную ситуацию.

В связи с этим, по нашему мнению, в настоящее время базовой классификационной системой все-таки является подразделение следственных действий в зависимости от целевого назначения. Именно эта классификация была бы более приемлема при группировке следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, например, существует следующее деление следственных действий по целевому признаку:

1) следственные действия, первоочередное назначение которых состоит в обнаружении и закреплении сведений, могущих стать содержанием соответствующих видов доказательств: осмотр места происшествия и трупа (ст.ст. 176, 178 УПК РФ), освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), обыск

(ст. 182 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), допрос свидетеля и потерпевшего (ст. 187 УПК РФ). Эти следственные действия могут производиться на основании сведений, полученных оперативно-розыскным путем.

2) следственные действия, цель которых состоит главным образом в проверке собранных доказательств, а именно следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), очная ставка (ст. 192 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), могут иметь в качестве оснований производства только данные, полученные процессуальными способами. К этим следственным действиям следует отнести также производство экспертизы (ст.ст. 195-207 УПК РФ), хотя первоочередное назначение данного следственного действия может состоять в получении, а не в проверке доказательств.

3) отдельно стоит вопрос о цели и основаниях такого следственного действия, как допрос обвиняемого (подозреваемого) [19, с. 244-245].

Таким образом, следственные действия как эффективные инструменты уголовного судопроизводства должны обеспечивать достижение его цели и назначения (ст. 6 УПК РФ), т.к. в противном случае решение важнейших социальных задач уголовно-процессуального законодательства будет просто невозможным.

1. Комягина Ю.С., Лаврухин С.В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.

2. Герасимов И.Ф. Система процессуальных действий следователя // Следственные действия (криминалистические и процессуальные документы): межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1983. С. 47-59.

3. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: учебник. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюриздат, 1962. 503 с.

4. Ларин А.М. Следственные действия (определение понятия, терминологии) // Оптимизация расследования преступлений: учеб. пособие. Иркутск, 1982.
5. Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел: схемы уголовно-процессуальных документов. М.: Новый юрист, 1997. 224 с.
6. Чувилев А.А., Добровольская Т.Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по Особенной части: учеб.-метод. материал. М.: МВШ МВД СССР, 1986. 110 с.
7. Абдумаджидов Г. Расследование преступлений: Процессуально-правовое исследование: науч.-практ. пособие. Ташкент: Узбекистан, 1986. 191 с.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография. М.: Юрид. лит., 1981. 128 с.
9. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. академия, 2006. 300 с.
10. Кузнецов А.Н. Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 215 с.
11. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
12. Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2001. 104 с.
13. Зажицкий В.И. Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 32-43.
14. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. М.: Проспект, 2004. 730 с.
15. Есина А.С., Аристова Е.Н. Дознание в органах внутренних дел: науч.-практ. пособие: М.: КноРус, 2003. 117 с.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. 1008 с.
17. Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): науч.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006. 216 с.
18. Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 241 с.
19. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 449 с.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.В. Амеличкин

(адъюнкт кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России; amel83@yandex.ru)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав и законных интересов человека и гражданина в современной России, соответствующие международные нормативные правовые акты; анализируются проблемы применения Федерального закона «О полиции» в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Высказываются предложения по совершенствованию деятельности органов внутренних дел в области защиты прав и законных интересов человека и гражданина.

Ключевые слова: административно-правовые отношения, защита прав и законных интересов, административно-правовое регулирование, механизм контроля, средства аудио- и видеофиксации.

Существенным достижением в развитии общества является создание правовой системы, которая невозможна без комплексной системы защиты прав и законных интересов каждого человека и гражданина. В связи с этим признание прав и свобод человека и гражданина стало одной из основных заслуг современного общества, двигателем человеческого прогресса, а также фундаментальным основанием для развития всего человечества по пути справедливых, основанных на праве отношений между людьми.

К сожалению, жизнь человеческого общества постоянно сопровождается попытками одних людей ограничить права и законные интересы других людей, в том числе незаконными средствами и способами. Для того, чтобы предотвратить противоправные попытки нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, минимизировать вред от таких нарушений, общество на протяжении всей своей истории вырабатывало правовые средства защиты прав, свобод и законных интересов, и прежде всего от произвола органов публичной власти.

Большим шагом в решении проблемы защиты прав и законных интересов человека в современном мире явилось

принятие на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека. Декларация носила рекомендательный характер, тем не менее ее принятие стало одним из самых важных шагов в области продвижения защиты прав человека на международном уровне. Толчком к принятию Всеобщей декларации прав человека явились печальные исторические события первой половины XX века, когда нарушение прав и законных интересов человека носило массовый характер и привело к большим материальным и духовным потерям для всего человечества.

Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту законом. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации. Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом [1, с. 327].

Таким образом, защита прав и законных интересов человека и гражданина яв-

ляется приоритетной задачей государства. Для выполнения данной задачи государство должно создать эффективный государственный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, основанный на нормах действующей Конституции РФ и принятых международных обязательствах России в области защиты прав и законных интересов человека и гражданина.

В современном российском обществе остро стоят проблемы нарушения прав и законных интересов человека и гражданина в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере административно-правового регулирования. Это связано с тем, что недостаточно внимания уделяется такой проблеме, как защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина от произвола публичной власти.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год сделан весьма неутешительный вывод о том, что «значительное число нарушений прав человека в 2009 году имело, как представляется, системный и комплексный характер» [2, с. 18]. Не изменилась ситуация и на сегодняшний день.

По нашему мнению, наиболее уязвимой в правовом плане остается сфера административно-правового регулирования. В отличие от других правовых институтов здесь наиболее часто нарушаются права человека и граждан со стороны администрации. Это связано, во-первых с тем, что нормы административного права постоянно изменяются, дополняются и конкретизируются.

Во-вторых, защита прав и законных интересов участников уголовного или гражданского судопроизводства наиболее законодательно урегулирована, а в отношении участников административного судопроизводства подробно регламентируется лишь защита прав и законных интересов лица, привлекаемого к административной ответственности, и потерпевшего. Однако на вопрос о том, как должны защищаться права иных участников административно-юрисдикционного процесса, в КоАП РФ нет ответа [3, с. 40]. На практике это однозначно приводит к проблемным ситуациям,

а в некоторых случаях и к нарушению прав и законных интересов со стороны органов публичной власти.

В-третьих, несудебные формы защиты в основном регулируются нормами административного права.

В-четвертых, это связано с тем, что нормы административного права регулируют большое количество общественных отношений, и это правовое регулирование постоянно совершенствуется.

Следовательно, проблема защиты прав и законных интересов человека и гражданина в сфере административно-правовых отношений является актуальной проблемой современной России. Решение этой задачи приблизит нас к построению правового государства, неотъемлемой частью которого является эффективный механизм защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Примером деятельности всего общества, направленной на защиту прав и законных интересов человека и гражданина в области административно-правового регулирования, стало принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». Не случайно в ст. 1 данного Закона говорится о назначении полиции, как о государственном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, деятельность которого направлена, в первую очередь, на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, и уже далее – для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности [4]. Кроме того, в ст. 2 Федерального закона «О полиции» на первое место ставится задача по защите личности, общества, государства от противоправных посягательств, в отличие от утратившего силу Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции», в котором задача по оказанию помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов стояла на последнем месте [5]. Следовательно, деятельность полиции должна коренным образом отличаться от

деятельности милиции, и уклон должен быть в сторону защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Новшеством в области защиты прав и законных интересов человека и гражданина, а соответственно, и в деятельности полиции является то, что полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина. Деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан. В случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, необходимо разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина. Сведения о частной жизни гражданина, полученные в результате деятельности полиции, не могут предоставляться кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

Сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства.

Граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом [4].

Таким образом, принятие Федерального закона «О полиции», направленного на защиту прав и законных интересов человека и гражданина, вносит новые направления в законодательство Российской Федерации. Сотрудники органов внутренних дел – это основные представители испол-

нительной власти, с которыми граждане сталкиваются практически каждый день. От их компетенции, правильности действий и правовой культуры зависит отношение граждан к органам публичной власти.

Однако одного законодательного закрепления приоритета защиты прав и законных интересов человека и гражданина в деятельности полиции недостаточно. Необходимо разработать действенный механизм контроля деятельности полиции. После вступления в законную силу Федерального закона «О полиции» 1 марта 2011 года одним из первых решений в области защиты прав и законных интересов участников дорожного движения явилась инициатива начальника ГУВД г. Москвы В.А. Колокольцева. Он в порядке эксперимента предложил сотрудникам ГИБДД при осуществлении службы использовать средства аудио- и видеofиксации в служебном автомобиле, в том числе и в момент общения сотрудника ГИБДД с участником дорожного движения. Данные средства могут быть доступны для контроля деятельности сотрудника ГИБДД в режиме on-line. И здесь можно согласиться с мнением В.А. Колокольцева, который считает, что «...подобное оборудование дисциплинирует обе стороны, как водителей, так и патрульных» [6].

Это неслучайное решение, т.к. на современном этапе развития нашей страны остается острой проблема безопасности дорожного движения и защиты прав и законных интересов участников дорожного движения. Каждый человек в своей жизни практически ежедневно на время приобретает статус участника дорожного движения, будь он водителем или пешеходом. Неутешительной остается статистика в области безопасности дорожного движения. Так, согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации в 2010 году произошло 199 431 дорожно-транспортное происшествие, вследствие этого погибли 26 567 человек, а 250 635 человек получили ранения. Из них по вине водителей, находившихся за рулем в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, произошло 11 845 дорожно-транспор-

тных происшествий. Кроме того, в 2010 году произошло 20 262 дорожно-транспортных происшествия с участием детей, в которых 898 детей погибли, а 21 149 детей получили ранения [7]. Эта ситуация не может устраивать общество и, как следствие, саму правоохранительную систему, так как правоохранительная система создана для защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Аудио- и видеотекстовая фиксация служебной деятельности сотрудников ГИБДД не только направлена на защиту прав и законных интересов участников дорожного движения, но и служит средством доказательства вины лица, нарушившего правила дорожного движения, что в дальнейшем облегчит работу всей правоохранительной системы, повысит качество работы полиции. Кроме того, в Федеральном законе «О полиции» определяется, что деятельность полиции является открытой для общества. В своей деятельности полиция обязана использовать различные технические средства, в том числе при документировании административных правонарушений, а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности [4].

Таким образом, с принятием Федерального закона «О полиции» меняется сам подход к защите прав и законных интересов человека и гражданина. Должны меняться и появляться новые средства и способы осуществления защиты. Новое законодательство не только позволяет делать это, но и требует, чтобы полиция в своей деятельности использовала достижения науки и техники, информационных систем, сетей связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру. Для реализации на практике защиты прав и законных интересов человека и гражданина, на наш взгляд, необходимо законодательно, на уровне приказа МВД России или даже федерального закона, закрепить обязанность сотрудников органов внутренних дел использовать при несении службы технические средства аудио- и видеодокументирования. Необходимо определить ответственность сотруд-

ников за неисполнение данной обязанности, порядок предоставления полученной информации, для того чтобы исключить незаконное использование полученных результатов. Это, в свою очередь, должно способствовать решению конфликтных ситуаций между сотрудниками полиции и гражданами, что поможет решить проблему коррупционных проявлений среди сотрудников органов внутренних дел, повысит уровень правовой культуры сотрудников и граждан.

В соответствии с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что с принятием Федерального закона «О полиции» роль подразделений полиции в защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина существенно возрастает. Это связано с тем, что основное предназначение полиции в законе определено как защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. К сожалению, этого недостаточно для реализации положений закона на практике, необходимо внести изменения в подзаконные акты, регулирующие деятельность полиции, а также разработать новые, которые смогли бы помочь реализовать на практике требования и основные принципы Федерального закона «О полиции».

1. Конституционное право России: в 2 т.: сборник конституционно-правовых актов / отв. ред. О.Е. Кутафин; сост. Н.А. Михалева: М.: Юрист, 1998. Т. 1. 816 с.

2. Российская газета. 2010. 28 мая. № 115 (5194).

3. Тюрина А.А. Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе: монография. М.: Городец, 2009. 128 с.

4. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

5. О милиции: закон Российской Федерации от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

6. Скоро сотрудники ГИБДД будут работать в режиме онлайн [Электрон-

ный ресурс] // RNNS.RU. URL: <http://rnns.ru/193114-skoro-sotrudniki-gibdd-budut-rabotat-v-rezhime-onlayn.html> (дата обращения: 29 марта 2011 г.).

7. Статистика аварийности за 2010 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/news/672> (дата обращения: 20 марта 2011 г.).

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Т.Г. Юклова

(адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, г. Москва; katarina7575@mail.ru)

В статье проводится анализ конституционно-правового механизма обеспечения гендерного равенства в международном и национальном праве, в том числе через юридические гарантии. Обозначены проблемы его функционирования и предложены пути по его совершенствованию в Российской Федерации.

Ключевые слова: гендерное равенство, конституционные гарантии прав и свобод граждан, права женщин, правовой статус женщин, дискриминация женщин.

Двадцатый век характеризуется выдающимися научными открытиями и достижениями и в то же время возникновением общечеловеческих проблем, решение которых является крайне необходимым для дальнейшего эволюционного развития общества.

Человечество вошло в новый век и третье тысячелетие не только с памятью о прошлом, обремененном как бедами, так и свершениями, но и с надеждой на лучшее будущее. Применительно к проблеме гендерного (социополового) равноправия как главному критерию демократии эта надежда четко сформулирована в Декларации 4-й Европейской Конференции министров по вопросам равноправия между мужчинами и женщинами 1997 г. В ней говорится, что «...работа, направленная на достижение равенства между женщинами и мужчинами, не должна больше рассматриваться только как “женский вопрос”, но, вовлекая полностью всех членов общества, женщин и мужчин, должна стать заботой всего общества в целом» [1].

В свете демократизации социальных процессов в России проблема гендерного равенства играет важнейшую роль. В России, как и в других странах постсоветского пространства, парадоксальной является необходимость для женщин бороться сегодня за те права, которые они уже имели.

Права человека – это неотъемлемые права каждого человеческого существа [2]. Можно предъявлять моральные требования независимо от того, установлены ли они законом. Так, все люди имеют право на

жизнь независимо от того, принят или нет закон, подтверждающий это право. Однако юридическую силу моральным требованиям придают законы [3, с. 28]. Соответственно, важен первый шаг – это преобразование моральных требований в законные права.

В современных условиях законность и соблюдение прав человека тесно взаимосвязаны. Эти явления отличает многоплановость и особая социальная «емкость». В стране с прочным режимом законности всегда наблюдается стремление государственной власти к обеспечению прав человека, равенства всех перед законом, неотвратимости ответственности за нарушение законодательных норм [4, с. 12]. В свою очередь, демократия служит критерием для проверки подлинной законности и обеспеченности прав и свобод индивидов. Демократия – это та граница, выход за пределы которой означает отказ от законности и переход к нарушению прав человека.

Положение женщины в современном обществе считают мерилем социального прогресса. Статус женщины в обществе отражает особенности социально-политического устройства государства, его экономического развития, методов управления, правовых установок, уровня культуры и общественного самосознания.

Общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации гендерного равноправия, регулируются весьма объемным массивом законодательства, которое не в полной мере выполняет свою функцию эффективной защиты прав и законных интересов женщин. Многочисленные изъяны

имеет также и правоприменительная деятельность органов государственной власти, призванных обеспечивать их права.

Помимо политических предпосылок, касавшихся правового статуса женщин, прежде всего предоставления им избирательных прав, возникновению «женского вопроса» способствовала промышленная революция, создавшая потребность в дешевых женских руках и во имя этого выведшая женщин за рамки домашнего очага, хотя и возложившая на них тем самым двойное бремя оплачиваемой и неоплачиваемой работы [5, с. 53]. Такой труд женщин стал нормой жизни и продолжается сегодня даже в тех странах, где уровень экономического, социального и культурного развития вполне позволяет практически разрешить эту задачу.

Так, две трети женщин мира заняты в общественном производстве, они составляют около 40 % всего экономически активного населения планеты. Но им принадлежит лишь 10 % мировой собственности [6; 7; 8; 9] и они составляют менее 10 % членов всех представительных органов стран мира. Такие общечеловеческие бедствия, как экономические, социальные и политические кризисы, отражаются прежде всего на положении женщины. Как правило, первыми страдают (закрываются) производства, на которых заняты в основном женщины. В результате подобного «прагматизма» человечества зависимость женщины от мужчины, особенно в период беременности женщины и воспитания ребенка, еще более возрастает.

Между тем правительства некоторых стран проявили законодательную инициативу в плане признания общественной важности ухода за детьми. Например, в Швейцарии предусматривается учет времени, затраченного на образование детей, для определения квалификации при социальном страховании по безработице. Правительство Нидерландов приравнило труд по уходу за детьми с производственным трудом. Мать может посвятить часть своего рабочего времени уходу за ребенком. Кроме того, 88-я сессия Генеральной конференции МОТ (30 мая 2000 г.) пересмот-

рела Конвенцию «О защите материнства» 1952 г. [10], справедливо решив, что защита беременности является совместной обязанностью государства и общества.

Весьма поучителен в этом плане опыт США, накопленный преимущественно на протяжении последней трети XX в. Так, с целью выравнивания возможностей женщин на получение образования существует комплекс льгот, предоставляемых в США названной категории дискриминируемых лиц. Женщинам предоставляются квоты при поступлении на учебу в колледжи и вузы. Кроме того, действуют и так называемые меры положительной дискриминации («упреждающие меры»), призванные облегчить женщинам получение работы. С этой целью предпринимателям, нанимающим на работу женщин свыше установленного усредненного норматива работников, предоставляются преференции при уплате налогов либо преимущественно даются государственные заказы [11, с. 34].

В современных демократических правовых социальных государствах целью регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений является создание благоприятных и справедливых условий труда, обеспечивающих равенство прав и возможностей работников, в том числе право каждого работника на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; на ограничение рабочего времени; предоставление ежедневного отдыха, выходных и праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; на заработную плату, позволяющую вести достойное человека существование ему самому и его семье, и др. Именно соблюдение принципа равенства при установлении государственных гарантий трудовых прав и свобод требует дифференциации норм, регулирующих труд отдельных категорий работников. Критерии дифференциации при этом могут быть самыми разными – отраслевой, территориальной, половозрастной и др. Правовая регламентация труда может зависеть от специфики, статуса работодателя или работника, характера трудовой связи, способа организации работ и иных факторов.

Необходимость учета указанных обстоятельств привела международное сообщество к необходимости установления специальных норм права, частично ограничивающих применение общих правил в отношении одних работников либо устанавливающих дополнительные гарантии для других по тем же вопросам. Наличие таких норм [12; 13; 14] обусловило необходимость их закрепления и в Трудовом кодексе Российской Федерации в виде самостоятельного раздела XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников».

Хотя законодательство Российской Федерации предусматривает равноправие мужчин и женщин [15], в том числе и в трудовой сфере, это не означает установления фактического равенства полов. Более того, действительность свидетельствует о наличии в стране дискриминации по признаку пола. Количество безработных женщин, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, неизменно существенно превышает количество безработных мужчин. То же относится и к заработной плате женщин, которая почти в половину меньше заработной платы мужчин [16].

Даже в экономически развитых странах, где различия в уровне образования по признаку пола постепенно стираются, дискриминация женщин в оценке их труда слишком очевидна. Не составляют исключения и международные организации. Например, в ООН имеет место очевидная дискриминация женщин. Так, штат ее сотрудников долгое время состоял исключительно из мужчин, хотя Устав говорит о недопустимости дискриминации по признаку пола. Соблюдение в ООН этого правила обеспечило бы равенство мужчин и женщин в ее главных и вспомогательных органах. Генеральная Ассамблея, Экономический и Социальный совет и другие органы ООН неоднократно обращали внимание на этот факт. Так, на пяти ежегодных сессиях ГА ООН подряд (с 45-й по 49-ю) отмечалась недостаточность представительства женщин в органах ООН. Выносились рекомендации довести показатель общего участия женщин на постах, подлежащих

географическому распределению, до 35 %, а показатель участия на постах на уровне D-1 (дипломатический уровень 1) – до 25 %. Но, как отмечала Комиссия по статусу женщин, доля женщин среди персонала ООН осталась по-прежнему низкой.

Трудовой кодекс РФ объединил в особую группу субъектов трудового права женщин и иных лиц с семейными обязанностями [17]. Термин «лица с семейными обязанностями» заимствован из Конвенции МОТ № 156 (1981 г.) «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями», ратифицированной Россией в 1998 г. [18]

Названная конвенция не является единственным источником международного права, регулирующим труд женщин. Так, закрепляя в ст. 6 признание права каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах подчеркивает необходимость принятия участвующими государствами мер по особой охране матерей в течение разумного периода до и после родов с предоставлением работающим матерям оплачиваемого отпуска по беременности и родам [12].

Приведенные положения Пакта получили дальнейшее развитие и конкретизацию также в ратифицированной Россией Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) [19].

Для России отнесение прав человека, в том числе прав человека женщин (по терминологии ООН), к сфере международного права имеет особое значение. Однако отличительными чертами правового статуса женщин в современной России остаются:

1) низкое представительство женщин в федеральных органах и органах власти субъектов Федерации, на руководящих производственных постах и в предпринимательстве. Доля женщин среди работников, замещающих наивысшие должности категории «А», незначительна. Среди тех, кто замещал должности более низко-

го уровня – категории «Б», они составляли уже 14,4 %, а категории «В» – 70,8 %. Россия занимает 84-е место наряду с такой страной, как Камбоджа, по числу женщин, представленных в Парламенте. Так, среди 166 сенаторов Совета Федерации только 8 женщин (4,8 %). В то же время следует констатировать, например, частичный прогресс в данном направлении, связанный с увеличением доли женщин в системе МВД России до 15 % [20, с. 353];

2) отсутствие равных прав на рынке труда;

3) «разрушение традиционной социальной инфраструктуры, ведущее к проблемам в бытовой сфере; неблагоприятная демографическая ситуация, влияние негативных последствий межнациональных и военных конфликтов и т.п.» [21, с. 72];

4) достаточно высокий удельный вес женщин среди безработных;

5) женщины больше мужчин заняты малоквалифицированным трудом, многие из них трудятся на тяжелых физических работах и на производстве с вредными условиями труда;

6) лишь незначительное число женщин, имеющих высшее образование, может сделать профессиональную карьеру;

7) увеличивается женский травматизм на производстве;

8) в сфере труда сохраняется искусственное деление на мужские и женские профессии;

9) достаточно распространенным является отказ женщинам в трудоустройстве из-за нежелания предоставлять ей льготы как будущей матери или матери малолетних детей и т.п.

В связи с этим обязательность установления дополнительных гарантий для женщин (среди них беременные женщины; женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет; одинокие матери, воспитывающие ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида до 18 лет); женщины, работающие в сельской местности) обусловлена, во-первых, необходимостью усиленной государственной защиты женщины от дискриминации в сфере труда, во-вторых, физиологическими особенностями женского

организма и, в-третьих, репродуктивной функцией женщины.

Иными словами, в рамках российского законодательства должен быть создан механизм, направленный на практическую реализацию гендерного равенства, в том числе через систему юридических гарантий [22, с. 18; 23, с. 31].

Устранить неравенство между полами в области трудовых отношений могло бы скорейшее принятие федерального закона о введении общего социального норматива соотношения оплаты труда в бюджетной и небюджетной сферах. Предложения о необходимости принятия такого закона неоднократно выдвигались учеными и практиками. Говорится об этом и в Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, одобренной Государственной Думой РФ осенью 1997 г. [24] В законодательном закреплении нуждаются и возможности предоставления женщине рабочего места и самостоятельного дохода.

Кроме того, для выработки национального механизма защиты прав и интересов женщин в России необходимо провести, во-первых, экспертизу существующего законодательства России, во-вторых, разработать критерии и подходы к оценке дискриминации в отношении женщин, в-третьих, провести анализ действующего механизма контроля за соблюдением международных и российских законодательных актов в отношении прав женщин. Такая работа требует объединения усилий специалистов разных отраслей.

Безусловно, данные предложения в целом соответствуют основным положениям Послания Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. Так, он отмечал, что основу нашей правовой политики должна составить идеология, в центре которой, во-первых, человек как личность и гражданин; во-вторых, значение нравственных ценностей, включая уважение, в развитии российской государственности, демократии, повышении активности граждан и их объединений в политической и правовой жизни российского общества; в-третьих,

формирование качественно новой российской правовой системы и независимого суда, преодоление столь укоренившегося в сознании россиян пренебрежения к праву; в-четвертых, необходимость повышения уровня доверия людей к власти вообще и деятельности правоохранительных органов в частности [25].

1. Декларация 4-й Европейской Конференции министров по вопросам равенства между мужчинами и женщинами 1997 г. Документ опубликован не был.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.

3. Бутылин В.Н., Гончаров И.В., Барбин В.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. М.: ЦОКР МВД России, 2009. 232 с.

4. Афанасьев В.С. Законность и правопорядок // Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 472 с.

5. Труд, семья, быт советской женщины / отв. ред. С.В. Поленина. М.: Юрид. лит., 1990. 432 с.

6. Ломакина М.В. Международная защита прав женщин // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 37-45.

7. Ломакина М.В. О проблемах прав женщин // Правозащитник. 1999. № 2. С. 18-26.

8. Чеботарева А.С. Защита прав женщин в Европейском Союзе // Государство и право. 1995. № 2. С. 88-96.

9. Шеппели К.Л. Защита социальных прав с позиций реальной политики // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1. С. 52-66.

10. Конвенция Международной организации труда № 103 об охране материнства (пересмотренная в 1952 году), Женева, 28 июня 1952 г. // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919-1956. Т. I. Женева, 1991.

11. Поленина С.В., Скурко Е.В. Право, гендер и культура в условиях глобализации. М.: Формула права, 2009. 192 с.

12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

13. Хартия основных прав Европейского Союза // Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 302-314.

14. Декларация Международной организации труда об основополагающих принципах и правах в сфере труда // Рос. газ. 1998. 16 дек.

15. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

16. Обобщенные статистические данные о занятости населения в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости Российской Федерации. URL: <http://www.rostrud.ru>.

17. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: ред. от 29 дек. 2010 г. № 437-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.; 2010. 31 дек.

18. О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями: конвенция Международной организации труда № 156 (1981 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 32. Ст. 3284.

19. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

20. Астапенко П.Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 517 с.

21. Пасешникова Л.А. Признание, соблюдение, защита прав российских женщин как основная обязанность государства // Актуальные проблемы социально-правовой защиты женщин. СПб.: Бизнес-Пресса, 1998. С. 45-57.

22. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 18-24.

23. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1984. 163 с.

24. О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных

прав и равных возможностей мужчин и женщин: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20 нояб. 1997 г. № 1929-П ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 48. Ст. 5527.

25. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Рос. газ. 2008. 6 нояб.

Раздел 8. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ

Н.Г. Романова

(адъюнкт кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Тюменского юридического института МВД России; nata_77r@mail.ru)

В статье анализируются нормативные правовые акты, регулирующие деятельность органов внутренних дел на водном транспорте, рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования органов внутренних дел на водном транспорте, вносятся предложения об издании нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел на водном транспорте.

Ключевые слова: водный транспорт, нормативные правовые акты, регулирующие деятельность ОВД на водном транспорте, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, правонарушения.

Впервые правовой статус прообраза современных органов внутренних дел на транспорте был установлен 20 ноября 1809 г. Высочайшим Манифестом «Об управлении водными и сухопутными сообщениями». Для подготовки специалистов в этой отрасли государственного хозяйства был создан особый институт. В его штате «...для судоходства и полицейского надзора как по водным, так и по сухопутным сообщениям» была учреждена полицейская команда [1, с. 8].

По мнению многих авторов, современные ОВДТ являются одним из эффективных инструментов государства в деле обеспечения правопорядка. В свете проводимых государством реформ совершенствование деятельности органов внутренних дел на транспорте объективно требует четкого правового опосредствования, поскольку в правовом государстве, каковым объявила себя Россия, любая идея повышения качества работы государственного органа, не подкрепленная правом, теряет всякий смысл. В данной статье будет проведен анализ действующих нормативных правовых актов, касающихся деятельности полиции на водном транспорте, и в первую очередь международных правовых актов, которые подразделяются на универсальные конвенции и двусторонние договоры.

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.), дает право каждому государству-участнику принимать такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления юрисдикции в отношении преступлений, перечень которых указан в Конвенции, дает право заключать под стражу преступников и действовать в соответствии со своим законодательством. Кроме того, государства-участники содействуют в предотвращении совершения преступлений [2].

Международные договоры (соглашения) могут заключаться как по общим вопросам безопасности на транспорте, так и по отдельным вопросам предупреждения экологических правонарушений.

Так, в ст. 1 Соглашения о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с преступностью на транспорте (Ереван, 25 октября 1995 г.) определяется круг взаимодействия по вопросам предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершаемых на транспорте, в первую очередь: умышленные преступления против жизни и здоровья людей; незаконные перевозки наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых, сильнодейству-

ющих, ядовитых веществ и радиоактивных материалов; нелегальный вывоз товаров и сырья, валютных, культурных и исторических ценностей; хищения грузов, а также собственности пассажиров [3].

Таковыми соглашениями определяются формы сотрудничества, порядок направления запросов, язык, на котором должны направляться запросы и ответы на них, проведение совместных учений. Например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея посвящено вопросам сотрудничества в области предупреждения незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов (Сеул, 22 декабря 2009 г.) [3].

В соответствии с поставленной целью далее рассмотрим Основной Закон Российской Федерации – Конституцию РФ. Она не содержит упоминания об органах внутренних дел на транспорте, впрочем, как и об органах внутренних дел вообще. Следовательно, говорить об их конституционно-правовом статусе или, точнее, о конституционных элементах статуса не приходится. Не определяет место органов внутренних дел на транспорте в системе правоохранительных органов и конституционное законодательство.

В основном отраслевом Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [4] термин «органы внутренних дел на транспорте» также не используется, а деятельность полиции на водном транспорте вообще не регулируется федеральным законодательством. В своей работе сотрудники органов внутренних дел на водном транспорте могут опираться на общие нормы федерального и иного законодательства, установленные для водного транспорта в целом, а также специальные нормы, установленные для органов внутренних дел в целом.

Статья 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ устанавливает такие основные понятия, как: внутренний водный транспорт Российской Федерации, внутренние водные пути Российской Федерации, судоходство, судно, самоходное транспор-

тное судно, судно смешанного (река-море) плавания, инфраструктура внутренних водных путей, пункт отстоя, путевые работы, пассажир, речной порт, причал, перевозчик, судовладелец, судовождение, судно смешанного (река-море) плавания, которые необходимы для правильной квалификации административных правонарушений, а также для определения границ оперативного обслуживания органов внутренних дел на водном транспорте [5].

Следующий кодифицированный нормативный правовой акт – Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ. В ст. 1 Кодекса определяются основные понятия: акватория; водное хозяйство; водные ресурсы; водный объект; водный режим; водный фонд; водоотведение; водопотребление; водоснабжение; водохозяйственная система; водохозяйственный участок; дренажные воды; использование водных объектов (водопользование); истощение; негативное воздействие вод; охрана водных объектов; речной бассейн [6].

С точки зрения О.А. Боголюбова и Д.О. Сивакова, Водный кодекс РФ в основном регулирует отношения в области гражданского законодательства и определяет круг органов государственной власти и местного самоуправления, которым поручен контроль и надзор за исполнением водного законодательства [6]. Полномочия органов внутренних дел в части охраны судоходных гидротехнических сооружений и средств навигационного оборудования, которые подлежат круглосуточной охране, ограничиваются согласованием их перечня (ст. 12 Кодекса).

Охрана данных объектов в целях их защиты от противоправных посягательств осуществляется соответствующими подразделениями ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации, органов внутренних дел Российской Федерации и организациями, находящимися в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации [7]. Сотрудники органов внутренних дел на водном транспорте при осуществлении административной юрисдикции, кроме того, используют в своей деятельности нормы Кодекса Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях (ст.ст. 11.14, 11.15, 11.17 КоАП).

Учитывая бланкетность и компетенционный характер указанных норм, особое значение приобретают нормативные правовые акты, раскрывающие признаки правонарушений, которые посягают на безопасность водного транспорта. В связи с этим законодательную основу правового статуса органов внутренних дел на транспорте как целостного института составляют, хотя и частично, законы экономической, а не правоохранительной направленности (Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»; Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации»; ст. 7 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации») [2].

Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» дает следующие понятия: водные биологические ресурсы, анадромные виды рыб, катадромные виды рыб, трансграничные виды рыб и других водных животных, трансзональные виды рыб и других водных животных, далеко мигрирующие виды рыб и других водных животных, сохранение водных биоресурсов, добыча (вылов) водных биоресурсов, рыболовство, промышленное рыболовство прибрежное рыболовство, общий допустимый улов водных биоресурсов, квота добычи (вылова) водных биоресурсов, доля квоты добычи (вылова) водных биоресурсов, любительское и спортивное рыболовство, аквакультура, товарное рыбоводство, разрешение на добычу (вылов) водных биоресурсов, рыбное хозяйство, уловы водных биоресурсов [8].

Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» определены цели и задачи обеспечения транспортной безопасности, принципы обеспечения транспортной безопасности, порядок планирования и реализацию мер

транспортной безопасности, требования по обеспечению транспортной безопасности, ограничения при приеме на работу, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности, права и обязанности субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков в области обеспечения транспортной безопасности [9].

Из норм указанного закона, как справедливо отмечает Е.А. Бевзюк, можно уяснить, что специальный государственный контроль осуществляется специально уполномоченными государственными органами, определяемыми Правительством РФ. Функции МВД России по проведению оценки уязвимости транспортного комплекса носят согласительный характер. Форму согласования принятых решений закон не определяет. Наиболее оптимальным представляется взаимодействие указанных органов посредством формирования конкретных предложений и процедур по осуществлению оценки уязвимости, которые затем рассматриваются специально уполномоченным министерством и трансформируются в принимаемые им акты. Поскольку в вопросе обеспечения транспортной безопасности ФСБ России и МВД России являются органами общей компетенции, определяющими критерии обеспечения транспортной безопасности в рамках обеспечения безопасности государства (национальной безопасности), то эти органы разрабатывают общие рекомендации по обеспечению транспортной безопасности. В компетенции Министерства транспорта РФ находится обеспечение транспортной безопасности, поэтому оптимальную детализацию процедуры проведения оценки уязвимости разрабатывает данный орган [10].

Осуществлять оценку уязвимости транспортного комплекса вправе и Министерство внутренних дел, которое выступает равным субъектом Министерству транспорта. Закон не определяет, каким образом будут строиться взаимоотношения по проведению оценки и утверждению ее результатов между органами власти одного уровня. Хотя, в случае чрезвычайных ситуаций, к числу которых можно отнести террористические акты, подразделениям

МВД России предоставляются дополнительные полномочия по предотвращению угроз безопасности на объектах транспортного комплекса, в силу которых сотрудники органов внутренних дел вправе действовать без каких-либо утверждений, привлекая к экстренному решению возникшей проблемы любых государственных служащих и граждан.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности Российской Федерации [11].

Указ Президента РФ от 31 марта 2010 г. № 403 «О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте» определил сроки оснащения наиболее уязвимых объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств специализированными техническими средствами и устройствами, обеспечивающими устранение их уязвимости от актов незаконного вмешательства, создания комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте, прежде всего на метрополитене и других видах общественного транспорта, предотвращения чрезвычайных ситуаций и террористических актов на транспорте, а также обеспечения защиты населения [3].

Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» устанавливает, что управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральным округам, линейные управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном

транспорте, линейные отделы Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте являются территориальными органами внутренних дел.

Одним из полномочий МВД России является «участие в разработке мер по обеспечению авиационной безопасности в области гражданской авиации», об органах внутренних дел на водном и железнодорожном транспорте в указанном нормативном правовом акте ничего не сказано (гл. 2 Указа) [12].

Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» определяет задачи, полномочия территориальных органов внутренних дел, полномочия руководителей территориальных органов внутренних дел. Один из недостатков этого документа заключается в том, что его нормы являются общими для всех территориальных органов внутренних дел. Очевидно, что деятельность органов внутренних дел на транспорте является специфичной, поэтому необходимо выделить для них отдельные задачи и полномочия [3].

В ранее действовавшем Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 г. № 927, также не было конкретного упоминания о полномочиях и статусе органов внутренних дел на транспорте [3].

Однако в еще более раннем Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 1039, отсылка к органам внутренних дел на транспорте существовала [3]. Анализ действующих нормативных правовых актов позволяет констатировать, что Министерство внутренних дел Российской Федерации организует и обеспечивает:

– осуществление оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступностью в сфере охраны водных биоресурсов и внешнеторговой деятельности с продукцией рыбного промысла во взаимодействии с

оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законодательством Российской Федерации;

– содействие взаимодействующим федеральным органам исполнительной власти в оформлении материалов доследственной проверки при обнаружении преступлений в сфере охраны водных биоресурсов и внешнеторговой деятельности с продукцией рыбного промысла, проведение в пределах своей компетенции расследований по выявленным фактам преступлений в указанных сферах;

– участие в проведении контрольно-проверочных мероприятий в районах промысла и на маршрутах транспортировки продукции рыбного промысла самостоятельно или с направлением сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на корабли (катера, суда) Федеральной службы безопасности Российской Федерации и на суда органов рыбоохраны Федерального агентства по рыболовству в составе групп взаимодействующих органов [6].

Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 743 «Об утверждении Положения о ведомственной охране Министерства транспорта Российской Федерации» устанавливает, что перечень охраняемых объектов утверждается Министерством транспорта Российской Федерации по согласованию с Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Работники ведомственной охраны также обязаны ежегодно проходить периодические проверки на годность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Указанные проверки осуществляются в порядке, установленном Министерством внутренних дел Российской Федерации. Порядок учета, хранения, выдачи, использования и транспортировки ведомственной охраной специальных средств, служебного огнестрельного и боевого оружия, программы подготовки работников ведомственной охраны к действиям в условиях, связанных с применением служебного огнестрельного и боевого оружия,

специальных средств и физической силы, а также перечни работников ведомственной охраны, подлежащих обеспечению служебным огнестрельным оружием и специальными средствами, отдельными типами и моделями боевого оружия, утверждаются Министерством транспорта Российской Федерации по согласованию с Министерством внутренних дел Российской Федерации [8].

Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р утверждает Комплексную программу обеспечения безопасности населения на транспорте. Программа представляет собой комплекс мероприятий, направленных на реализацию задач, которые обеспечивают формирование, развертывание, функционирование и развитие комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте. Кроме этого, определяются понятия: безопасность населения на транспорте; обеспечение безопасности населения на транспорте.

Согласно Программе основными угрозами безопасности населения на транспорте являются: угрозы совершения актов террористической направленности; угрозы техногенного и природного характера.

Данная программа включает основные элементы комплексной системы, функциональные задачи и принципы формирования Программы, цели, приоритетные направления и задачи, этапы реализации и т.д.

Постановление Правительства РФ от 11 апреля 2000 г. № 324 «Об утверждении Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания» определяет следующие основные понятия: морское судоходство; морская безопасность; защита морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания; незаконные акты, направленные против безопасности мореплавания; судно; судовладелец; морской порт; морской торговый порт; морской специализированный порт.

Защита морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания, обеспечивается

комплексом мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического характера, предусматривающих создание и функционирование координационных органов и оперативных штабов различного уровня, подразделений морской безопасности, охрану судов и портовых сооружений, дозор членов экипажей, обслуживающего персонала, пассажиров, ручной клади, багажа, грузов, средств технического обеспечения и продовольственного запаса [3].

Мероприятия по защите морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания, проводятся Министерством транспорта Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Министерством обороны Российской Федерации, Федеральной таможенной службой, Министерством иностранных дел Российской Федерации, Службой внешней разведки Российской Федерации, Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, которые осуществляют указанные мероприятия в пределах своей компетенции как самостоятельно, так и во взаимодействии друг с другом, с другими федеральными органами исполнительной власти, с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [3].

Поскольку органы внутренних дел на транспорте являются специфическим подразделением, со своей подсистемой, то соответственно их деятельность должна детально регламентироваться ведомственными нормативными правовыми актами. Однако проведя анализ нормативных правовых актов ведомственной принадлежности, следует отметить, что здесь имеется серьезный правовой пробел.

Так, Приказ МВД России от 13 апреля 1993 г. № 166 «О совершенствовании организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» дает понятие строевых подразделений пат-

рульно-постовой службы полиции – полки, батальоны, роты, взводы, отделения, которые предназначены для выполнения задач по обеспечению личной безопасности граждан, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах. Строевые подразделения входят в штаты соответствующих территориальных органов внутренних дел, органов внутренних дел на транспорте и находятся в непосредственном подчинении их начальников [3]. Кроме того, в приказе раскрываются основные функции строевых подразделений, порядок взаимодействия строевых подразделений с другими службами органов внутренних дел и общественными формированиями, обязанности и права командира строевого подразделения, обязанности заместителя начальника органа внутренних дел – начальника службы охраны общественного порядка, обязанности начальника органа внутренних дел по организации работы строевого подразделения. Приказ МВД России от 19 июня 1997 г. № 379 «О мерах по повышению эффективности работы комплексных сил милиции и внутренних войск в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности» утверждает виды отчетности по несению патрульно-постовой службы.

Приказ МВД России от 19 февраля 1999 г. № 123 «Об утверждении Положения о Главном управлении внутренних дел на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации» определяет структуру Главного управления, которая в настоящее время устарела, а также основные задачи, функции, взаимоотношения и связи, компетенция начальника Главного управления.

Анализ вышеуказанного нормативного правового акта и правоприменительной практики показал, что для организации действенного взаимодействия недостаточно только разграничить объекты и территорию оперативного обслуживания. Необходимо также определить принципы,

нормативную правовую базу, участников взаимодействия и выработать его алгоритмы на приоритетных направлениях борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, разграничивающим компетенцию между территориальными и линейными ОВД, является приказ МВД России от 10 июля 2008 г. № 598 «Об организации взаимодействия между органами внутренних дел на транспорте и МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации, органами внутренних дел в закрытых территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах и разграничении объектов оперативного обслуживания». Данным актом утверждена Инструкция об организации взаимодействия между органами внутренних дел на транспорте и МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации и органами внутренних дел в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах.

Указанный нормативный правовой акт, в отличие от ранее действовавшего приказа МВД от 21 июня 2000 г. № 671, достаточно широко определяет порядок взаимодействия между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел, а также утверждает перечень объектов транспорта, находящихся в оперативном обслуживании ОВДТ, и перечень объектов, не находящихся в оперативном обслуживании ОВДТ.

Несмотря на достаточно продолжительное время его действия и происшедшие за этот период изменения в транспортном комплексе страны, данный нормативный правовой акт корректировке не подвергался. Вытекающие из содержания рассматриваемого приказа проблемные вопросы следует разделить на две категории:

- а) связанные собственно с распределением объектов оперативного обслуживания между линейными и территориальными ОВД;
- б) связанные с недостаточно полным определением механизма (алгоритма) вза-

имодействия либо отсутствием такового (это группа проблем организационного характера).

Охрана объектов авиационного комплекса – еще один важный аспект взаимодействия линейных и территориальных ОВД. Однако приказ МВД России от 10 июля 2008 г. № 598, так же как и приказ МВД России от 21 июня 2000 г. № 671, соответствующих положений, которые регламентировали бы порядок организации их совместной деятельности в этой сфере, не содержит.

В качестве примера неопределенности положений приказа от 10 июля 2008 г. № 598 организационного характера можно назвать проблемный вопрос осуществления проверок в сфере арендных отношений между предприятиями железнодорожного транспорта и коммерческими организациями, зарегистрированными в различных субъектах Российской Федерации. В связи с этим следует согласиться с Т.С. Валиулиным, который отмечает, что требуется более тесное взаимодействие с территориальными ОВД по организации совместных проверок финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, зарегистрированных на их территории обслуживания [13, с. 30].

Рассмотрим еще один пример. В п. 3 приложения № 2 к приказу МВД России от 10 июля 2008 г. № 598 к объектам оперативного обслуживания линейных ОВД относятся объекты, обеспечивающие безопасность следования подвижного железнодорожного состава – светофоры, релейные шкафы, средства сигнализации и связи, блокировки, а также энергоснабжения. В ситуации, когда подстанция или кабель СЦБ находятся на значительном удалении (5-10 км) от железнодорожного полотна, оперативное или физическое прикрытие таких объектов сотрудниками транспортной полиции проблематично. В связи с этим возникает необходимость взаимодействия линейных ОВД с территориальными ОВД.

Исходя из вышесказанного следует констатировать, что в настоящее время на ведомственном уровне недостаточно четко проведено разграничение компетенции

между линейными и территориальными ОВД. Действующий приказ МВД России от 10 июля 2008 г. № 598 нуждается в существенной корректировке.

В современных условиях должен быть изменен принципиальный подход к разграничению компетенции транспортной и территориальной полиции. В приказе МВД России от 10 июля 2008 г. № 598, так же как и в ранее действовавшем приказе МВД России от 21 июня 2000 г. № 671, разработчиками был использован преимущественно территориальный принцип разграничения, когда за основу определения этого «водораздела» положен, по существу, географический фактор, связанный с размещением объектов оперативного обслуживания (собственно, это и отражено в названии приказа). Однако анализ деятельности транспортной и территориальной полиции, опыт, накопленный за время, прошедшее с момента вступления приказа в силу, показывают, что этого принципа разделения компетенции двух служб недостаточно. Очевидно, что различия в «наборе» полномочий ОВДТ и ОВД проявляются не только в связи с различными «зонами» ответственности. В силу специфичности среды функционирования транспортной полиции ОВДТ принимают на себя особые, исключительные, свойственные только им функции, не реализуемые территориальными ОВД. Например, это проведение предполетного досмотра пассажиров, ручной клади и багажа; контроль за пассажиропотоком с использованием специальных информационных систем и программных продуктов (ПТК «Розыск-магистраль»); сопровождение пассажирских поездов (как пригородных, так и дальнего следования); борьба с преступными посягательствами на грузы; осуществление специальных перевозок в интересах подразделений системы МВД России и иных силовых и правоохранительных структур. В перспективе к этому перечню может добавиться сопровождение вооруженными сотрудниками ОВДТ воздушных судов гражданской авиации во время полета. Эти специфические функции в качестве условия их реализации предполагают наличие особых полномочий, необходимого штата сотрудников, прошед-

ших специальную подготовку, формирование специализированных подразделений в структуре системы органов внутренних дел на транспорте (группы сопровождения, отделения авиационной безопасности, подразделения борьбы с преступными посягательствами на грузы и т.д.). При этом указанные выше функции, отмечает Т.С. Валиулин, территориальными органами внутренних дел в своей оперативно-служебной деятельности не осуществляются и нормативно за ними не закреплены [13, с. 35].

Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности» утверждает устав патрульно-постовой службы полиции, который определяет правовые и организационные основы деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, основные задачи и функции строевых подразделений ППСП, порядок создания и функционирования строевых подразделений ППСП, правовое положение должностных лиц строевых подразделений ППСП, управление силами и средствами ППСП. В отдельную главу выделены особенности организации патрульно-постовой службы на железнодорожном, водном и воздушном транспорте.

Приказ от 29 января 2008 г. № 81 «Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах» утверждает Наставление об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах, которое определяет основы организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации при реализации ими на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортных средствах общего пользования и в других общественных местах возложенных на них задач по защите жизни и здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и

государства от преступных и иных противоправных посягательств [3].

Приказ МВД России от 2 сентября 2009 г. № 684 «Об утверждении Регламента взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти» устанавливает правила организации взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с другими федеральными органами исполнительной власти, а также с Федеральной миграционной службой, правовой статус органов внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, а также регламентирует их компетенцию [3].

Приказ МВД России от 3 сентября 2010 г. № 644 «Об утверждении Типового положения о линейном отделе (управлении) внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» определяет основные полномочия и организацию деятельности линейного отдела (управления) внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, устанавливает, что линейный орган внутренних дел является территориальным органом Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне и входит в систему органов внутренних дел Российской Федерации. Он осуществляет полномочия органов внутренних дел Российской Федерации в области обеспечения безопасности личности, защиты собственности от противоправных посягательств, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, борьбы с преступностью на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также выполняет иные функции. В данном нормативном правовом акте четко закреплены задачи линейного органа внутренних дел, его функции и полномочия. Однако, по нашему мнению, этого недостаточно, так как Положение унифицировано, поскольку устанавливает общие правовые нормы, закрепляет одинаковые функции и права для железнодорожного, водного и воздушного транспорта. С одной стороны, все виды транспорта как объекты охраны стоят на одной ступени системы охраны правоохра-

нительных органов, с другой – каждый из них имеет свою специфику. Исходя из этого необходимо принятие нормативных правовых актов, регулирующих деятельность транспортной полиции в зависимости от вида транспорта. Отсутствие таких актов осложняет деятельность сотрудников органов внутренних дел на транспорте.

Кроме того, следует отметить, что в свете реформы МВД России анализируемый нормативный акт несколько устарел и требует переработки и приведения в соответствие с Федеральным законом РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Безусловно, сотрудникам ОВДТ при исполнении своих должностных обязанностей необходимо руководствоваться кроме нормативных актов Министерства внутренних дел России нормативными актами других министерств и ведомств, в частности Министерства транспорта Российской Федерации.

Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 3 апреля 2000 г. № 28 «Об утверждении правил ведения судовой роли» устанавливает единый порядок ведения судовой роли [3].

Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 26 сентября 2001 г. № 144 «Об утверждении Правил государственной регистрации судов» устанавливает следующие понятия: регистрационный номер; судно; органы, осуществляющие государственную регистрацию судов. В Приказе указаны органы, осуществляющие государственную регистрацию, основания для государственной регистрации прав на судно, порядок государственной регистрации судов, требования к документам, представляемым на государственную регистрацию [3].

Более подробно порядок ведения судовой роли на судах рыбопромыслового флота Российской Федерации регламентирован в Приказе Госкомрыболовства РФ от 3 марта 2004 г. № 112 «Об утверждении Правил ведения судовой роли на судах рыбопромыслового флота Российской Федерации». Данный приказ устанавливает единый порядок ведения судовой роли и является обязательным для капитанов мор-

ских портов, судовладельцев, независимо от формы собственности, капитанов судов рыбопромыслового флота, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, а именно разъясняет, какие сведения содержит судовая роль и порядок ее заполнения [3].

Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 14 октября 2002 г. № 129 «Об утверждении правил плавания по внутренним водным путям Российской Федерации» определяет понятия: судно, самоходное транспортное судно, скоростное судно, маломерное судно и др. В данном нормативном правовом акте определены требования, предъявляемые к капитану судна и экипажу, а также правила плавания по внутренним водным путям [3].

Приказ Минтранса РФ от 11 февраля 2010 г. № 34 «Об утверждении Порядка разработки планов обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» устанавливает процедуру получения субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками информации по вопросам обеспечения транспортной безопасности от уполномоченных федеральных органов исполнительной власти [3].

Приказ Минтранса РФ от 6 сентября 2010 г. № 194 «О Порядке получения субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками информации по вопросам обеспечения транспортной безопасности» устанавливает процедуру получения субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками информации по вопросам обеспечения транспортной безопасности от уполномоченных федеральных органов исполнительной власти [3].

Приказ Министерства транспорта РФ от 29 декабря 2010 г. № 307 «О создании Совета по реализации Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» утверждает положение о Совете по реализации Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте, его основные задачи, состав, структуру и организацию деятельности [3].

Распоряжение Федерального агентства морского и речного транспорта от 3 октября 2005 г. № АД-268-р «Об утверждении Плана действий Федерального агентства морского и речного транспорта в кризисных ситуациях» определяет понятия: кризисная ситуация, государственная система, силы и средства государственной системы, режим функционирования органов управления, сил и средств государственной системы, критически важные объекты Российской Федерации, объекты морского и речного транспорта, силы и средства, силы оперативного реагирования, специальная операция [2].

Проведя анализ нормативной правовой базы, регулирующей деятельность органов внутренних дел на водном транспорте, следует констатировать, что она является далеко не совершенной. Это отмечается исследователями на протяжении последних десяти лет. Так, по меткому замечанию Ю.В. Степаненко, «органы внутренних дел на транспорте как обособленная институтированная подсистема обладают весьма усеченным правовым статусом, элементы которого рассредоточены по нормативным правовым актам разного уровня и направленности» [14, с. 10.]. Основная доля нормативных правовых актов регулирует деятельность морского и речного транспорта, большая часть нормативных правовых актов регулирует деятельность органов внутренних дел в целом и лишь небольшая группа нормативных правовых актов регулирует деятельность именно органов внутренних дел на транспорте. Деятельность органов внутренних дел на водном транспорте специальными нормативными правовыми актами не урегулирована вообще. Вследствие этого сотрудникам подразделений полиции на водном транспорте в своей деятельности необходимо руководствоваться нормативными правовыми актами как Министерства внутренних дел России, так и других министерств и ведомств. В связи с этим полагаем, что необходимо принять нормативный правовой акт, регулирующий деятельность полиции на водном транспорте – «Типовое положение об организации деятельности органов

внутренних дел на водном транспорте», в котором следует учесть действующее законодательство, которое было рассмотрено и проанализировано выше с учетом нынешней обстановки и реформирования органов внутренних дел и транспортного комплекса.

Кроме этого, на наш взгляд, необходимо принять внутриведомственный нормативный акт совместно с Министерством транспорта – «Инструкцию по взаимодействию органов внутренних дел на водном транспорте с организациями и предприятиями Министерства транспорта РФ в области охраны общественного порядка и обеспечения безопасности на объектах водного транспорта».

1. Степаненко Ю.В. Об оптимизации правового статуса органов внутренних дел на транспорте // Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте и пути их решения: материалы междунар., межведомственной науч.-практ. конф., 22 сент. 2006 г. М., 2007. С. 8-16.

2. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 48. Ст. 4469.

3. Гарант эксперт [Электронный ресурс]: Гарант эксперт 2010 – ГАРАНТ-Максимум. Арбитражная практика России, объединенный с ГАРАНТ-Класс.

4. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

5. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 11. Ст. 1001.

6. Сиваков Д.О., Боголюбов С.А. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ [Электронный ресурс]: комментарий // Законодательство и

экономика. 2007. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант эксперт».

7. Об утверждении Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 11 апреля 2000 г. № 324: ред. от 14 июля 2006 г. № 425 // Гарант эксперт 2010 – ГАРАНТ-Максимум. Арбитражная практика России, объединенный с ГАРАНТ-Класс.

8. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52 (часть I). Ст. 5270.

9. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

10. Бевзюк Е.А. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Электронный ресурс]: комментарий / под ред. С.Ю. Морозова. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант эксперт».

11. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

12. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334.

13. Валиулин Т.С. Разграничение компетенции между территориальными, линейными органами внутренних дел и другими субъектами правоохранительной деятельности на транспорте // Вопросы совершенствования деятельности милиции общественной безопасности: сборник № 14. М.: ДООП МВД России; ВНИИ МВД России, 2007. С. 30.

14. Степаненко Ю.В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ НАРЯДАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД МВД РОССИИ

Ю.Н. Калюжный

(начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Орловского юридического института МВД России, кандидат юридических наук; kaluzhniy-y@yandex.ru)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с основными направлениями совершенствования контроля и надзора, осуществляемых подразделениями дорожно-патрульной службы, за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, высказываются предпосылки дальнейшего вектора развития рассматриваемых подразделений.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-патрульная служба, контроль дорожного движения.

Дорожно-патрульная служба (далее – ДПС) является структурным подразделением Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ежегодно в целях выполнения одной из важнейших задач ДПС – обеспечения соблюдения участниками дорожного движения Правил дорожного движения в целях сохранения жизни, здоровья и имущества, защиты законных прав и интересов граждан и юридических лиц, а также интересов общества и государства, обеспечения безопасного и бесперебойного движения автотранспорта – подразделениями ДПС в России проводятся тысячи разнообразных мероприятий по профилактике дорожно-транспортной аварийности, выявляются десятки миллионов нарушений Правил дорожного движения и иных нормативов, регламентирующих безопасность дорожного движения, налагаются штрафы, исчисляемые десятками миллионов рублей, около миллиона водителей лишаются права управления транспортными средствами.

Вместе с тем следует признать, что во многих регионах России данная служба действует недостаточно эффективно. Личный состав подразделений ДПС зачастую несет службу не в районах «очагов аварийности», его действия направлены не на профилактику, а на выявление как можно большего количества правонарушений. Ситуация осложняется тем, что

сотрудникам ДПС постоянно приходится выполнять действия, не связанные напрямую с обеспечением безопасности дорожного движения, за счет подчиненности не только руководству Госавтоинспекции, но и начальникам управлений МВД, ГУМВД, УМВД по субъектам Российской Федерации, что негативно отражается на состоянии аварийности, т.к. контрольно-надзорная деятельность инспекторского состава ДПС ослабляется из-за изменений, вносимых в расстановку личного состава.

Правовая основа деятельности ДПС определяется Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения», Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения», Наставлением по организации деятельности дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 2 марта 2009 г. № 186 дсп «О

мерах по совершенствованию деятельности дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», и иными нормативными правовыми актами МВД России, а также законодательными и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, правовыми актами органов местного самоуправления, изданными в пределах их полномочий.

Федеральным законом «О полиции» закреплена принципиально новая социальная модель деятельности органов внутренних дел, изменена профессиональная идеология ОВД [1]. Акцент делается исключительно на правоохранительной деятельности. Отныне полиция считается не «карающим органом», не институтом государственного принуждения, она призвана в первую очередь защищать права и свободы человека и гражданина, противодействовать преступности и охранять общественный порядок.

Анализ положений Федерального закона «О полиции» позволяет применительно к деятельности ДПС утверждать, что контроль дорожного движения как способ правоохранительного воздействия на нарушителей должен сочетаться с методами и стилем работы, приоритет в которых должен отдаваться убеждению и профилактике правонарушений, оказанию помощи гражданам и организациям при неукоснительном соблюдении законности, что не прослеживается в настоящее время в работе значительного количества нарядов ДПС.

Законодательная и иная нормативно-правовая, а также нормативно-техническая база не позволяет в настоящее время сформировать оптимальную структуру государственного управления, внедрить современные формы и методы деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Принятые нормативные акты по восполнению существующих правовых пробелов посвящены регламентации различных направлений деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения. Вместе с тем действующая правовая основа де-

ятельности по обеспечению безопасности дорожного движения еще несовершенна [2, с. 2]. Следует отметить, что дальнейшее развитие ДПС должно основываться на обновленной нормативно-правовой базе, которая бы абсолютно точно определяла:

1. Компетенцию, полномочия и роль ДПС в системе государственных органов, участвующих в обеспечении безопасности дорожного движения.

Только четкое распределение функциональных обязанностей всех составляющих государственной системы управления в сфере дорожного движения может определить основные векторы развития рассматриваемой службы, позволит выявить истинные показатели оценки эффективности ее функционирования.

В связи с реформированием Министерства внутренних дел Российской Федерации, в частности Госавтоинспекции, в управленческих звеньях ГИБДД распространено мнение о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования деятельности ДПС, повышения ее административно-правового и социального статуса, максимального отстранения от выполнения несвойственных функций, а также отстранения других служб ОВД от вмешательства в действия участников дорожного движения [3]. С 1998 г. утверждение «отстранение других служб ОВД от вмешательства в действия участников дорожного движения» стало официальной позицией МВД России, по которой контроль соблюдения Правил дорожного движения является исключительной компетенцией сотрудников ГИБДД и частично участковых уполномоченных (см. п. 5 приказа МВД России от 1 июня 1998 г. № 329 «О реформировании деятельности Госавтоинспекции МВД России», действовавшего до 2 марта 2009 г.). Эта тенденция видна и по результатам анализа приказа МВД России от 2 июня 2005 г. № 444 «О полномочиях должностных лиц МВД России по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях и административному задержанию», она также закреплена в п. 4 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской

Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 [3]. По нашему мнению, возникает необходимость в переработке следующих нормативных правовых актов: Положения о Госавтоинспекции, Наставления по организации деятельности ДПС ГИБДД МВД России, Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения.

2. Порядок осуществления дорожно-патрульной службой административно-юрисдикционной деятельности, которая является одним из важнейших факторов, определяющих состояние общественных отношений в такой социально значимой области общественной жизни, как обеспечение безопасности дорожного движения.

Именно в сфере административно-юрисдикционной деятельности возникает много конфликтных ситуаций, в которые втянуты, по сути, все субъекты права: и граждане, и государственные и муниципальные органы, и предприятия, и организации. От того, насколько рассматриваемые правоотношения урегулированы, оптимизированы и однозначно воспринимаемы, в конечном итоге зависит формирование условий взаимопонимания субъектов правоотношений, осознание участниками движения необходимости и неизбежности применения мер административного воздействия к нарушителям. В таких условиях следует признать абсолютно неприемлемым осуществление производства по делам об административных правонарушениях на основании методических рекомендаций, а не нормативного правового акта, либо на основании ведомственных нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству.

В частности, в соответствии с п. 146 Административного регламента Минис-

терства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, сотрудникам ДПС предписано, что основанием для задержания транспортного средства является выявление административных правонарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (повторное совершение управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, либо передача управления лицу, находящемуся в состоянии опьянения) [3]. Однако ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ «Задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации» не предусматривает возможность задержания транспортного средства при выявлении правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ.

Представляется необходимым устранить этот пробел, приведя права сотрудников ДПС по выявлению и пресечению тех или иных нарушений законодательства в области дорожного движения в соответствие с их компетенцией по документированию этих правонарушений и применению мер административного воздействия.

Кроме того, должно быть принято решение о том, имеют ли право сотрудники ДПС осуществлять контроль технического состояния транспортных средств на линии. Если да, то это право должно касаться всего личного состава и не ограничиваться теми или иными условиями путем издания ведомственных нормативных документов. Указанное позволит привести контрольно-надзорную функцию службы к разумному единообразию и в конечном итоге повысит уровень соблюдения законности в действиях ее личного состава. Продолжится работа и по применению различных технических средств сотрудниками ДПС, в том числе и видеорегистраторов, установленных в машинах Госавтоинспекции, а также видеокамер на постах.

Только при устранении правовых противоречий действия сотрудников Госавтоинспекции по обеспечению транспор-

тной безопасности будут восприниматься участниками дорожного движения как необходимость. Безусловно, контрольно-надзорная деятельность ДПС и работа по административно-правовому воздействию на нарушителей правил дорожного движения совершенствуется [4].

Обновление нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции, должно решить еще одну задачу – оптимизировать ее структуру и фактическое содержание. Деятельность ДПС непосредственно регулируется законами, подзаконными актами, ведомственными нормативными правовыми документами. Чрезмерное и большей частью несогласованное «распыление» норм, нередко сходных по предмету регулирования, является серьезным обстоятельством, затрудняющим их однозначное понимание и практическое применение. В связи с этим нормативной правовой базе, регулирующей функционирование ДПС, необходимо придать системность, исключая дублирование одних и тех же положений в различных документах.

Отдельным направлением дальнейшего развития ДПС является совершенствование форм и методов надзора за дорожным движением. Эффективность контроля за соблюдением установленных правил в сфере безопасности дорожного движения, выявление и своевременное пресечение правонарушений на дорогах во многом определяются правильностью выбора приемов (способов) несения дорожно-патрульной службы, форм ее организации, а также соответствующих вариантов расстановки имеющихся сил и средств.

Нормативными правовыми актами закреплены следующие основные формы несения службы нарядами ДПС ГИБДД МВД России:

- контроль за дорожным движением в пешем порядке;
- контроль за дорожным движением на патрульном транспортном средстве в движении или стационарном положении;
- осуществление контрольных функций на стационарных постах ДПС, контрольно-пропускных пунктах;

- регулирование дорожного движения;
- сопровождение транспортных средств;
- несение службы нарядами ДПС на средствах авиации (вертолеты, дирижабли и др.).

На наш взгляд, в ближайшей перспективе должна быть продолжена работа по сокращению стационарных постов. Уже сегодня очевидно, что они ограничены в возможностях осуществления надзора за дорожным движением. Несение службы на постах сохранится лишь для выполнения узконаправленных задач при проведении конкретных мероприятий. Госавтоинспекция уже отказывается от такой формы существования стационарных постов, как контрольные посты полиции, в связи с достаточно большим количеством личного состава, задействованного в несении службы, и малой эффективностью в решении задач, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения.

Вертолетное патрулирование поменяет свою направленность. Как весьма дорогостоящее, оно недостаточно эффективно в надзоре за движением автотранспорта. Безусловно, вертолетное патрулирование позволяет осуществить большой охват транспортных потоков и обнаружить нарушителей Правил дорожного движения достаточно быстро, однако задокументировать эти нарушения пока невозможно, а передавать сведения о них наземным нарядам ДПС для последующего разбирательства нецелесообразно, поскольку такие разбирательства в большинстве случаев будут вызывать конфликтные ситуации.

На наш взгляд, применение вертолетов необходимо для оценки дорожной обстановки на автомагистралях и оперативной доставки сотрудников Госавтоинспекции и спасательных служб к местам серьезных дорожно-транспортных происшествий, экстренной эвакуации с мест ДТП пострадавших, а также для коррекции действий автомотопатрулей при преследовании скрывающихся на автотранспорте преступников.

В настоящее время практикуются открытый, скрытый и смешанный методы контроля за дорожным движением с ис-

пользованием патрульного автотранспорта. Вполне вероятно, что скрытый и смешанный методы надзора будут постепенно терять свою актуальность. Процесс совершенствования законодательства, в том числе определяющего процедуру привлечения лиц к административной ответственности, потребует документального подтверждения факта совершения административного правонарушения. Эта проблема будет решаться путем оснащения службы приборами фото- и видеофиксации, применение которых в тактическом плане не вполне согласуется с названными выше методами надзора за дорожным движением.

Исходя из перечисленных выше факторов, а также анализа важнейших функций дорожной полиции в зарубежных странах, можно сделать вывод о том, что в основе деятельности сотрудников ДПС сохраняют актуальность следующие направления:

- оказание помощи участникам дорожного движения в осуществлении их законных прав и интересов;
- устранение причин, создающих транспортные заторы и иные угрозы непрерывности и безопасности движения;
- предупреждение, выявление и пресечение нарушений нормативов, действующих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, привлечение к ответственности лиц, совершивших такие правонарушения;
- оказание помощи гражданам, пострадавшим при ДТП;
- проведение учета данных происшествий и расследование по ним;
- участие в мероприятиях по розыску угнанных, похищенных и скрывшихся

с мест ДТП транспортных средств, охране общественного порядка.

Успех реализации указанных направлений будет зависеть от того, насколько правильно будет организована деятельность ДПС в складывающихся исторических, экономических и социальных условиях государства.

1. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Нургалиев Р.Г. Тревожные будни дорог [Электронный ресурс] // Рос. газ. URL: <http://www.rg.ru/2009/09/23/nurgaliev.html> (дата обращения: 30 июля 2011 г.).

3. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185: ред. от 31 дек. 2009 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30 июля 2011 г.).

4. Выступление Главного государственного инспектора безопасности дорожного движения Российской Федерации Виктора Кирьянова 10 февр. 2010 г. в рамках «Правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/documents/pdf/stenogramma-10.02.2010.pdf> (дата обращения: 30 июля 2011 г.).

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Sulimov V.S. The role of heirless property in building the Tobolsk man's grammar school at the end of the 19th century

The article is devoted to the questions of using the heirless property in building educational institutions of the Ministry of National Education at the end of the 19th century.

Keywords: heirless property, the dead owner, absence of successors, educational institution, man's grammar school, inheritance reception, officials of educational department.

Loba V.E. Crimes against the order of military service in Ulozhenie of 1649

The article is devoted to the analysis of positions of chapter VII «About service of any military people in Moscow state» Ulozhenie of 1649, concerning the questions of regulating the order of military service in that period of time. The author considers the description of the most dangerous acts, encroaching from the point of view of the military-criminal doctrine, upon the established order of the military service.

Keywords: crimes, military service, Ulozhenie of 1649.

Kuzakbirdiev S.S., Kuznetsova M.A., Filina M.N. The factors influencing hierarchy of norms of the right

The article is devoted to revealing and analysis of the factors influencing the construction of hierarchical structure of norms of the right. The problems of arranging the law rules in the given system are considered. The proposals on perfection of the legislation with the purpose of avoiding collisions and constructions of precise hierarchy are formulated.

Keywords: hierarchy of norms of the right, collision, the factors causing hierarchy of norms of the right, validity of normative-legal certificates.

2. The problems of state and municipal construction

Shaganyan A.M. About the principles of restriction of human and civil rights and freedoms

The article is devoted to scientific understanding of the principles of restriction of rights through the prism of the universally recognized principles of law and the lack of a unified legislative framework of the principles of restriction of human and civil rights and freedoms.

Keywords: right, the principle of law, the principles of restriction of rights.

Popov S.N. Constitutional right to housing and the role of the subjects of the Russian Federation in its realization

Forming an effective mechanism to implement the constitutional right to housing under existing economic conditions is one of the primary goals of the socially oriented state. The article substantiates the proposals to further improving the legislation of the federal subjects in the field under consideration.

Keywords: constitutional right to housing; regional social and economic programs; mortgage housing crediting; construction saving banks.

Merkulova A.P. The place and role of the Federal Migration Service of the Russian Federation in the mechanism of implementing the State policy in respect of our compatriots abroad

This article discusses the position of the Federal Migration Service of the Russian Federation in the system and structure of federal executive bodies. The author analyzes the place and role of the FMS of Russia in the mechanism of realizing the state policy in respect of compatriots abroad through the prism of legal acts regulating relations in this field. Basing on the study the author concludes that the actual competence of the Federal Migration Service of Russia is beyond the scope of supervisory functions, defined as the key to federal services.

Keywords: the Federal Migration Service of the Russian Federation, system, structure, government policy in respect of compatriots abroad.

3. Private law, regulation of contracts

Komissarova E.G. The endowment in the structure of noncommercial organizations' property: from theory to practice

The article is devoted to the analysis of the rules of the Federal law adopted on the 30th of December, 2006 № 275-FL «About the procedure of formation and use of the endowment of noncommercial organizations». The author also examines the correlation of its rules with the rules of existing civil and other legislation.

Keywords: noncommercial organizations, endowment, property isolation, trust management, charity.

Mikshis D.V. The ways of civil rights' self-defense

The article contains the first comprehensive classification of the ways of civil rights' self-defense. The author considers them in the aggregate as the non-jurisdictional form of rights' protection and systematizes them into four main groups according to the functions of self-defense defined by the dynamics of tort.

Keywords: self-defense, protective legal relationship, civil rights, protection, tort.

Permyakov A.V. To the question of conditions in law

The article is devoted to the question of conditions in law which seems to be solved but still demands the detailed study. The author focuses his attention on various approaches to the question of the place of conditions in the mechanism of legal regulation. He comes to the conclusion that the condition possesses features which, depending on the situation, allow to consider it as the legal fact and (or) legal relationship, and (or) in any other capacity.

Keywords: condition, legal condition, legal fact, legal relationship.

4. Criminal legislation and Criminology

Yuzikhanova E.G., Lysenko S.A. Criminological characteristic of the criminal's personality committing crimes against property in oil and gas complex

The article is devoted to the research of the criminal's personality committing crimes against property in oil and gas complex. The basic features characterizing such criminals, their moral and psychological peculiarities are analyzed by the authors in this article.

Keywords: criminal's personality, preventive measures, crimes against property, oil and gas complex, Criminology, statistics, economic crimes.

Zvorygina S.A. The topical issues of the criminal-legal estimation of the subjects of traffic offences

The author of the article analyzes the topical issues of qualification of traffic offences according to their subject. The author proves the qualification algorithm of the traffic offences committed during the training driving, towing, illegal transfer control of the vehicle, faulty re-

pair. Besides, the suggestions devoted to the improvement of the criminal legislation related to these issues are presented in the article.

Keywords: traffic, subject, traffic offence, qualification, violation of traffic rules.

Akutaeva I.R. Specially-criminological preventive measures against stealing other people's property

In this article the problem of thefts prevention is examined and the main varieties of preventive measures are pointed out. The author analyzes the specially-criminological preventive measures against stealing other people's property such as ensuring the principle of inevitable criminal liability of a person guilty of crime, timely crime detection, increasing of citizens' vigilance, etc.

Keywords: theft, thefts prevention, specially-criminological preventive measures, fighting against thefts, thefts detection.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Cherkasov R.V. The regularities of the criminal economic activities

Basing on the analyses of the works devoted to the problems of economic crimes detection and investigation the author of the article points out the regularities of the criminal economic activities. Manifestation of these regularities is described at five levels of the criminal economic activities which can be carried out by criminal groups united by blood relations or friendship; persons committing economic crimes during their official economic activity; professional criminals or criminal groups; ordinary organized criminal groups creating entities for laundering money; organized economic crime operating on the level of state authorities and criminality merging.

Keywords: criminal economic activities, economic crimes, business operations, normative determinacy, purchase and sale of criminal product, criminal income, multiphase activity.

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Bochinin S.A. Bases for the classification of investigative actions in Russian criminal proceedings

The article touches upon the classification of investigative actions in Russian criminal proceedings. A brief analysis of scientific opinions concerning the solution of this problem according to the bases of the classification is given by the author.

Keywords: criminal procedure, collecting of evidence, investigative actions, classification of investigative actions.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Amelichkin A.V. Protection of rights and legitimate interests of the person and the citizen in administrative activity of law enforcement agencies

The article deals with the protection of rights and legitimate interests of the person and citizen in modern Russia and international regulatory legal acts concerning this sphere. Problems of application of Federal Police Law in practical activities of workers of law enforcement agencies are analyzed. Suggestions on improving the activity of law enforcement agencies protecting rights and legitimate interests of the person and citizen are made.

Keywords: administrative legal relations, protection of the rights and legitimate interests, administrative legal regulation, the mechanism of control, means of audio and video recording.

Yuklova T.G. On improvement of the constitutional and legal mechanism of gender equality

The article analyzes the constitutional and legal mechanism of gender equality in international and national law, including legal guarantees. The problems of its functioning are highlighted, and ways to improve it in the Russian Federation are suggested.

Keywords: gender equality, constitutional guarantees of citizens' rights and freedoms, women's rights, the legal status of women, women discrimination.

8. Protection of a public order and maintenance of public safety

Romanova N.G. The problems of legal regulation of public order and public safety on water transport

Normative legal acts concerning the police activity on water transport are analyzed in the article. The legal regulation problems of law enforcement agencies' actions on water transport are examined. Suggestions about issuing of regulatory legal acts for the police activity on water transport are made.

Keywords: water transport, normative legal acts regulating the activity of law enforcement agencies on water transport, public order, public safety maintenance, offences.

Kalyuzhny Yu.N. The main ways of the improvement of the duty service performance for road traffic patrol police divisions of the Russian Interior

The article deals with the main ways of the improvement of control and supervision by divisions of road traffic patrol police over observance of requirements of traffic safety. Preconditions of further development of the divisions are discussed.

Keywords: road traffic safety, road traffic patrol police, road traffic control, improvement of activity.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде (бланк заявки находится на сайте издания: <http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
- контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
- 4. Аннотация (на русском и английском языках).
- 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.: ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Рос. газ. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; Рос. газ. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.

